

Татьяна Смирнова Александр Тестов В шкуре зверя

Йонард – 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571615
«Тестов А., Смирнова Т. В шкуре зверя»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0586-0

Аннотация

Германец Йонард – бывший легионер бывшей империи – сопровождает караваны на просторах Востока и мечтает вернуться на родину. Хотя он и не уверен, что его там ждут.

Жизнь преподносила ему массу сюрпризов и приключений, но боги приготовили еще одно испытание – встречу с хозяином Черной башни!

**Александр Тестов, Татьяна Смирнова
Йонард**

Пролог

В 476 году н.э. пала Западная Римская империя. Командующий императорской армией германец Одоакр сверг с престола Ромула-Августа, а знаки императорской власти отослал в Константинополь. Бывшие легионеры некогда Великой Империи разбрелись по дорогам мира...

* * *

Холодный бездымный факел зеленоватым, мертвенным светом заливал подземелье. Он был воткнут в железную скобу у входа, и, стало быть, мог освещать только дверь да три грубо вытесанные ступени, ведущие вниз. Однако свет заливал все помещение: кое-как выровненный пол, стены, сужающиеся к выходу, низкий свод, старый, вытертый до дыр, сложенный вдвое ковер у стены, вбитые в стены железные кольца, цепи чуть не в руку толщиной...

Толстый железный обруч охватывал худую ногу пленника, одетого в жалкое подобие куртки и штанов. Худоба его была, вероятно, следствием заточения в темнице, но его сложение без слов говорило, что и в лучшие свои времена пленник не был большим румяным детиной – кровь со сливками. Должно, таким он и появился на свет: маленьким, хрупким, тонкокостным. Однако, кроме внешности, ничто не наводило на мысль о слабости, ничто не внушало желания пожалеть. Пленник сидел на своей убогой подстилке очень прямо, поджав ноги, как это принято на востоке. Его узкие темные глаза не мигая смотрели в одну точку, а лицо, при этом мертвом свете казавшееся серым, но, вообще-то, желтоватого оттенка, в своей неподвижности напоминало маску. Все мускулы пленника были расслаблены, казалось, тело его вот-вот утратит жесткость и растечется по полу водой, скинув ненавистные цепи. Но вот что-то неуловимо изменилось. Худая грудь слегка шевельнулась, и тотчас узкие плечи узника, шея, неподвижные руки, спина, поджатые ноги словно бы начали наливаться силой, на глазах обретая крепость железа и гибкость виноградной лозы. Несколько мгновений спустя на продавленном ковре сидело неведомое божество, налитое немислимой мощью... Но вновь шевельнулась драная хламида, и сила начала неудержимо вытекать из тела, оставляя лишь пустую оболочку. Вдох – выдох. Великое божество – беспомощный пленник. И только бесстрастная маска, которую боги дали ему вместо лица, ничуть не менялась. Нечеловеческое могущество – слабость младенца, вдох – выдох...

Внезапно узник странным слитным движением не то чтобы поднялся на ноги, а словно взмыл вверх, как неудержимая волна во время прилива. Голова чуть наклонилась вперед, длинные гибкие руки медленно поплыли вверх, точно выпуская невидимую птицу, голова поднялась за ними... Прикованная нога дрогнула, цепь зазвенела, но это не разрушило сосредоточенности пленника и гармонии его странного танца. Руки так же медленно и плавно поплыли вниз, будто некая таинственная сила внезапно наполнила их свинцовой тяжестью, будто узнику не терпелось уронить их, сбросить непосильную ношу, но он боролся с собой, боролся с собственной телесной слабостью, и хоть не побеждал, медленно уступая неведомой силе, но и не сдавался. Чуть согнув ноги в коленях, он медленно и осторожно опустил наземь незримую тяжесть.

Так начался его удивительный танец – танец человека, прикованного к стене. Тело его то воспаряло ввысь, то растекалось по земле, то наливалось тяжестью, то обретало легкость пушинки в воздушном потоке, то гнулось, как тонкая бечева, то обретало твердость сухого древесного корня, то взрывалось неистовым каскадом движений, то замирало, словно прислушивалось к чему-то далекому. Или говорило с кем-то. Или просто дышало...

Странный факел горел ровно и даже не думал гаснуть. Узник привык к этому, как и ко многому другому. Впрочем, «привык» не то слово. «Привык» – значит, смирился, отказался от надежды, веры, борьбы. Человек, прикованный к стене, ни с чем не смирился и ни от чего

не отказался. Он просто ждал. Ждал терпеливо, спокойно, не обнаруживая ни малейших признаков гнева или нетерпения, ждал малейшего шанса, чтобы, не медля ни секунды, ухватиться за него и действовать.

Он не был магом, вопреки убеждению многих, считавших его искусство даром светлых богов или порождением злобного Сетха, смотря с какой его гранью им пришлось столкнуться. Он не ведал будущего, ибо не был и прорицателем. Он просто ждал, как ждет до времени скрытый в ножнах клинок. Над его подземельем поднималась громада Черной башни. Когда пленник думал о ней, он мог ясно представить себе внутреннее расположение комнат, каждый переход, каждую лестницу от угрюмых подземелий до открытой всем ветрам площадки на самой вершине башни. Долгое время он был здесь гостем. До того как его радушный хозяин решил, что гость его слишком опасен.

Тело повторяло годами отточенные движения, а мысли пленника бродили далеко. В тех давних счастливых временах, когда они трое, он, его ученик Делви и мудрый старец из княжества Тай-Цзон, сломили силу мага-египтянина и вошли в Черную башню как победители. Чтобы сделать это, он, теперешний пленник, использовал своего ученика, который волей судьбы был в дальнем родстве с прежним хозяином башни. Память крови и глубокое внутреннее чутье Делви помогло миновать магические ловушки и одолеть чародея. Но ничто не дается даром. Справедливые боги за все начисляют свою плату, которую и взимают в должный срок с беспристрастием истинных владык. И настал день, когда Учитель Дзень-Сю собрал их в круглом зале, где пол был выложен мозаикой с изображением Сетха. Магическим, исполненным особой силы, как утверждал Делви. Но Учитель бестрепетно наступил ногами, обутыми в мягкие туфли, на оскаленную пасть Великого Змея. Сила Сетха была побеждена и укрощена. Совсем она, конечно, не пропала, но никто ее здесь больше не боялся. Они сели на пол: мудрый старик, а напротив него он и Делви. Выцветшие от времени глаза Дзень-Сю были печальны и строги.

– Никому не миновать жребия, определенного богами, – тихо начал он, – никому не миновать того, что предначертано. У нас есть лишь один выбор: встретить судьбу достойно или потерять лицо. Линии наших судеб пересеклись здесь, в Месте Силы. Мы сокрушили великое зло, но для этого нам пришлось свершить малое – столкнуть меж собой родичей. И за это каждому из нас придется заплатить свою цену.

– К чему ты говоришь это, Учитель? – спросил Делви, – зачем ты мучаешь нас?

– Не мучаю, а пытаюсь подготовить к встрече с неизбежным, – возразил Дзень-Сю, – немногие могут заглянуть ему в глаза и сохранить необходимую отрешенность. Но если ты, Делви, считаешь, что готов к испытанию, так вот тебе правда: этой ночью великий Будда послал мне сон. Он приоткрыл завесу будущего. Вскоре мы расстанемся. Каждому из нас предстоит своя дорога и своя битва и прежде, чем мы встретимся вновь, каждому придется сразиться со своим врагом в одиночку и победить. И цена победы будет высока.

– Что ты видел, Учитель? – спросил он, Дзигоро.

– Ты тоже готов к встрече с неизбежным? – старик неожиданно улыбнулся, – и тоже уверен, что устоишь? Хорошо. Слушайте. Тебе, Дзигоро, предстоит выковать меч, который возьмет жизнь твоего ученика и друга.

Дзигоро хорошо помнил, как ошеломило его невероятное пророчество. Он взглянул на бледного Делви и встретил такой же растерянный взгляд.

– Этого не может быть, Учитель. Ты, должно быть, ошибся, – возразил он. – Мои руки никогда не прикасались к оружию. Будда запрещает отнимать жизнь, и я всегда следовал его Учению. Я не стану ковать этот меч. Да я и ковать-то не умею.

– Разве может смертный противиться воле богов? – строго спросил Дзень-Сю. – Если ты действительно следуешь Учению, то ты не позволишь своему невежеству судить их мудрость. А твоя собственная мудрость будет заключаться в том, чтобы как можно лучше и точнее исполнить предначертанное.

– А в чем будет заключаться моя мудрость? – спросил Делви.

– Твоя мудрость должна будет помочь тебе без страха и злобы принять неизбежное, и в

этом будет суть твоей битвы, – ответил Дзень-Сю. – А я поступлю мудро в том случае, если не стану мешать вам своими советами. Моя мудрость будет заключаться в безделье, – учитель улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. – Я отдал вам столько мудрости, сколько смог, а вы взяли столько, сколько сумели в себя вместить. Как вы ей распорядитесь – решайте сами, тут я вам не помощник. Мы встретимся снова, когда будет откован меч, падет великое государство и смертный поспорит с богами. И больше не спрашивайте меня ни о чем. Я открыл ровно столько, сколько позволил Будда.

В тот день Учитель действительно больше не сказал ничего. Но когда с первым попутным караваном Дзень-Сю отправился домой, в далекий Китай, то вместо слов прощания он тихо сказал Дзигоро:

– Будда поведал мне в том сне, что когда будет откован меч, оборвется еще одна жизнь.

Дзигоро не спросил ни о чем. Он понял, что хотел сказать его старый Учитель. Понял и принял.

А вот Делви не хватило мудрости. Страх скорой смерти оказался сильнее, и однажды, побуждаемый им, он услышал зов своей древней коварной крови. И откликнулся. Старые манускрипты с заклетами Баала ожили вновь под умелыми руками Делви. Совсем нетрудно заставить врасплох того, кто верит тебе безоглядно. В этот раз орудием Темных сил послужил чай, заваренный Делви по древнему рецепту. Сделав всего лишь глоток, Дзигоро надолго лишился сил, а из гостя превратился в пленника. Убить его Делви все-таки не решился.

Прошло три года...

Тяжелая дверь скрипнула в давно несмазанных петлях. Человек замер. Обернулся к двери и неспешно «стек» на старый ковер, принимая прежнее положение. Поднял бесстрастное лицо.

По ступеням спускался плотный коренастый человек в богато расшитом халате и мягких туфлях с загнутыми носками. Он был мрачен. Полная физиономия выражала мировую скорбь, словно ему предстояло поменяться с узником местами на неопределенный срок. Это был его новый страж, Кошиф. Он остановился напротив и долго молчал, разглядывая мускулистое, лоснящееся от пота тело. На лицо человека он уже давно не смотрел – какая радость рассматривать рожу, словно высеченную из камня.

– Я смотрю, ты не сдаешься, – произнес он наконец, видимо, устав от молчания.

А вот узник от него, похоже, ничуть не устал, потому что не проронили слова, продолжая смотреть сквозь внушительную фигуру в халате. Кошиф с шумом выдохнул.

– Ты упрям, Дзигоро, это я уже понял. Но и я упрям. Если ты думаешь, что твое упорство – достойное восхищения, не спорю, но крайне глупое и неуместное – когда-нибудь надоест мне, и я разомкну эту цепь – то ты еще больший глупец, чем я думал. У меня достаточно терпения, чтобы переубедить сотню упрямцев. Тебя сегодня уже кормили?

Дзигоро по-прежнему молчал, но его тюремщик и не нуждался в ответе.

– Кормить тебя больше не будут. Если через два дня не поумнеешь, то перестанут и поить. Потом уберут свет...

Маленькие светлые глаза вцепились в неподвижное лицо пленника, надеясь отыскать признаки страха или неуверенности, но с таким же успехом они могли ощупывать серый камень за спиной Дзигоро.

– Тьфу! – сплюнул тюремщик. – Говорил хозяину – одна морока с тобой. Я ведь исполню то, что обещал, и все твои хваленые Силы тебе не помогут.

Узник по-прежнему молчал, но темные брови его шевельнулись в изумлении.

– Честное слово, ты мне нравишься. И я бы давно отпустил тебя, – со вздохом проговорил тюремщик, – но ведь хозяин, Танат его заberi, выпустит мне потроха и сварит похлебку для своих жутких тварей. Он дал мне три месяца срока, чтобы сделать тебя покладистым, и, право, лучше бы тебе подчиниться. Поклянись ты ему, в чем он просит, чего тебе стоит? Подумаешь – пару раз языком повернуть. Небо от этого не обрушится. Большое

дело – Будда запрещает ложь! Я слышал, твой бог добр. Он тебя простит. Мне не слишком-то хочется показывать тебе, на что я способен. Да, честно говоря, я и сам не горю желанием это узнать.

Тюремщик горестно вздохнул, глядя на Дзигоро со смесью искреннего и притворного сожаления. Но тот уже утратил интерес к болтовне стражника и взгляд его, миг назад живой и внимательный, обратился в себя. Дзигоро безмолвствовал.

– Ну, как знаешь, – обозлился тюремщик, – не хочешь по-плохому, как хочешь. Но имей в виду: по-хорошему будет еще хуже!

Он двинулся к выходу, шаркая по полу мягкими туфлями. Уже у самой двери, на ступенях, он обернулся и серьезно спросил:

– Твоя вера хоть стоит того, чтобы из-за нее умереть?

Дзигоро промолчал. Он снова дышал медленно и ритмично, готовясь продолжить прерванный танец.

Глава первая

Ребята из второй «когорты пятисотенников» одиннадцатого легиона были, в общем, не самыми бесшабашными воинами великого Рима. И хоть трибун Сервилий в глаза называл их не иначе как «свора безголовых ублюдков», «обезьян в сандалиях» и прочими, столь же ласковыми именами, за глаза, да за чашей сладкого греческого вина, да не за первой, а как бы не за пятой-шестой, когда у человека на язык вылезает именно то, что он думает, и речь еще вполне внятна, Сервилий своих парней хвалил и признавал, что любому из них без опаски доверит свою спину... да и вещи поценнее. А то, что они тогда учинили на великой Аппиевой дороге, и вовсе было по меркам войны шалостью вполне безобидной. Случись это где-нибудь на окраине Великой Империи, их выходка прошла бы незамеченной. Ну, разве что Сервилий, посмеиваясь, поведал бы о ней наместнику... а может и не поведал бы, потому что благополучно забыл.

Стычек не было уже пару недель, жара стояла несусветная, а жители деревни, перепуганные недавними событиями, не спешили возвращаться на обжитые места и везти назад своих веселых сестер и служанок. И винный погребок Левконои был давно пуст... Ежедневные занятия с оружием, которые кампигены проводили с упорством маньяков, давно стали рутинной. Словом, ребятам было скучно.

Со скуки они и взяли пару старых телег и поставили их на бок, добавив два десятка пустых бочонков из-под вина и масла да кучу прочего ненужного скарба. Прямо поперек великой Римской дороги. Да и стали требовать со всех проезжающих новый вид подати: «на безопасность дорог».

Купцы, которых, правду сказать, было совсем немного, окинув взглядом не совсем трезвых легионеров, торопились откупиться либо вином, либо угрозами нажаловаться цитириону или даже самому легату... и та, и другая монета принималась в уплату без возражений, вино тут же выпивалось во славу Рима, а угрозы пропускались мимо ушей. Впрочем, купцы, расплатившиеся грозными словами, пропускались тоже: парни ведь просто шутили, не грабители же они, в самом-то деле...

Этот отряд сразу повел себя по-другому. Небольшой, всего десяток конных слуг, вооруженных, правда, до зубов – но покажите мне такого противника, который испугал бы легионера... Да еще конного противника. Конницу непобедимая римская пехота от души презирала, и по делу.

Но это были какие-то совсем особые конные. Развернувшись полукругом, они окружили просторный паланкин и выставили короткие копы. Увидев это, «свора безголовых» непочтительно заулыбалась, а кое-кто и заржал в голос.

Занавески паланкина дрогнули и разъехались. Йонард взглянул туда... и почувствовал, как булыжник мостовой, уложенный на века, шатается под ногами.

Красавицей ее не назвал бы и ритор, нанятый за деньги. Слишком высокий лоб,

слишком густые брови, нос большеват... а может быть, и не чуть, а просто велик, презрительно поджатые губы... Все это наводило на мысль скорее об уродстве, чем о красоте. Но мысль эта была бы неверной. Знатные патрицианки уродками быть не могли по определению. Слишком чистые, слишком ухоженные, слишком красиво одетые и слишком неприступные. Чувство собственного превосходства, когда оно истинно, подобно короне. Оно заставляет всех окружающих слегка присесть. Или просто опустить глаза и посторониться.

Что и сделала «свора безголовых» при полном молчании и в полном изумлении от собственного поступка.

Женищина не сказала ни слова, только одарила легионеров взглядом, каким одаривают... дворовых псов, растягавшихся не ко времени и не к месту. Затем занавески паланкина сдвинулись снова, и маленький отряд проследовал своей дорогой.

– Сестра патриция Публия, на виллу едет, – с видом «бывалого» и все знающего проговорил Манур, – видал, как зыркнула.

– У меня аж по зубам зеленью прошло, – кивнул Смитрак.

– А чего это вы все присели, как куры, которым срочно приспичило снести яйцо? – Марк, единственный в «своре» чистокровный римлянин, презрительно сощурился. – Баба как баба. А охрана у нее хоть и храбрая, да в настоящем бою слова доброго не стоит.

– Так-то оно так, – кивнул Манур, – но то ведь в настоящем бою. Мы же не собирались по-настоящему воевать с личной охраной патриция. За такое можно и головой поплатиться.

– Можно подумать, больше нигде ты головой не рискуешь, – фыркнул Марк. – Когда на тебя несутся готы, ты вскидываешь руки и провозглашаешь: «Noli me tangere – civis romanus sum!»¹.

– И они, конечно, слушаются...

– Может быть, и послушались бы, если бы понимали латынь.

Насмешки завели вспыльчивого Манура.

– Ты хочешь сказать, я испугался бабы?

– Нет, я хочу сказать, ты испугался бабы и десятка конных, – бросил Марк.

– Я знаю, где ее вилла, – с отчаянием в глазах бросил Манур.

– И что с того? – с жесткой усмешкой поинтересовался Марк.

– Я ее... эту бабу... того...

– И десяток конных тоже... того? И лошадьми не побрезгуешь?

– А справишься?

– Манур, ты что... пошутили и хватит, – попробовал Йонард урезонить приятеля, – что ты, бабы не видел. Так вернется Левконоя, она тебе такое покажет, чего ни одна патрицианка не умеет.

– Ставлю недельное жалование, что этот щенок даже близко к вилле не подойдет, – бросил Марк, и это решило дело.

Поздно ночью Манур исчез из лагеря. Никто не верил, что он и впрямь отправился на виллу патрицианки. Вернее, не хотели верить. Думали, что у парня хватит ума до утра отсидеться где-нибудь поблизости, а потом вернуться и наплести семь лиг до небес о том, какая жаркая была ночь. И готовились даже, в целях сохранения мира и порядка в «своре», сделать вид, что поверили Мануру.

Только парень не появился ни утром, ни к полудню. Ни к вечеру.

– Сбежал? – рассуждали легионеры, – побоялся признаться, что не хватило духу влезть на виллу? Скорее всего, так оно и есть. Только зря он это сделал.

Дезертиров, как и воров, не миловали. Если в мирное время уход их войска карался понижением в должности и переводом из легиона в иной род войск, то в военное время

¹ Не трогай меня – я римский гражданин! (лат).

наказание было одно – смерть.

Но Йонард не верил в побег приятеля. И все чаще посматривал на дорогу, по которой проскакал небольшой конный отряд, охранявший патрицианку. Впрочем, пустым мыслям он предавался недолго. Выходка «своры безголовых» дошла до самого Сервилия, и, разгневанный, он распорядился бросить недисциплинированных воинов в самое пекло, на оборону цирка...

– Хрофт! – еще раз повторил Йонард. Наверное, впервые в жизни он не знал, что ему следует предпринять. Эти гнетущие воспоминания о службе в Риме все чаще не давали покоя. Хотя прошло уже пять лет. О боги!

Германец стоял незыблемый как скала, тяжело придавив широко расставленными ногами землю, чтобы не вывернулась ненароком в самый неподходящий момент...

Караван, который северянин вел на этот раз из Ашкелона в Эрак, был не самым большим. Йонарду случалось видеть и большие. И самому бывать в них проводником. Но он предпочитал длинным растянутым вереницам тяжело навьюченных верблюдов малочисленные подвижные отряды. В таких обычно хозяева везли товары столь нетерпеливо ожидаемые, что задерживаться до того времени, когда соберется больше купцов, они не имели ни желания, ни возможности. Бывали и другие причины для спешки, например желание во что бы то ни стало оказаться на новом базаре раньше собратьев по ремеслу. А для Йонарда во всех случаях выпадала прямая выгода – платили такие купцы проводнику вдвое дороже. Ведь и вести такой караван, и идти в нем опаснее. Нет большой охраны. Легче стать добычей охотников за чужим товаром. Да и проводник ведет не обычной проторенной тропой, а кратчайшей дорогой через барханы. И переходы без всякой надежды на долгожданный колодец вдвое длиннее. Йонард водил караваны между Ашкелоном, Эраком и Хорасаном с зимы, и, когда по-летнему жаркие лучи солнца обожгли землю, не было в этих богатых торговых городах купца, да и простого жителя, который не знал бы Йонарда, Йонарда-северянина, лучшего проводника. Его караваны всегда приходили целые и невредимые, все люди были живы, товар в полной сохранности, ни одно животное, будь то верблюд, лошадь или ишак, не пало в дороге. Заполучить Йонарда в проводники хотели многие караванщики, но он своим особым, почти животным чутьем, безошибочно определял, где хозяин, действительно, не поскупится на награду.

Вот и на этот раз он повел маленький караван: всего из восьми верблюдов, двух купцов и трех погонщиков. Поклажи было немного, но зато все товары предназначались для гарема самого правителя Эрака. Тончайшие китайские шелка, великолепные по рисунку и качеству работы иранские ковры, индийское розовое масло в запечатанных сосудах из обожженной красной глины, чтобы не исчез дивный аромат цветущих долин, заключенный в них. Ну и, конечно, драгоценности. Один из двух купцов оказался знакомым Йонарду, как-то по весне он уже вел его караван из Эрака в Ашкелон. Им тогда посчастливилось отбиться от банды диких кочевников-грабителей, но слуг у них тогда было больше, и везли они прекрасные клинки, которыми можно было перепоясаться без риска сломать дорогое оружие, и кольчуги, сияющие живым, текучим серебром.

Ашад, так звали знакомого купца, на этот раз выбрал в проводники Йонарда не случайно. Одних шкатулок с жемчугом он вез больше двух десятков. Золотые кувшины и подносы с огромными рубинами и сапфирами, чаши, украшенные алмазами самой разной величины – от тончайшей пыли до «бычьего глаза», а уж о разных коробочках из слоновой кости и китайского нефрита с перстнями, ожерельями, подвесками просто говорить не приходилось. И доставить все нужно было как можно скорее и в полной сохранности. Иначе правитель Эрака мог лишиться последней радости и утешения в жизни: любви и почитания своего гарема. Всего лишь из-за того, что, как на ушко шепнули Ашаду, а он, в свою очередь, в такой же тайне пересказал своим попутчикам, посчастливилось правителю купить для себя новую наложницу.

Она была стройна, прекрасна лицом, белокожа, светловолоса, с таинственно

мерцающими зелеными глазами. Огромные, широко расставленные, они лишали разума всякого, кто отваживался в них заглянуть. Правитель не был исключением – он был мужчиной. Его даже не насторожила слишком низкая цена, запрошенная за нее. Она стояла среди торговцев и евнухов такая хрупкая, нежная, трогательно-беззащитная в своем восточном наряде. Все в этой женщине говорило, что она достойна гарема любого правителя. Непонятным было лишь то, кто же захотел расстаться с такой драгоценностью своего сердца.

Правитель понял это сразу же, как только белокурая красавица воцарилась в его серале. Она тут же заявила, что более нищего гарема ей в жизни своей не приходилось видеть, что правитель скупец и скряга, и за столь жалкие подачки своим женам достоин разве одной сухой улыбки и пяти вырванных волосин из бороды, что такому скопидому лучше держать вместо целого гарема одну ослицу себе под стать. Кроме того, она пригрозила правителю, что если он попытается от нее избавиться, она расскажет о его скаредности всем в Эраке. Но все равно, с ней одной еще можно было бы сладить, так нет! Она взбаламутила весь гарем. Все жены одновременно отказали правителю в утешении. Он стал раздражителен и зол, гневался по любому поводу и вымещал свое раздражение на верных слугах и ни в чем не повинных приближенных. Ашад смеялся до слез, рассказывая, как о голову одного из них правитель расколотил блюдо с сахарной патокой, и как бедолагу отмывали потом в бассейне у фонтанов в саду правителя. И все бы кончилось благополучно, но в нем, оказывается, жили редкие золотые рыбки, которые то ли от испуга, то ли от сахара, повсплывали кверху брюхом, и слуги долго ловили их за скользкие широкие хвосты и носили на кухню. Поглядев на лазурную гладь бассейна, покрытую ярко-желтыми телами пузатых пучеглазых рыб, правитель грустно вздохнул и решил одарить своих жен так, как никто в мире, чтобы снова во дворце воцарились мир, покой и благоденствие. А еще приказал не селить больше рыб в бассейн, отныне и впредь.

– Теперь ты понимаешь, приятель, какой важный караван ведешь сейчас, – вытирая слезы, проговорил Ашад.

– Клянусь Хрофтом, эта девица знает, чего хочет, и как этого добиться. Видно, не один владелец почувствовал на себе ее хватку. Поэтому и продавалась по дешевке, – похохатывая, откликнулся Йонард.

– Да, самый ненадежный товар – это женщины. Никогда не можешь знать наверняка, сколько она стоит на самом деле, – поддержал второй торговец.

Ох уж эти женщины! Ну да, была у него и эта небольшая рана. Даже не рана, а так, вроде бы пустяк. А на пустяки стоило ли обращать внимание? Вот только...

Второй раз они увиделись неожиданно и плохо. Хотя любая такая встреча ни к чему хорошему привести не могла, так что не важно, где и при каких обстоятельствах. А обстоятельства были – из рук вон.

Шел третий час ночи, и «свора безголовых» в казарме видела десятые сны. За исключением тех, кто стоял в карауле. Расквартирование в самом Великом городе парни приняли без особой радости. Понимали, если уж допустили врага до последнего рубежа, ничего хорошего в этом нет. И на счет римских бань и римских баб прохаживались, конечно, как без этого, но уж больно невесело, как будто по обязанности. Настроение было паршивое. Как раз для того, чтобы драться насмерть, не пытаясь сохранить жизнь и не думая о будущем, которое медленно, но верно оборачивалось дымом, вместе с самой Империей, под натиском молодых и сильных варварских племен.

Йонард проснулся очень быстро, как всегда. Как всегда, первым делом нацупал рукоять короткого ножа и только потом осознал, где он и что с ним. А в следующий момент открыл глаза и увидел над собой физиономию Равала, «старшего по палатке», говоря проще, десятника.

– Одевайся и выходи. Только легкое оружие, – бросил он и подошел к спящему Смитраку.

Переспрашивать Йонард не стал, знал, что молчаливый Равал, ходивший у центуриона

в любимчиках, ничего сверху не скажет. Да и зачем? Все равно сейчас все узнает из первых уст. И, похоже, новости из тех, что лучше бы и не слышать вовсе.

Опасения Йонарда оправдались на все сто.

На улице шел дождь: не мелкая и противная морось, с которой приходили первые холода на родине германца, а хороший, честный дождь, который легионеры великой империи терпеть не могли: сырость плохо влияла на доспехи. Панцирь, шлем, меч, поножи и нарукавники приходилось потом до седьмого пота драить, смазывать специальным маслом и снова драить... За пятно ржавчины на доспехе можно было поплатиться очень сурово. Чуть ли не со времен Ромула считалось, что сверкающий доспех нагоняет страх на врагов... Может быть и так, только нынешние враги не слишком боялись прославленного римского блеска.

Под символической защитой кривоватой каменной стены стояла пятерка воинов. Йонард подошел поближе и среди них разглядел самого префекта легиона. Он завернулся в плотную шерстяную накидку, смотрел в землю и слегка горбился, что было очень плохим признаком. Пожалуй, еще худшим, чем то, что такая большая шишка вдруг ни с того ни с сего снизошла до простых солдат.

Вскоре появились Равал и заспанный Смитрак, который, не скрываясь, зевал во весь рот, обнажая набор зубов, неплохой, но далеко не полный. Однако, увидев высшего начальника собственной персоной, он зевать перестал и начал часто моргать. Проняло-таки. Третьим в этой группе оказался Тремон, которого вся «свора» уважала за звериную силу, но с трудом терпела за нечеловеческую скупость.

– Значит так, парни, – вполголоса произнес префект, – сейчас мы с вами пойдем в один богатый дом. Что бы там не увидели и не услышали, исполняйте мои приказы так, словно вас ничего не удивляет. Думать, сомневаться, спрашивать будете потом. Тот, кто проявит себя хорошо, получит все объяснения. Потом. Если захочет. А тот, кто не захочет никаких объяснений, получит лично от меня пять монет.

Смитрак перестал моргать и заулыбался. Физиономия Равала осталась каменной. Шагая по узким улочкам, в которых он все еще ориентировался слабо, Йонард не переставал размышлять о том, каким странным был состав группы для этой вылазки. Самый молчаливый, самый тупой, самый жадный и... Себя Йонард полагал парнем средним во всех отношениях. Да, силен, но в «своре» были парни и посильнее, тот же Тремон, который на спор рвал веревку, напрягая шейные мускулы. Да, храбр, отличился в боях и отмечен центурионом... Но этим воинов Рима не удивишь, каждый из них мог похвастать тем же... только не хвастали. Перед кем? Насчет ума... Йонард тешил себя надеждой, что соображает он неплохо. Может быть, льстил?

За размышлениями путь оказался коротким. Перед глазами выросли массивные железные ворота. Как не плохо Йонард ориентировался в хитросплетениях Вечного города, но и он понял, что префект привел их группу какими-то скрытыми тропами на южный склон Палатинского холма, в квартал знати.

Внезапно от темной стены отделилась фигура, закутанная в такой же плащ. Парни, не раздумывая, обнажили мечи и встали так, чтобы защитить префекта. Но – поторопились. Фигура сделала шаг вперед, оказавшись на расстоянии видимости. В этот момент дождь, ливший всю дорогу, вдруг прекратился и, как по заказу, плотные серые облака разошлись, выпуская почти полную луну. И Йонард подумал, что одно из двух: либо он спит и видит странный сон, либо он проснулся в странном мире. В мире, где запросто на темной улице можно повстречать самого лысого германца Одоакра, командующего личной охраной императора...

– Я надеюсь, парни, которых ты отобрал, полностью надежны, – сказал лысый, обращаясь к префекту. Самых воинов он удостоил лишь беглого взгляда, но, как Йонарду показалось, увидел все что нужно и даже несколько больше, чем те хотели бы показать легендарному человеку.

– Не беспокойся, – коротко ответил префект и в свою очередь спросил: – Нас ждут?

Не отвечая, лысый коротко стукнул рукоятью ножа по железной решетке два раза, потом, с небольшим перерывом, еще два. Звук получился глухим и не очень громким, но, видно, тот, кто должен, услышал, так как железные ворота, заранее смазанные... или просто поддерживаемые в таком состоянии рачительными слугами, распахнулись не то что без скрипа, а вообще без звука. Их встретили. Йонард уже устал подсчитывать фигуры, закутанные в плащи и накидки, прячущие лица, и очередного парня с такими же манерами просто отметил, не вглядываясь.

Большой зал, где они в конце концов очутились, был поделен на две части мраморными колоннами. В глубине стоял круглый стол, за которым расположились трое мужчин и женщина. Стол не был уставлен яствами, для трапезы час был слишком поздний... или слишком ранний. Не годился он и для молитвы, и для игры. Но троица в зале явно была чем-то занята, и, похоже, дело было серьезное и срочное. Мужчины склонились над какими-то свитками, один прижимал кожу к столу, другой водил пальцем, разбирая знаки, и время от времени сверялся с небольшой деревянной дощечкой, которую держал в руке. Женщина смотрела в сторону.

Увидев ее, Йонард как будто получил полновесный удар под дых. Много времени прошло, но так и не забылся ни случай на великой дороге, ни пропавший товарищ. Она сидела так же прямо, смотрела невозмутимо и чуть презрительно, лишь лицо ее, некрасивое, но гордое, было бледным. Хотя, возможно, виновато было скупое освещение. Двое других мужчин были незнакомы германцу, но, судя по богатой одежде, принадлежали они к высшей знати.

Повинуясь безмолвному, поданному лишь жестами, приказу десятника, воины быстро рассредоточились по залу, перекрывая все возможные выходы, в том числе и через окна. Три человека, включая и Йонарда, пересекли зал и встали за спиной троицы.

– Именем императора...

До Йонарда, несмотря на всю его хваленую сообразительность, только сейчас дошло, что происходит: арест.

Мужчина справа сделал движение, чтобы схватить со стола свиток, но Йонард довольно бесцеремонно придержал его за плечо, а туповатый Смитрак так же быстро и четко помешал второму переломить деревянную дощечку. Все это было немедленно передано префекту. Женщина не шевельнулась.

– Шифр, – сказал он, едва глянув на свиток, – с помощью этой дощечки вы прочтете его легко, господин Одоакр. Но уже сейчас ясно, что информатор не солгал, патриций Публий действительно готовил заговор против императора. И поэтому мой человек, который, рискуя жизнью, поставил нас в известность о нем, заслужил помилование.

Из темноты, повинуясь движению руки префекта, вышел мужчина, большого роста, но худой и гибкий, закутанный в плащ.

– Напомни мне, Красс, какое преступление совершил этот человек? – хмуро спросил Одоакр.

– Он самовольно покинул войско, – спокойно ответил префект.

Фигура у его левого плеча невольно вздрогнула.

– Дезертир, – бросил лысый.

– Нет. Не думаю. По его словам, парню показалось подозрительным, что сестра Публия едет одна в сопровождении столь малого отряда по такой беспокойной местности, где совсем недавно шли бои. Он решил проследить за госпожой Пробой и божьей волей открыл заговор. О котором немедленно известил меня.

Молодой мужчина, стоявший рядом с префектом, откинул капюшон накидки, и Йонард увидел осунувшееся лицо Манура. Как оказалось, парень был вполне жив. Да еще стал героем... Может быть, и награду получит. Если только лысый пес императора не решит, что лучше бы парня казнить как дезертира.

– Сестра твоя тоже умышляла против Императора? – сурово спросил Одоакр.

Человек, оказавшийся Публием, вскинул голову.

– Ни единым духом. Сестра моя везла письма, не зная, что она везет, лишь выполняя мою просьбу.

– Тогда почему госпожа Проба оказалась здесь в столь неурочный час?

– Она просто принесла нам вино. Я не хотел будить слуг.

Услышав, как брат берет всю вину на себя, явно выгораживая ее, Проба вздернула подбородок, и без того никогда не смотревший вниз, и в упор посмотрела на Манура.

– Тебе было недостаточно того, чем я расплатилась с тобой за молчание, грязный варвар? Ты захотел получить десятую часть богатств нашей семьи?

– Молчи, Проба, – ахнул брат, – ты себя погубишь.

– Так что с того? Разве не погибли уже честь и достоинство Рима, честь семьи и твоя? Что еще осталось у нас такого, что было бы жалко потерять? Жизнь? В нашем положении за нее не стал бы цепляться и последний бездомный босьяк, если только он римлянин.

– Сестра лжет, – быстро сказал Публий, – она не хочет оставлять меня одного перед судом императора. Я готов поклясться на кресте, что она – чиста и ни в чем не повинна.

– Лжет Публий, – подал голос сидевший справа второй мужчина, который до этого момента сохранял молчание. Все, кроме воинов, повернулись к нему, – Он пытается выгородить Пробу. Она с самого начала была с нами, перевозила все письма и драгоценности в дар варварским царям...

– Берем всех? – полувопросительно произнес префект, почти не сомневаясь в решении лысого. – Палач разберется, кто из них в чем виновен.

Но Одоакр не спешил. Он еще раз обвел глазами компанию за большим, мраморным столом, пойманную «на горячем» глубокой ночью.

– Для императора было бы лучше, если бы госпожа Проба оказалась невиновной, – промолвил он тихо, словно размышляя вслух, – она просватана за его брата. Заговор не мог пустить корни в императорском доме, это было бы слишком даже для нынешних, воистину страшных времен.

Манур переминался с ноги на ногу и явно желал оказаться где-нибудь подальше отсюда, например, в какой-нибудь жаркой стычке с дикими племенами, где на одного легионера приходится по двадцать нападающих. Парень как в воду глядел. Одоакр обратил свой пристальный взгляд на него. Если Манур и хотел провалиться сквозь землю, то момент был явно упущен. Лысый пес императора славился тем, что нужных ему людей мог достать даже из-под земли.

– Что тебе известно о роли госпожи Пробы в заговоре против Императора? – спросил он, – подумай как следует. От твоих слов будет зависеть твоя жизнь и судьба.

Намек был более чем прозрачен. Лысый не хотел забирать девушку. Не хотел так сильно, что рискнул показаться при почти двух десятках свидетелей глупым или пристрастным, лишь бы эту ночь Проба провела под крышей отчего дома. Что с ней будет дальше, Йонард не обольщался. Яд, действие которого можно выдать за редкую болезнь, был, пожалуй, самым мягким вариантом. Сейчас Манур скажет то, что так желал услышать лысый, и все закончится.

– Она виновна, господин Одоакр, – выдохнул Манур. – Она была с ними. Когда я открыл заговор, она попыталась купить мое молчание. Она... стала моей любовницей. Чтобы я ничего не сказал.

– Глупец, – сквозь зубы бросил Публий.

В глубине души Йонард был с ним совершенно согласен.

– Этот человек куплен, – громко произнес патриций, – Проба невиновна ни в измене императору, ни в измене его брату. Она чиста, клянусь спасением души.

– Берем всех? – повторил префект.

На выходе Йонарда, малость ошарашенного всем увиденным и услышанным, вдруг придержал за руку сам префект.

– Я слышал от твоего десятника, что ты отважный воин.

– Как и всякий в легионе, – так же вполголоса ответил Йонард. Разговор явно не предназначался для посторонних ушей, он, в отличие от глуповатого и тщеславного Манура, понял это сразу.

– Если Проба не доедет до императорского дворца, будешь старшим по палатке...

– Побег? Или...

– На твоё усмотрение, воин, – бросил префект и как-то сразу отдалился.

* * *

Все, включая слуг-погонщиков, неторопливо покачивались в такт размеренной поступи величественных и погруженных в себя двугорбых верблюдов. Йонард не любил путешествовать на этих непредсказуемых зверях. Он знал, что опытные погонщики могут определить характер зверя уже по тому, как он чешет задней ногой за ухом, хотя ему никак не удавалось посмотреть, когда и как верблюды это делают. Наверняка именно поэтому ему всегда и попадались такие норовистые упрямы, что можно было заподозрить в их родне ишаков. Зверь – тонконогий жеребец чрезвычайно редкой, игреневого масти – был куда понятнее и проще. Они сразу ладили, несмотря на то, что Йонард не слишком хорошо обошелся с его бывшим хозяином – приколот его к горячему песку коротким копьём. Впрочем, Йонард всегда ладил с благородными животными. Ехать рядом с Ашадом было весело, поучительно, но опасно. Его «скакун» плевался. Причем, плевался по всякому поводу и даже без. Видно, так относился к жизни. Вот и сейчас, подтверждая сказанное им по поводу цены на красотку, Йонард сплюнул налево, а так как ехал справа от Ашада, то, выходит, сплюнул под ноги его верблюду. Тот в свою очередь не остался безучастным к разговору и тоже сплюнул, повернув голову, чтобы лучше слышать. И вся жижа полупереваренной колючки попала прямо на новый зеленый халат Йонарда.

Халат этот был варвару особо дорог. Он выторговал его на базаре в Ашкелоне даже не за полцены, а за пятую часть. Происшествие было невероятное и вызвало законное недоверие у всех, кому Йонард пытался о нем поведать. В науке исчисления варвар был далеко не так силен, как торговец, но знаменитое северное упрямство сослужило ему хорошую службу, и Йонард взял торговца измором. Несколько раз он махал рукой и уходил. На весь базар призывал посмотреть на «паршивый товар этого паршивца». И вовсе не потому, что Йонарду так нужен был этот халат. Нет. Он прекрасно обходился рубахой и штанами из плотной ткани да теплой накидкой в непогоду. Просто, выйдя из кабака, где праздновали окончание очередного удачного путешествия, Йонард обнаружил у себя в кармане одну, невесть как уцелевшую мелкую серебряную монетку и тут же поспорил с приятелями, что купит на нее... Тут он на миг задумался, и его блуждающий взгляд остановился на разноцветной грудке халатов. Продавец, обрадованный поначалу такому вниманию к своему товару, уразумел вскоре, что над ним смеются. Не мог же, в самом деле, этот здоровенный и по виду неглупый парень всерьез предлагать за прекрасный новый халат эту монету сомнительной стоимости, и, похоже, с обрезанными краями. Но из-за спины покупателя то и дело выглядывало короткое копьё, и тогда слова варвара приобретали некоторую убедительность. Впрочем, торговец видел, что странный покупатель не собирается пускать копьё в ход немедленно. Да и потом, торговался он так самозабвенно, так упоенно, что торговец был готов отдать ему свой собственный халат, который только утром надел в первый раз. Когда вышедшие вслед за германцем приятели смогли, наконец, уговорить его вернуться в кабак и потратить монету с большей пользой, торговец, бросив свой прилавок, догнал Йонарда с приглянувшимся ему халатом. Со словами «Носи, дорогой, на здоровье. Давно со мной никто так не торговался. Одно удовольствие слушать. Носи. Дарю!» он набросил халат варвару на плечи и, вытирая слезы умиления, поспешил назад. Так что халат был добыт почти в бою, во всяком случае, словесном.

Плевок испачкал полу, но Йонард, не желая уронить себя во мнении двух почтенных караванщиков, ограничился лишь громким окриком «Не шали!». Верблюд ответил

непотребным ревом и, остановившись как вкопанный, стал не спеша мочиться в его сторону, задрав облезлый хвост. Зверь, переступив тонкими ногами, посторонился. Йонард искоса взглянул на своих попутчиков. Они сидели, устроившись каждый на своих тюках, и неотрывно смотрели в какую-то им одним видимую цель далеко-далеко впереди. Лицо Ашада было непроницаемо спокойно. Плечи Зикха подозрительно подергивались. Слуги грызли себе кулаки, чтобы не рассмеяться в голос. Положение спас сам Йонард. Еще несколько мгновений он сохранял, точнее, пытался сохранить важный и неприступный вид, но, не выдержав, сначала улыбнулся одними уголками губ, потом рассмеялся запрокинув голову, открыв всеобщим взорам два ряда великолепных, белейших жемчужин. Величиною с фасоль каждая. Перед такой ослепительной улыбкой просто нельзя было устоять. Смеялись все долго, кто до слез, кто до рези в животе. Вместе с ними смеялось небо, опаленное солнцем, грозя опрокинуться на землю и придавить все живое своей выцветшей твердью. Хотя сейчас казалось, что единственными живыми существами в этом безбрежном океане песка был только сам Йонард и его маленький отряд.

Уже через два перехода от Ашкелона караван затерялся среди бесконечных рядов песчаных холмов, похожих на застывшие волны. Сыпучие барханы были разбросаны повсюду, куда хватала взора, и создавали настоящую путаницу. Даже опытные караванщики могли запросто сбиться с дороги и затеряться в бесконечном лабиринте песков. И плутать до тех пор, пока счастливая встреча с караваном или смерть от жажды не прекратит их мучений.

Но Йонарда не так-то просто было сбить с пути. Северянин был твердо уверен, что еще до заката они достигнут колодца на проторенной караванной тропе, выйдя к нему с точностью до четверти лиги. Потому что германец находил путь не по солнцу и даже не по звездам. И уж тем более не по очертаниям барханов. Он, как собака, «держал нос по ветру». Нет, не то чтобы он мог учуять запах свежей воды. Просто ветер – хозяин пустыни. Он встает и ложится вместе с солнцем. Ветер жаркий, сухой, пыльный, распахивающий щетинистые песчинки в самые мельчайшие щелочки, под одежду, растирающий влажную от пота кожу в кровь – это проклятье путешественников может стать настоящим спасением для человека, знакомого с его повадками. Ветер в пустыне дует постоянно в одном направлении. Только ходить по ветру умеют далеко не все караванщики, даже те, кто провел в песках больше лет, чем прожил в человеческих жилищах.

А вот Йонарда ветры словно полюбили. Или просто новичкам везет, как рассуждали старые проводники. «Йонард – это поветрие, – говорили они между собой, – с ветром пришел, с ветром и уйдет. Только пыль следом завьется». Северянин знал многие ветры пустыни: гебли, хамсин, шешили, когда какой из них дует и где. Только одного не знал варвар – что не он один «ловит ветер удачи». И кажущееся одиночество их каравана в пустыне на деле оказалось не таким уж полным.

Когда по приметам Йонард ожидал увидеть тропу, навстречу путешественникам из-за высокого бархана вылетел вооруженный отряд. Их было семеро. Конные. «Лошади совсем свежие – оценил Йонард, – верблюдам не уйти». А то, что это был противник, сомневаться не приходилось. Все семеро неслись к каравану Йонарда на таких широких махах, что было ясно – поворачивать они не собираются.

– Боги! Только бы это был не Хаим-Лисица, – взмолился вдруг Ашад.

– Есть разница? – холодно поинтересовался Йонард, внимательно наблюдая за приближением отряда. При этом он не забыл вытереть оплеванную полу халата о верблюжий бок.

– Я не слышал, чтобы хоть раз Хаим ушел без добычи, – откликнулся Зикх.

Варвар зло сощурился. Он не терпел подобных разговоров. Северянин не раз слышал рассказы караванщиков о многих лихих людях, но справедливо считал, что рассказчики сильно преувеличивают. Во-первых, для того чтобы превознести свою доблесть, во-вторых, чтобы скрыть свою трусость.

Меж тем всадники очень быстро приближались. Уже видны были белые бурнусы, закрывающие лица до самых глаз, такие же, как у самого Йонарда и его спутников. Кольчуг

не видно, но сабли, даже судя по ножнам, не тупые и зазубренные, а самые что ни на есть «отточенные на короткий замах». По железным узорам на сбруях коней плясали солнечные блики. Такие же вспыхивали в глазах всадников. Вожак на горбоносом и тонконогом гнедом коне закричал, вернее, дико завыл, предвещая гибель каравану. Ашад поежился. Слуги постарались вжаться в седла. Йонард остался невозмутим. Те времена, когда его мог напугать крик, какой угодно жуткий, минули давным-давно.

– Осторожней! – тонкий детский голос Хильды дрогнул от страха за него, и от этого в сердце восьмилетнего Йонарда разлилось теплое чувство. Но он лишь презрительно сощурился, подражая отцу и братьям, и не обернулся на крик любимой сестры. Кабан был огромным, злобным зверем с маленькими глазками и острейшими, смертельными клыками, он настороженно следил за юрким мальчишкой, ловил момент для стремительной атаки, и обернуться на голос значило совершить ошибку. Вполне вероятно – последнюю в жизни. Йонард был уверен, что ни отец, огромный, поседевший в боях воин, ни три старших брата, такие же могучие и суровые, даже подчас жестокие мужчины, не шевельнуться, если кабан подомнет под себя маленького и худого мальчишку. И это было правильно. Воин должен рассчитывать только на себя, иначе место ему за пряхкой.

Йонард сделал быстрое обманное движение в сторону. Кабан метнулся за ним и получил крепкий удар ножом в бок. Горячая кровь плеснула на ладони, и Йонард, чуть не выронив единственное оружие, поспешно отскочил назад. Рана была далеко не первой, а зверь – еще слишком быстр. До сердца Йонард опять не достал.

– Похоже, у меня родилась дочь, – процедил отец тихо, но так, чтоб услышали и Йонард, и старшие сыновья, – со свиньей не справиться! Что же будет, когда этот щенок встретит настоящего воина?!!

– Должно быть, завияет хвостом, – предположил брат, и все четверо обидно рассмеялись.

Ну вот, он встретил врага. Хрофт знает, какого по счету, с тех самых пор, как его первый бой с кабаном закончился первой победой мальчика и первым настоящим горем. Таким, от которого он еще долго вскрикивал по ночам. Теперь давно не вскрикивает. Да и хвостом вилять, вопреки предположению брата, так и не обучился. А братом с тех пор он зовет только короткий меч, повешенный у бедра.

Подчиняясь приказу главара, семерка всадников стала стягиваться, и вскоре превратилась в огромную хищную птицу с клювом, направленным прямо на Йонарда. Не торопясь, германец соскользнул на землю, обнажив меч. И, поправив выбившуюся из высокого кожаного голенища штанину, пошел на всадников.

Йонард успел сделать навстречу разбойникам не более десятка шагов. То, что это были именно разбойники, сомневаться не приходилось. На мирных людей они совершенно не походили. Они были вообще мало на кого похожи: на многих – одежда явно с чужого плеча. Причем плечи были одни, а ноги – так совершенно другие, не только по длине, но и по ширине.

Наверное, над таким пестрым сборищем можно было бы посмеяться. Как-нибудь в другой раз.

Сейчас Йонард только криво усмехнулся и положил ладонь на рукоять Брудера. Он ждал, и разбойники не заставили его ждать долго. Налетели, неся за собой, как тот же хамсин, тучу песка и пыли и остановились, резко осадив низкорослых темно-гнедых коней всего в паре метров от Йонарда. Тот, что был одет намного лучше, чем его спутники, видимо – предводитель, спешился и направился напрямик к северянину. Это был человек, статью лишь немного уступающий могучему варвару. Меча при нем не было, но на широком поясе висело с десятков ножей для метания. Он был молод, как и Йонард, и так же, как и Йонард уже научен безжалостной жизнью смирять свойственные юности порывы. Он подошел к Йонарду спокойно и уверенно. И остановился, разглядывая его с холодным любопытством,

явно оценивая. Вот тогда Йонард и вспомнил молчаливого северного бога, которому не было дела до своих детей. И сказал: «Хрофт!».

Услышав странное слово, молодой предводитель разбойников шевельнул широкими светлыми бровями, словно что-то припоминая. И вдруг мгновенно преобразился. Глаза его вспыхнули теплом.

– Ты – Йонард из Германии! – воскликнул он.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Допустим, – нехотя отозвался Йонард, – а кто ты такой?

– Я – Керам, – произнес парень с такой же интонацией, с какой говорят «шаханшах Ирана» или «Римский император». Впрочем, ни это имя, ни тон не сразили Йонарда. Отчасти потому, что его вообще было трудно сразить, а отчасти оттого, что он уже начал догадываться, кто перед ним. Слава Керам, лихого грабителя караванов, опережала его на три лиги.

– Мои люди искали тебя, Йонард, – проговорил он.

– Незачем меня искать. Вот он – я, – тоном, даже отдаленно не напоминающим приветливый, ответил северянин.

– Ты мне нужен, – Керам, а это действительно был он, словно в подтверждение своих слов распахнул бурнус и одарил северянина широкой улыбкой.

– Хрофт, – еще раз повторил Йонард.

Его незримый и безразличный ко всему покровитель явно заботился, чтобы его сын ненароком не соскучился в этих жарких южных краях. Германец убрал руку с меча, впрочем, не слишком далеко.

– Я многим нужен, – ответил он.

Керам улыбнулся еще шире и еще приветливее. Йонард подумал, что так не радуются даже при встрече дорогого и любимого брата, которого считали погибшим, а он неожиданно-негаданно нашелся как раз тогда, когда родственники поделили меж собой его имущество. И больше всех радуется тот, кому досталась самая ценная и дорогая вещь.

– Я был в Ашкелоне, но не застал тебя. Знающие люди сказали, что в пустыне Йонарда-северянина искать бесполезно. Но, знаешь, у нас в Иране есть поговорка: «Если двум тропам суждено пересечься, то будь одна из них горной, а другая пролегай среди песков – они сойдутся на дне моря».

Взгляд изумрудных глаз скрестился с халцедоновыми, и на мгновение Йонарду показалось, что на землю посыпались незримые, но осязаемые искры. Малейшее дуновение ветра-настроения, и пожар неминуем. Но Керам знал ветры не хуже северянина. Он слегка пригасил улыбку и замолчал. За свои нелегкие двадцать лет Йонард повидал много разного и интересного, поэтому долго любоваться глазами своего собеседника не стал. Он перевел взгляд на пояс метательных ножей Керам и добавил почти добродушно:

– Ты забыл о Кашмере.

– Невозможно забыть о Кашмере, – тут же подхватил Керам, – именно поэтому я и оставил его напоследок!

«Этого хитреца, видимо, ничто не смутит», одобрительно отметил германец, чуть пригасив холодный огонь светлых глаз. Иранец, похоже, кожей ощутил перемену в отношении северянина. Он оглянулся на своих людей, замерших позади него плотной группой – шесть всадников. Махнул рукой, приказав всем спешиться, искоса взглянув на Йонарда. Тот остался стоять там, где стоял, всем своим видом демонстрируя если не доверие к Кераму, то свое знаменитое бесстрашие. Теперь иранец окончательно убедился, что перед ним тот, кого он искал.

– Ждите, – бросил Керам и, обернувшись к Йонарду, предложил:

– Отойдем в сторону. Надо поговорить.

Это было совсем не по правилам, но, видно, желание поговорить с германцем пересиливало в его новом знакомом все писанные и неписанные законы встреч в пустынях проводников и грабителей караванов.

– У меня нет тайн от тех, кто мне доверяет свою жизнь, – северянин чуть повел головой в сторону своего каравана. Купцы, зная, какой груз они везут, не решались подойти ближе, чтобы лишний раз не напомнить о своем существовании.

– Зато у меня они есть, – тихо проговорил Керам и повторил движение Йонарда, указывая, понятно, на своих людей.

– И твое дело не терпит?

– Терпит, но с трудом.

Йонард мгновение помедлил, потом решительно тряхнул головой так, что края его бурнуса, и до того едва прикрывавшие подбородок, разлетелись в разные стороны. Они отошли на десяток шагов, миновав невысокий барханчик слева от них, шагая плечом к плечу так, словно делали это всегда. И сразу стало ясно, что один другому не уступит. Меч и камень – у кого из них больше шансов уцелеть в противостоянии. Мудрый человек не станет ставить последнюю монету ни на то, ни на другое. Разве только камень превратится в воду. Воду, которая пропустит меч сквозь себя и вновь сомкнется за ним. На воде не останется и следа, а меч от неосторожного соприкосновения с таким «текучим камнем» может заржаветь и рассыпаться в прах. Когда их голосов не смог бы расслышать даже человек с самым тонким слухом (который наверняка имелся в отрядах как Керама, так и Йонарда), они остановились. Варвар встал так, чтобы ни на миг не упускать из виду разбойников. Северянина терзали сомнения насчет беспрекословного подчинения приказам в этом оборванном отряде.

– Есть дело, – многозначительно произнес Керам.

– Я догадался, – усмехнулся Йонард.

– Дело рискованное. Вроде бы тебе такие нравятся.

– Люди часто врут.

Керам с удивлением окинул взглядом северянина с головы до ног. Но так и не понял, смеется над ним варвар, или нет.

– Я люблю ВЕРНОЕ дело, – снизошел до объяснения Йонард, – а рискованное оно или нет... – варвар красноречиво пожал плечами.

– Это – ВЕРНОЕ, – откликнулся Керам, пожалуй, слишком поспешно для такого утверждения.

Могучий варвар скрестил руки на груди и, повернув голову к иранцу, словно ожег его холодным взглядом.

– Послушай, друг. Если ты хочешь, чтобы мы с тобой сделали дело, скажи об этом прямо. Не ходи вокруг да около, словно шакал вокруг падали. И есть хочется, и в рот брать противно. Говори быстро и ясно, или ищи другого на мое место.

– Если ты об оплате, – сразу сообразил Керам, – так ведь не только не обижу, а все, что унесешь – твое.

– Ну да, я как-то уже слышал подобное. А уносить пришлось лишь свои собственные ноги, – недоверчиво буркнул варвар.

– Все возможно, – отозвался Керам, – в некоторых случаях собственные ноги – это много. Но в этом деле тебе понадобятся не столько ноги, сколько руки. Сначала – чтобы поработать твоим знаменитым мечом, потом – чтобы выгрести из одного скверного места пару сундуков с побрякушками, которые очень любят женщины. Так как, договорились?

Керам нетерпеливо положил руку на плечо северянину. Йонард медленно опустил голову и уставился на руку Иранца так, словно раньше ничего подобного не видел. Керам снял руку с его плеча и положил на свой пояс с ножами.

– Пару сундуков, – недоверчиво хмыкнул Йонард, – что же это за «скверное место»? Часом не сокровищница Вех-Ардашира?

– Подробности узнаешь потом. Сейчас не время и не место.

– Угу, – с готовностью кивнул Йонард, – вот потом, – он сделал заметную паузу, – и договоримся. Когда...

Закончить мысль он не успел, со стороны, где они с Керамом оставили своих людей,

раздались отчаянные крики, брань, проклятья, сопровождаемые верблюдьим ревом и лошадиным ржанием. Йонард отпихнул Керама, одним движением выметнул надежное боевое копьё, мощным прыжком перелетел через гребень бархана и, уже съезжая по осыпавшемуся склону к оставленному им каравану, наконец увидел, что произошло. Троице особо нетерпеливым разбойникам как-то удалось подобраться к крайним верблюдам с поклажей, что были без седоков и стояли чуть поодаль. Своей острой, кривой саблей один из разбойников разрубил веревку, на которой крепился тюк с поклажей, и хотел было раскатать его да поглядеть, что за добро везут на базар Эрака господина-купцы. Но вдруг тюк развернулся сам, выпала шкатулка, и желтый песок пустыни вспыхнул рубинами и алмазами. Солнечные лучи отражались в их отшлифованных гранях, дробились и путались, и над горкой драгоценных камней вспыхнули сотни крохотных радуг. Зрелище было завораживающее, и не только для троих грабителей. В тихой панике уставились на него купцы, с детским интересом и любопытством смотрели на необыкновенное зрелище нанятые в Ашкелоне погонщики. На одно мгновение оцепенел и Керам. Видно, светловолосый грабитель и не рассчитывал на такую удачу.

– Назад!

Повелительный голос его легко перекрыл небольшое расстояние и заставил разбойников вздрогнуть и обернуться. Зрелище рассыпанных по песку драгоценностей влекло их несказанно, и эту тягу они поборол не сразу. Но привычка слушаться этого негромкого, вообще-то, голоса, сделала половину дела. Вторую половину довершили широкие ладони Керама, которые мягко опустились на пояс. Видимо, это движение предводителя знали в шайке, и оно не сулило ничего хорошего. Пожалуй, этот молодой, обаятельный и красноречивый человек не замедлил бы положить на песок рядом половину своих людей, в случае неповиновения. Купцы кинулись подбирать тюки, а Керам, стоя по колено в песке, обернулся и встретился взглядом с невозмутимыми глазами проводника. Для Йонарда не было новостью, что за караван он ведет. Видно, и плата была соответствующей. Десятая часть, а может, и пятая...

– Послушай, северянин, – рискнул намекнуть Керам после недолгого раздумья, – а ведь здесь богатства королей.

Йонард шевельнул могучими плечами и не ответил ни «да», ни «нет».

– А чем мы с тобой хуже королей? – продолжил Керам, ободренный молчанием варвара. – Я не знаю тебя, германец, но слышал о тебе достаточно. Согласись, глупо оставлять такое богатство в руках жадных купцов и глупых разбойников.

Серо-зеленые глаза не мигая смотрели на Керама и были похожи на два зеркала, которые отражали все, не выражая ничего.

– Если мы сговоримся, – решился Керам, – так ведь мы сейчас, вдвоем, всех этих «искателей удачи» здесь и закопаем. А караван поделим пополам.

Брови Йонарда грозно сдвинулись.

– Или тебе две трети, а мне треть, – торопливо добавил Керам, что-то прикидывая про себя.

– А то твое верное дело? – низким голосом проговорил Йонард.

– Деньги лишними не бывают, – резонно возразил разбойник. – Тем более для тех, кто знает, как их потратить. Решайся, друг, и мы с тобой – два шаха.

– Или два покойника, – хмыкнул Йонард.

– Трусишь? – презрительно сощурился Керам.

Слово это было безотказным средством, и тот, кому бросали в лицо такое обвинение, обычно вспыхивал, как порох, и кидался с головой в любое безрассудство. Но Йонард лишь усмехнулся:

– Ты сказал, что слышал обо мне, – произнес он.

– Я слышал, что Йонард из Германии – отважный воин.

– Тот, кто ценит свое слово дешевле бабьих побрякушек, не ходит дорогой отважных, грабитель караванов, – ладонь Йонарда поудобнее перехватила древко копья, и это движение

не осталось незамеченным внизу. – Будем драться.

На мгновение Керам, казалось, смутился, но почти сразу лицо его озарилось широкой белозубой улыбкой.

– Драться не будем, северянин. Ты хорошо сделал, что вспомнил о Кашмере. Керам не грабит своих. А что до «верного дела» – забудь о нем. На время. Дороги судьбы сплетают и расплетают звезды, так говорят свитки мудрости. И у нас, в Иране, не спорят с ними. Возможно, звезды еще раз сплетут наши дороги в одну, и тогда мы поговорим более откровенно.

С этими словами Керам повернулся спиной и пошел к каравану, совершенно не заботясь о том, что не видит вооруженного копьем германца. И Йонард подумал о том, что грабитель либо глуп (что сомнительно), либо слишком умен. Конечно, человек, который отверг его предложение, не станет бить в спину.

Йонард поспешил за ним, на тот случай, если шайка не послушает предводителя. Однако его опасения оказались напрасными. Несколько повелительных слов, брошенных Керамом, его имя и упоминание Кашмера остудили горячие головы. Та троица, один из которой щеголял огромным синим носом, похожим на крупную сливу, погрызалась, но возражать не посмела. Видно в том, что рассказывали люди о Кераме, было много правды. Через некоторое время разбойники скрылись за горизонтом, и купцы, словно сбросив оцепенение, заговорили все разом. Слово «Кашмер» им не понравилось, но чудесное избавление от разбойников вознесло Йонарда на такую высоту, что германец начал смутно надеяться на повышение обещанной платы. Впрочем, на этот счет, зная Ашада, можно было не обольщаться. После короткой остановки караван снова тронулся в путь среди барханов, почти белых в косых лучах солнца, в море сыпучих песков, вслед за ветром.

* * *

Ночью над пустыней горят близкие звезды. Кажется, стоит лишь протянуть руку – и в ней окажется таинственно мерцающий хрустальный сосуд, наполненный светом, благодатью богов, песнью вечности, красотой мира. На многие лиги простираются пески с горбами барханов, и кажется в темноте, что вокруг колодца на тропе расположился караван исполинских верблюдов, которые спят чутко и тревожно, и их глубокое дыхание иногда слегка шевелит горбы. Может быть, это только чудится в темноте под звездным небом. А может, пустыня действительно дышит.

Пески бесконечны, как время, и жестоки, как жизнь, и прекрасны, как вечные звезды над ними, и непредсказуемы, как женский каприз, и незыблемы, как небесный свод.

Маленький караван расположился на ночлег. Сняв с усталых животных поклажу, напоили верблюдов. По давней традиции, неизвестно где и кем установленной, но свято хранимой, ночевку торжественно «огородили» веревкой из конского волоса. Считалось, что эту преграду не могут преодолеть ядовитые пауки и змеи. Купцы и погонщики слепо верили этой легенде, и улеглись спать в огороженном пространстве так же спокойно, как у себя дома. Йонард не спал, хотя очередь сторожить была, в общем-то, не его. Просто отчего-то не заспалось. Странное чувство овладело Йонардом. Он знал эти бескрайние и непредсказуемые пески почти так же хорошо, как родные горы. Знал слишком хорошо, чтобы спать спокойно. Например, в отличие от наивных погонщиков и суеверных купцов, Йонард знал совершенно точно, что если какой-нибудь гюрзе взбредет в голову полакомиться верблюжьим молоком, она минует волосную веревку совершенно свободно, и горе тому, кто окажется у нее на пути, да еще шевельнется не вовремя. И Йонард всматривался в ночную тьму, понимая, впрочем, что не его глазам увидеть крадущуюся в ночи змею, и не его ушам услышать слабый звук трущегося о песок гибкого тела. Понимал он и то, что встревожили его и прогнали сон не змеи с пауками, а мысли, которые подчас бывают такими же смертельно-опасными и умеют подкрадываться так же неуловимо. Дневное происшествие не волновало Йонарда. Он бывал в переделках и поопаснее. Одни из них оставили на теле его

страшноватые отметины, другие не оставили ничего, даже воспоминаний. «Хочешь жить – умей забывать», так гласили кстати помянутые Керамом свитки мудрости. Йонард умел забывать, но лишь тогда, когда дело закончено. Эта встреча, Йонард чувствовал это, должна была иметь продолжение.

Внезапно в ночи послышался звук. Далекий и неясный, он нарастал с каждым мгновением и Йонард с беспокойством приподнялся на локте, всматриваясь в темноту. Погонщики верблюдов безмятежно спали, но часовой тоже привстал и беспокойно завертел головой. Зашевелились и купцы. Спустя совсем немного времени звуки стали явственнее, и уже можно было различить глухой топот множества копыт по песку, звяканье сбруи и, далекие пока, человеческие голоса. По ритмичности звука Йонард определил, что идут не верблюды, а лошади. Через мгновение он был уже на ногах, а рукоять меча удобно лежала в ладони. За спиной встали, словно выросли из темноты оба купца. Видно, нападения конных грабителей никто не забыл, и появление ночных всадников разбудило самые худшие подозрения.

Небольшой отряд подъехал почти вплотную и спешился. Раньше, чем прозвучали приветствия, чем выяснилось, кто и зачем пожаловал, люди и животные потянулись к воде, и Йонард посторонился, давая им дорогу. «Если твой враг умирает от жажды – дай ему напиться. Он станет тебе братом», – говорили здесь. Поступали, конечно, по-разному, но говорили именно так. Впрочем, Йонард уже видел, что подъехавший отряд ничуть не похож на оборванцев, которые наскочили на него днем. Во-первых, их было почти в два раза больше. Во-вторых, их лошади были гораздо крупнее и упитаннее разбойничьих. Это, вообще-то, говорило не в пользу пришельцев. Их лошади выглядели красивее, да и нагрузить их можно было изрядно, но по выносливости они далеко уступали неказистым собратьям, которых предпочитали «псы пустыни».

Когда люди и животные утолили жажду, северянин, уже не рискуя показаться невежливым, поинтересовался:

– Кто? Куда? Откуда?

На что раздалось неторопливое:

– Купец Патмарк. В Эрак. Из Ашкелона.

Быстро прикинув в уме расстояние, Йонард решил, что это вполне возможно. Хорошая лошадь под седлом шла вдвое быстрее верблюда. Конный караван купца Патмарка вполне мог выйти из Ашкелона позже и догнать их как раз у этого колодца. Человек, который назвался Патмарком, вышел вперед, поклонился и произнес цветистое иранское приветствие: что-то о том, что боги благословили всех продающих и покупающих, дающих и отнимающих, странствующих и ожидающих. Йонард попытался сообразить, кого иранские боги обделили благословением, но бросил это занятие. Человек, подошедший к Ашаду и Зикху не вызывал у него ни симпатии, ни доверия. Испросив, как это положено по здешним правилам вежливости, разрешения ночевать у колодца и получив его, Патмарк махнул своим людям, чтобы скидывали поклажу на землю, многословно извинился и исчез, но почти сразу возник опять с флягой, в которой была не вода. И даже не кислое вино, которое продавалось в тавернах Ашкелона, а сладкое греческое. Йонард в свою очередь отведал его (поскольку угостили), и с большим удовольствием, но подумал про себя, что скорее разделит бы ночлег с Керамом и его шайкой, чем с этим вежливым и предупредительным человеком. Германец мог бы поклясться, что никогда прежде не встречал купца и не слышал про него ничего: ни плохого, ни хорошего – тем более необъяснимой была внезапная неприязнь к незнакомцу. И только отведав вина, после того, как развели костер, Йонард наконец понял, что его насторожило. Уж больно пристально приглядывался ко всему ночной гость. И больше не к Ашаду и Зикху, не к тюкам с поклажей. С жадным вниманием, словно не веря в нежданную удачу, купец рассматривал его, Йонарда. И когда варвар сообразил это, купец понравился ему еще меньше.

Впрочем, Ашад настроения проводника как будто не разделял. Потрескивал костер. Языки пламени, оранжевые и медно красные, плясали, освещая руки и лица, и от этого ночь

вокруг казалась еще темнее. Йонард прислушался. В разговоре об общих знакомых купцы ушли далеко, и обсуждали сейчас не Ашкелон, и даже не Эрак, а Хорасан, до которого было сейчас «как до Китая раком».

– А знаешь ли ты, почтенный, Рашудию-ювелира? – спрашивал Ашад, разглядывая приезжего сощуренными глазами.

– А как же! – отзывался тот. – Кто же из нашего брата-купца не знает Рашудию-ювелира. Того, кто богат, как сам шаханшах Валшу и щедр, как базарный меняла. Как-то раз один купец из Хорезма помог ювелиру выгодно сбыть три больших алмаза...

Народ у костра оживился. Те, кто уже спали – проснулись и потянулись к огню, не сколько для того, чтобы согреться и глотнуть сладкого вина, которым без устали оделял всех без разбора щедрый Патмарк, сколько потому, что нюхом угадали притчу. А здешний народ лепешке с медом в голодный год предпочтет послушать что-нибудь новенькое, поучительное и желательно смешное.

– Так вот, – продолжал Патмарк, когда установилось молчание, – человек тот, купец, рассчитывал на щедрое вознаграждение, но ювелир сделал вид, что не понимает купца и принялся ласково, но настойчиво выпроваживать его из своего дома. Купец же, сообразив, что его обманули, решил сам перехитрить ювелира и, чтобы сделать невозможным его отказ, повел речь так: «Почтеннейший. Я полюбил тебя, как родного отца и хотел бы вечно помнить тебя, твое мастерство и твое гостеприимство. Дай мне на память один из своих перстней. Вот хотя бы тот, с изумрудом, – к общему удовольствию искусный рассказчик указал на большой перстень на руке Ашада, – в далеком пути, глядя на него, я буду вспоминать тебя». На что хитрый ювелир ответил: «Смотри на палец, где нет моего кольца, и вспоминай меня на здоровье».

Дружный хохот раздался в остывающем воздухе и взметнул искры костра. Даже Йонард криво улыбнулся: притча о жадном купце и хитром ювелире показалась ему забавной, и он повторил ее про себя, чтобы при случае рассказать кое-кому в Эраке. Его подозрения стали мало-помалу затихать. Он уже не помнил, что недавно смотрел на купца из Ашкелона как на разбойника, если не на кого похуже. И, широко улыбаясь, Йонард спросил, подражая Ашаду:

– Почтенный, а не знаешь ли ты некоего Керама?

Брови Патмарка взметнулись в изумлении:

– Кто из купцов, ведущих караваны по этой дороге, не знает про Керама? – ответил он, словно бы нехотя. – Слышали о нем все. Некоторые даже видели. А кое-кто из тех, кто видел, даже живой ушел. Говорят, сам он – юноша не злой, но люди его – сущее отребье.

– Твоя правда, почтенный, – перебил Йонард, – действительно отребье. Которое доброго слова не стоит. Но предводитель их и в самом деле неплох. Хотел бы я знать, так ли он ловок со своими ножами, как об этом говорят.

Патмарк вопросительно посмотрел, но не на Йонарда, а на Зикха. И тот едва заметно кивнул головой, словно подтверждая какую-то догадку купца из Ашкелона. Погруженный в свои мысли, Йонард этого не заметил.

Они проснулись с рассветом. Сухая утренняя прохлада бодрила. Ветер тоже проснулся и звал в путь. У колодца возникла неизбежная толчея: поили лошадей и верблюдов, пили сами, наполняли водой бурдюки. Погонщики навьючивали животных, покрикивая на своем гортанном, малопонятном наречии. Впрочем, верблюды и лошади их понимали. Тех верблюдов, которые не хотели вставать, приходилось поднимать пинками. Колодец оказался вычерпан до самого дна. Йонард подумал, что пройдет немало времени, прежде чем он снова наполнится водой и сможет утолить жажду тех, кто идет за ними. Но сейчас его беспокоило другое. Утром выяснилось, что Патмарк не прочь «сократить путь» и для этого желает присоединиться к каравану Ашада и Зикха. Разумеется, услуги Йонарда будут оплачены, пусть доблестный воин не сомневается. Йонард и не сомневался. В Эраке он сумел бы получить с Патмарка все, что ему причиталось. Не больше, разумеется, но и не меньше. Но Йонард весьма сомневался, что они доберутся до Эрака. Будь у Патмарка верблюды,

объяснение выглядело бы вполне правдоподобно. Но лошади, двигаясь по проторенной караванной тропе, вполне могли достичь Эрака вровень, а то и раньше верблюдов, идущих напрямик. Идя же в одном, общем караване, Патмарку поневоле пришлось бы придерживать своих скакунов, приноравливаясь к медлительности кораблей пустыни. И, вдобавок, Йонард не был уверен, что лошади Патмарка выдержат такой переход, до Зверя им было ой как далеко! Но Патмарка это, казалось, не беспокоило и Йонарду не оставалось ничего иного, как примириться с присутствием подозрительного купца и удвоить бдительность. Палевого цвета клочковатый верблюд Ашада полностью разделяя мнение проводника и подозрительно косясь в сторону лошадей, неспешно встал и, гордо выбрасывая свои лохматые ноги с широкими копытами, уверенно повернул на восход. Следом за ним потянулись другие верблюды с поклажей и всадниками, сзади пристроились лошади и, вытянувшись в цепочку, подобно гигантской пестрой змее, караван углубился в пески.

* * *

Эрак встретил караван суетливым гамом. Впрочем, ничего иного Йонард и не ожидал. Шумели торговые площади, ломились лавки купцов от изобилия товаров, навезенных туда со всего света. Ехал торговый люд из Ирана в Византию, а кто побойчее, забирались и дальше, в Афр. И уж оттуда, с новым грузом, отправлялись назад, домой. Везло, конечно, не всем. Тысячи следов искателей прибыли затерялись среди бескрайних пустынь и снежных перевалов. Кто будет искать их? На смену им придут новые. Быть может, более удачливые. И круг вновь, вот уже в который раз, замкнется.

Вот снова идут выючные животные по улочкам Эрака. Мрачные римляне косо поглядывают на своих недавних данников, молча пристраиваясь к длинному торговому ряду. В Иране не слишком любят римлян, или ромеев, как зовут себя выходцы из Византии. В народной памяти еще жива недавняя война, из которой Вех-Ардашир вынес не только поучительный урок тактики, но и обязательство платить Риму, а ныне его могучей восприемнице дань с обширных и богатых земель. Нет, не за что было иранцам любить римлян. Да и эхо падения Рима еще не отзвучало.

Германец проталкивался среди бурлящей толпы к ближайшему постоялому двору. Верблюды ревели, теснимые со всех сторон людским морем. Лучшие индийские товары везли перекупщики из Хорезма. На одной из маленьких улочек, круто уходящих вбок, Йонард с сожалением простился с Ашадом, получив оговоренную плату сполна. На другой без всякого сожаления расстался с Патмарком, хотя деньги тоже получил. Любезный купец из Ашкелона на своем сумасбродстве потерял трех лошадей, но не выглядел из-за этого чрезмерно опечаленным, напротив, казалось, что Патмарк был чем-то чрезвычайно доволен, и это не нравилось Йонарду. По мнению северянина, для всякого удовольствия должна была быть причина, но в положении Патмарка он никакой причины не видел.

На прощание одарив его улыбкой, Патмарк предложил:

– Ты далеко не исчезай, северянин. Мне вскоре понадобится хороший проводник, и я скупиться не буду.

Йонард кивнул, принимая деньги, а про себя решил, что лучше наймется в погонщики верблюдов, чем выйдет из Эрака с этим скользким и непонятным человеком. О чем он немедленно сообщил Зикху, как только Патмарк скрылся из вида.

Проводник и купец свернули на узкую улочку, удаляясь от суеты. Против компании приятеля Ашада Йонард не возражал. Молчаливый торговец нравился ему тем, что не лез с праздными разговорами, был не прочь хорошо выпить, но не пьянел, и не имел дурной привычки через слово именовать Йонарда варваром. Шум постепенно стихал. В узких изгибах переулков вполне можно было заблудиться, но Йонард был здесь не впервые и знал, что приличными кабачками изобилует любая улица, и на какой-нибудь из них он точно наткнется, куда бы не направился, а это было все, что он сейчас хотел знать о планировке Эрака. Кто ищет, тот найдет. Вскоре Йонард и Зикх наткнулись на заведение, которое

показалось им подходящим, с какой стороны ни взгляни. Маленькая потертая вывеска с надписью «Приют уставших» понравилась приятелям. Открытая дверь ненавязчиво приглашала зайти.

– О, Хрофт! Подходящее название, – произнес варвар, спешиваясь.

Зикх последовал его примеру. Откуда ни возьмись появился темнокожий мальчик и смело ухватил за узду сразу и верблюда, и Зверя. И оба мальчишку послушались.

– Держи, – Йонард на ходу бросил ему мелкую монетку и шагнул внутрь.

Зикх задержался на пороге и поманил паренька.

– Знаешь кабачок «Красавица Гюлли» на соседней улице? – вполголоса спросил он.

Мальчик кивнул. Тогда Зикх отсчитал ему сразу три монеты и так же тихо приказал:

– Найдешь там купца Патмарка, скажешь, что друг его остановился в «Приюте уставших», но в гости не ждет. Все понял? Повтори!

Мальчик послушно повторил, не переврав ни слова.

– Умница, – кивнул Зикх, – а теперь беги, да поживее.

И мальчуган стремглав бросился исполнять поручение.

* * *

Йонард проснулся оттого, что в дверь негромко постучали. Рука его метнулась к мечу раньше, чем северянин открыл глаза.

– Заходи, – зевнув, разрешил он.

Потревожил его сам хозяин. С его стороны было не слишком вежливо будить гостя так рано (хотя было уже далеко за полдень) но хозяин наверняка знал, что прошлой ночью уставшему путнику поспать так и не удалось. Сначала они с Зикхом наперебой пробовали местные вина, потом Йонард свел приятное знакомство с молоденькой служанкой. Вернее, бойкая служанка познакомилась с ним, стрельнув зелеными глазами. Эти изумрудные глаза, светлые волосы и необычное северное имя служанки – Регана – послужили причиной того, что Йонард и Зикх до полуночи поспорили, кто лучше: Регана или новая наложница правителя Эрака. Саму девушку этот спор скорее забавлял, чем обижал. К тому же северянин сразу отдал предпочтение ей, и поэтому Регана звонко смеялась каждый раз, когда Зикх принимался описывать прелести женщины, которой он никогда не видел, а Йонард в цветистых выражениях принимался доказывать, что Регана ничуть не хуже. Кончилось тем, что германец стукнул кулаком по столу и побился об заклад, что докажет Зикху свою правоту, даже если для этого ему придется залезть в сераль владыки Эрака. После чего Регана с торжеством увела его наверх и покинула только после восхода солнца. Так что выпастся варвар не успел.

– Пусть господин простит меня, – с ходу начал хозяин, – но тот человек, купец, ждет его внизу.

– Иду, – коротко ответил германец, легко поднимаясь с постели.

Снизу доносились громкие голоса пьяных гуляк, и Йонард немедленно пожалел, что проспал так много интересного. Рука по привычке нащупала перевязь. Брудер был на месте. Нельзя сказать, что народу было много, но зато все как на подбор. Хмельные дельцы, денежная братия, хотя и не такая родовитая, как те, что сидят в роскошных дворцах, но любить жизнь тоже научились. Ромеев или северян, подобных ему, как успел заметить Йонард, не было совсем. Кругом сплошь неказистые, но хитрющие еверы. Но одно лицо среди них явно выделялось: длинное, сухое и смуглое, с большим носом, слегка свернутым на левую сторону, и узким подбородком. Разницу мог заметить и глаз менее зоркий, чем у варвара. Впрочем, Хрофт с ним, с незнакомцем. В темном углу северянин заметил знакомый тюрбан Зигха и неторопливо пошел к недавнему приятелю, огибая столы. Краем глаза он заметил любопытные взгляды, которыми награждали его еверы. Зикх сидел, склонившись над чашей вина. Йонард сел напротив, поискал глазами Регану, но девушка куда-то исчезла. Впрочем, это обстоятельство печалило варвара недолго.

– Зачем звал? – спросил он.

Прежде чем ответить, Зикх сделал знак, чтобы принесли еще вина и мяса. Сам он со своим обедом расправился уже давно и сидел в этом шумном зале, ожидая лишь его, Йонарда. Но потом, видно, терпение у него лопнуло, и Зикх послал за ним хозяина. Широкий жест Зикха был кстати, желудок Йонарда ворчал, как вулкан, готовый вот-вот проснуться. Йонард сам налил себе вина и энергично принялся за угощение. Зикх ждал, но, как вскоре выяснилось, не окончания его трапезы. Мягким широким шагом к столу подошел тот самый непонятный человек. На нем был легкий халат с причудливым рисунком, который так искусно мог нанести только истинный мастер. Белый тюрбан из тонкого китайского шелка плотно облегал его голову, но слишком крупные черты лица и светло серые, внимательные глаза окончательно подтвердили подозрения варвара – этот человек родился значительно севернее песков Палестины. Зоркий взгляд его с ног до головы obeжал варвара, и только после этого незнакомец кивнул Зикху и сел.

– Это ты правильно придумал, – первым заговорил Йонард, – в этом наряде ты, конечно, сойдешь за полукровку, но тебя выдает взгляд. Евреи не имеют привычки смотреть в глаза. Богач смотрит поверх голов, бедняк – в землю.

– Спасибо за науку, Йонард из Германии, – усмехнулся сероглазый и в ответ на его удивленный взгляд кивнул на Зикха. – Вот он рассказал мне о тебе и, похоже, вопреки обычаю, не особо приврал.

– У господина Ритула есть для тебя работа, – вставил до этого молчавший Зикх.

Аланское имя окончательно убедило Йонарда, что сероглазый «носит халат с чужого плеча».

– Умеешь ли ты держать язык на привязи, северянин? – понизив голос, спросил Ритул.

– Смотря сколько стоит веревка, – серьезно ответил Йонард.

Ритул улыбнулся одними глазами.

– Не обижу, – заверил он.

Йонард проглотил последний кусок мяса, полил его вином прямо в желудке и, справившись с отрыжкой, выразил полную готовность слушать.

– Завтра на рассвете из Эрака выходит караван, – тихо проговорил Ритул, – Караван большой, сильная охрана, но нужен надежный проводник. Именно ты. Я не слишком надеялся найти тебя тут, но, слава богам, я искал там, где нужно.

– Куда идет караван? – деловито спросил Йонард, ковыряя в зубах.

– Не очень далеко. В Хорасан, – сдержанно ответил Ритул.

Йонард поморщился.

– Не люблю я Хорасан, – проговорил он, – да и он меня не слишком любит.

– Но ты не отказываешься? – не то утвердительно, не то вопросительно проговорил Ритул.

– Что везешь?

Вопрос был не из тех, которые было принято задавать в подобных случаях. Обычно о содержимом сумок проводники не спрашивали, а спросивший попадал под подозрение и рисковал остаться без нанимателей. Все купцы знали, что Эрак, Хорасан и даже Кум кишат людьми Хайма-Лисицы. Но Ритул ответил без колебания:

– Везу женщину. В подарок одному вельможе.

Йонард удивленно взглянул на Ритула и Зикха. В том, что один вельможа решил подарить другому свою дочь, сестру или красивую наложницу, не было ничего необычного. Почему же такая тайна? Внезапно его осенило.

– Неужели та самая? – шепотом предположил он.

Зикх и Ритул с усмешкой переглянулись.

– Я говорил тебе, что он догадлив, – купец выпрямился и улыбнулся, – похоже, в сераль правителя тебе лезть не придется. Заклад сам плывет в руки. Пока шел караван с подарками, наложница до того извела своего повелителя, что он решил от нее избавиться как можно скорее, и так, чтобы никто об этом не знал. Правитель не желает, чтоб на всех базарах

говорили, что он не смог справиться с вздорной женщиной. Поэтому он щедро заплатит и за работу, и за молчание.

* * *

Караван медленно полз по пустыне. Горячее солнце нещадно жгло все живое... Усталые, тяжело нагруженные верблюды еле переставляли ноги. Их было около трех десятков. Зикх знал точнее, а погонщики говорили просто, что верблюдов «много». Тяжело навьюченных лошадей было десять – это знали все. До десяти в караване Зикха умели считать даже погонщики. Йонард восседал на спине игреневого скакуна и наблюдал, как в бескрайних желтых песках с однообразными горбами барханов медленно и величественно проплывали полосатые тюки. В самом хвосте, на спине большого рыжего верблюда покачивался белый шелковый паланкин, окруженный отрядом суровых аланов. Этот караван шел проторенной тропой, от колодца к колодцу, и от этого, на взгляд Йонарда, двигался излишне медленно. Кроме того, присутствие в караване женщины изрядно замедляло ход. Йонард невольно думал, что если бы ему пришлось идти пешком и нести эту госпожу на себе, он и то двигался бы намного быстрее. Все началось с того, что в пяти лигах от Эрака (город едва успел скрыться из виду), караван вдруг стал замедлять ход и охранник поскакал вдоль длинной череды верблюдов, выкрикивая приказ остановиться. Оказалось – даму укачало. И чуть ли не под самыми стенами они стояли до полудня, лошади стояли, верблюды лежали, погонщики сидели, вода тратилась, солнце палило, время шло, женщина приходила в себя. Ближе к полудню тронулись, но не прошли и лиги, как снова встали. Йонард злился, призывал Ахура-Мазду, Юпитера и всех прочих богов (больше всех, конечно, икалось Хрофту и Танату), но его молитвы и его проклятья действовали одинаково. Можно сказать – никак. Когда они вышли из Эрака, Йонард был уверен, что караван придет в Хорасан через два раза по десять дней. После первой остановки он решил, что они придут туда через две луны. Когда солнце село в пески, стих ветер, опустилась тьма и цепочка усталых верблюдов сбилась в кучу, располагаясь на ночлег, Йонард уже был уверен, что караван в Хорасан вообще не придет. Он лег спать злой и недовольный жизнью, а поднялся еще до солнца и, как это с ним частенько случалось, в прекрасном настроении. Приключения бывают всякие. Бывают, наверное, и такие. Путешествие только началось, женщина в караване еще не привыкла к мерной поступи верблюда, жаре и неудобству походной жизни. Йонард невольно думал – как она там. Хрупкий цветок серая. В душном паланкине, закутанная в шелк так, что видны одни глаза, зеленые, как изумруды. И, должно быть, такие же сияющие, как глаза Реганы. Деревянное сиденье, накрытое постоянно съезжающей подушкой, и узкое пространство, ограниченное плотными шелковыми стенами. И больше ничего. Не посмотреть вокруг, ни поговорить. А в конце пути – гарем какого-нибудь захудалого хорасанского вельможи (знал Йонард эти хорасанские гаремы), наверняка старого и глупого. И это после серая самого правителя. Впрочем, судя по рассказу Зикха и поведению прежних хозяев, Йонард мог ставить все, что он получит от Ритула, против скорлупы от прошлогодних орехов, что надолго она в Хорасане не задержится. Когда караван снова встал, Йонард уже не сердился. Он подъехал к узорному паланкину, охрана тут же сомкнула ряды и обнажила оружие, и учтиво предложил Ритулу:

– Может быть, госпожа желает выйти. Размять ноги, подышать воздухом?

– Госпожа не желает выходить, – оборвал его Ритул, не двигаясь с места.

Йонард возвысил голос и повторил свое предложение, надеясь, что оно достигнет ушей дамы в паланкине. И верно, шелковые занавески слегка дрогнули. Йонард устремил туда взгляд, надеясь, что увидит хотя бы силуэт незнакомки, но Ритул, тоже возвысив голос, мрачно повторил:

– Госпожа не желает выходить. Ей уже лучше. Мы можем двигаться, проводник.

Йонарду ничего не оставалось, как вернуться на свое место во главе каравана. Жизнь понемногу налаживалась. Особу укачивало уже не так сильно.

На второй день пути они стояли всего два раза, и не слишком долго, но, прикидывая пройденный путь, Йонард с тревогой начинал думать, что, двигаясь с такой скоростью, до колодца они не дойдут. Им просто не хватит воды.

* * *

Над песками висела серая предрассветная марь. Привычный рисунок звездного неба сместился далеко на закат. Первые лучи рассвета уже тронули лохматые «горбы» барханов, ветер вздохнул, шевельнув бескрайние пески, шелохнулась до половины зеленая, до половины бурая трава у не приметного источника, неведомого ни одному проводнику караванов. Да если б и провели о нем, вряд ли это внесло бы хоть какое-то оживление в безмятежную картину. Старый колодец, некогда аккуратно выложенный плитами, но теперь заброшенный и полузасыпанный сырым песком, находился в стороне от караванных троп. Неподалеку от жалкого оазиса торчали из земли развалины не то дворца, не то древней крепости, не то целого города, занесенного песками за века так, что остались лишь верхние венцы башен, торчащие из земли подобно обломанным зубам. Эти последние стойко сопротивлялись неумолимо наступающей пустыне и времени, и в этом бродячие ветры были им верными союзниками.

Одиноким всадник, неторопливо приближавшийся со стороны восхода на низкорослой пегатой лошаденке, видимо, прекрасно знал об источнике в развалинах. Лошадь уверенно шлепала по песку широкими неподкованными копытами, направляясь напрямик к колодцу. Всадник бросил поводья, спешил и, опустившись на колени, жадно припал к воде. Лошадь фыркнула, переступила копытами и, после недолгого раздумья, сунула в чашу свои мягкие губы, толкнув всадника лбом, чтобы посторонился. Солнце медленно поднималось над развалинами, и розовые, еще не жаркие лучи его скользили по старой, выветрившейся от времени кладке. В разгорающемся рассвете все четче обрисовывался силуэт сторожевой башни, похожей на исполинскую голову в островерхом шлеме, а остатки древней стены могли бы напомнить огромные лапы какого-нибудь спящего зверя или голову свернувшейся змеи. И то, и другое было одинаково неприятно, чтобы не сказать – страшно. Казалось – древняя магия живет в этих стенах, забытых временем, живет, и не собирается их покидать, живет на горе и на погибель случайно заглянувших сюда путников.

Неожиданно конек фыркнул и прыгнул ушами. Не раздумывая, всадник пригнулся, метнулся в сторону и пружинисто вскочил на ноги, сжимая в руке обнаженную саблю.

– Последнее отребье не решается осквернить кровью источник, – проговорил он, – а тем более в Санджапуре.

С этими словами он обвел глазами компанию, которая незаметно окружила его и, вне всякого сомнения, собиралась его здесь и закопать. Их было шестеро. Свет еще не видел такого пестрого и такого оборванного сборища: опухшие лица, глубоко запавшие глаза с нехорошим, почти безумным огоньком в глубине, неуверенные движения, халаты с чужого плеча с полами, вымазанными конским дерьмом. Из них особо выделялся один – с огромным носом цвета недозрелого винограда.

– Мердек, – растерянно произнес он.

Неопределенного возраста худощавый человек с жидкой бородкой и темными хитрыми глазами со стуком кинул саблю в ножны. Разбойники чуть помедлили... и повторили его движение. Со стороны развалин послышалось конское ржание. Лошаденка Мердека задорно отозвалась, словно слышала знакомый голос.

– А где Керам? – спросил Мердек.

Шестеро оборванцев, едва не зарубивших его у колодца, пугали его не больше, чем не в меру расшалившиеся дети. Да и смотрел он на них примерно так же.

Синеносый злорадно скривился:

– А Танат его где-то носит. Надеюсь, что он его и прибрал.

– Что так неласково? – спросил Мердек без особого, впрочем, интереса.

– На одиночество его, видишь ли, потянуло, – оскалился тот, – любит, понимаешь ли, один гулять. Когда-нибудь догуляется.

– «Золотой караван» ему, подумать только, не добыча! – поддержал его второй, с запавшими глазами. – Ведет его бывший Кашмерский вор, надо же!

– Из-за того, что одних «своих» ему грабить честь не позволяет, другие «свои» должны с голоду пухнуть, – буркнул толстяк с черными мешками под глазами.

– Стало быть, это он привел вас в Санджапур, – криво улыбнулся Мердек.

– Как это «привел», – возмутился синеносый, – мы не слепцы, не невольники и не женщины. Мы сами пришли. Место хорошее, вода есть. Правда, добычи маловато.

– И куда вы отсюда направитесь? Назад к Хаиму?

Мердек задал вопрос безразлично, как будто из пустой вежливости, но темные глаза мигнули, выдав живой интерес.

– Никуда не направимся. Здесь будем, – ответил толстяк.

– В Санджапуре? – уже открыто удивился Мердек и даже всплеснул руками. – Да заплатили ли вы положенную дань?

Лица разбойников вытянулись в безмерном удивлении.

– Ты что, Мердек, вина опился? – осторожно поинтересовался синеносый. – Города давно нет, какая дань?

Мошеник, который в одиночку не боялся шестерых разбойников, загадочно улыбнулся:

– Давным-давно, – начал он, когда все семеро расселись в тени высокой каменной башни, и фляга его со сладким вином, сделав круг, вернулась пустая, – когда благословенный Эрак еще не вздымал среди песков свой неприступный вал, а богатый Хорасан был лишь нищим поселением вокруг одного колодца, жил на свете великий воин Фуручи. Однажды надоело ему скитаться, и он решил осесть на одном месте. Прямо среди пустыни Фуручи ударил копьем – и возник источник. И вскоре вокруг него зашумел базар, и выросли дома. Богат и славен был город Санджапур, и все купцы восхищались этим благоуханным цветком пустыни. Не было города богаче, и не было людей счастливее, чем его жители. Но однажды перед городскими воротами появился нищий, умирающий от жажды. Он просил именами богов пустить его в город, или хотя бы дать ему напиться. Но, поскольку у нищего не было денег, жадный стражник не пустил его. И тогда нищий сказал:

«Почтенный, нет у меня монет, но есть мудрый совет. Прими его вместо платы и пропусти к источнику старика, умирающего от жажды».

«Хорошо, – ответил стражник, – говори. А я посмотрю, стоит ли твой совет хотя бы одной медной монеты».

«Не обольщайся блеском сокровищ, золото горит, пока светит солнце, – медленно, нараспев произнес старик, – с наступлением ночи сокровища обращаются в прах. Бойся одного – остаться нищим, когда закатится солнце твоей жизни».

Молодой стражник выслушал и рассмеялся:

«Это мудрость детей и нищих, – сказал он, – она ничего не стоит. Убирайся вон».

Страшно разгневался старик. И произнес слова, которые и по сей день помнят мудрые:

«Будь же по-твоему, жадный юноша. Я не войду в эти стены. А ты не выйдешь отсюда. И будешь сторожить ворота до тех пор, пока кто-нибудь не принесет тебе сокровище, равное моему совету, который ты отверг».

В тот же миг потемнели небеса, и страшная песчаная буря обрушилась на город, а когда все стихло, уже не было ни богатого города, ни базара, ни дворца правителей. Исчез город Санджапур, и имя его забылось. На закате вырос благословенный Эрак, на восходе – богатый Хорасан и караванные тропы пролегают теперь в стороне от города Фуручи. Но дух жадного юноши-стражника до сих пор бродит в развалинах, и горе тому, кто войдет в город и не заплатит богатой пошлины. Великие несчастья обрушатся на его голову. Нищета будет ходить за ним по пятам, в руках его не станет силы, в голове – разума, он будет пить воду вместо вина и носить халат с чужого плеча.

Нет, как хотите, а я ни за что не останусь на ночлег в городе, который некогда предпочел монету мудрому совету. Жадных и глупых не любит никто. Ни боги, ни дэвы. Вот только обожду, пока отдохнет мой конь, и покину это проклятое место.

С этими словами Мердек кинул под голову седло и растянулся прямо на песке, весьма довольный сказкой, которую только что сочинил.

– Эй, Мердек, – через некоторое время позвал синеносый, – если это правда, то отчего с нами до сих пор ничего не случилось?

– А разве вы счастливы? – изумился Мердек. – Разве нищета не ходит за вами по пятам? Разве не пьете вы воду вместо вина и не носите халат с чужого плеча?

Разбойники переглянулись.

– Эй, Мердек, – снова позвал синеносый.

Мошенник открыл один глаз, притворяясь, что уже задремал и только оклик разбойника разбудил его.

– А что же делать, Мердек?

– Что делать, что делать... Седлать коней и уходить из проклятого города, пока не поздно, – ответил Мердек.

– А куда уходить-то, – растерялись разбойники, – Керам оставил нас без добычи. Сам ушел. Хаим не примет нас назад. Когда мы уходили от него, то прихватили шестерых самых лучших коней. И в Эрак нам не войти. И в Хорасан не вернуться. У нас нет денег, чтобы заплатить стражнику за вход.

– Попробуйте расплатиться мудрым советом, – зевнул Мердек и повернулся на другой бок, спиной к озадаченным разбойникам.

Через некоторое время он услышал фыркание коней, шум бестолковых сборов, стук копыт по камням, и вскоре все стихло. Разбойники покинули мертвый город, и Мердек готов был заложить свою голову, что скоро они не вернуться. Хитрец напугал их изрядно. Должно быть, отправились грабить караваны. Не будет им удачи. Но не оттого, что переночевали в мертвом городе, а оттого, что отроду глупы. Хаим-Лисица на них напрасно злился, право же, шесть коней совсем не дорогая плата, чтобы избавиться от таких дурней.

Однако глупцы не глупцы, а когда-нибудь они поймут, что Мердек их попросту одурачил и, пожалуй, вернутся, чтобы спросить, какая тому корысть в обмане. Так что лучше бы ему этим шестерым больше не попадаться. Мердек снова сел, а, убедившись, что разбойники и вправду уехали, встал и торопливо пошел вдоль стены. Через несколько шагов хорошее настроение его и довольство жизнью испарились. Тайник, который он был послан отыскать, завалило рухнувшей стеной. И так завалило, что одному не управиться за целую луну. Если с этим вообще возможно управиться.

* * *

Могучий рык встряхнул землю и небо. Жалобно заревели верблюды. Игреновый конь Йонарда жалобно заржал и попытался сбросить седока. Варвар с трудом удержался, намотал на руку поводья и попытался направить коня назад, туда, где случился переполох, но тот хрипел, косился, прижав уши к большой треугольной голове, и с места не двигался, только перебирал копытами и тонко, жалобно ржал. Йонард бросил упрямое животное, соскочил и поспешил на звук, расталкивая широкими плечами бестолково мечущихся купцов и погонщиков. Охрана красавицы сбилась в кучу, заслоняя паланкин. Воины не мигая смотрели в одну точку.

Йонард повернулся туда же. И, несмотря на все свое северное хладнокровие, едва не попятился. Огромный палевый зверь, почти не отличимый цветом от песков, возник на тропе, словно из ниоткуда. Припав на передние лапы, он переводил свой жуткий взгляд с людей на сбившихся в кучу верблюдов и гибкий длинный хвост его метался из стороны в сторону. Верный признак того, что лев зол. Или голоден. А скорее – и то и другое.

Воздух прорезал тонкий испуганный крик. Это мог быть один из мальчиков-

погонщиков, но Йонард был отчего-то уверен, что крик раздался из паланкина. Мечи охранников давно покинули ножны, но пускать их в ход аланы не торопились. Лев снова рыкнул. Странно прозвучал этот рык. Грозный и яростный, он закончился нотой, весьма похожей на жалобное мяуканье. Йонард вытянул из-за спины копье и, стиснув зубы, послал его в цель коротким, сильным броском, почти не целясь. Лев испустил хриплый вой. В янтарных глазах зверя мелькнули тоска и смятение. Кровь зверя плеснула в лицо тугой струей и Йонард невольно отступил. Тяжелое, длинное тело несколько раз дернулось, разбрасывая песок широкими, когтистыми лапами, и затихло. Копье северянина вошло в аккурат под левую лопатку.

Охрана дамы подросла вовремя. Как раз когда царь зверей перестал шевелиться. Для того чтобы оттащить его в сторону и помочь подняться залитому кровью Йонарду. Германец зыркнул на них с плохо скрытым презрением и перевел взгляд на распластанного льва.

– Интересно, откуда он здесь взялся? – задумчиво проговорил Ритул. – Зубы сточены по самые десны. Лет тридцать зверю, если не больше, – и с легким сожалением добавил: – было.

– Должно быть, подыхать сюда пришел, – предположил Зикх, которого необычное происшествие отвлекло от верблюдов с поклажей.

Ритул подошел к паланкину и, похоже, выслушав какое-то приказание, вернулся.

– Северянин, – он тронул Йонарда за рукав.

Тот зло развернулся. Насмешки по поводу «убийства безобидной старой киски» ему изрядно-таки надоели. Небось, когда лев возник на тропе и до смерти перепугал верблюдов, он никому не казался безобидным. Даже этим дюжим аланам. Но Ритул и не думал смеяться.

– Госпожа давно хотела послать весть своему будущему супругу и повелителю, – произнес он. – Теперь она благодарит богов, что не сделала этого раньше.

– Почему? – не понял Йонард, – и при чем тут я?

– Теперь она может просить мужа встретить караван с богатыми подарками для тебя, спасшего ее от этого страшного зверя. И госпожа очень хочет, чтобы вестника послал ты, из своих собственных рук.

С этими словами Ритул подал германцу белого голубя.

– Просто подбрось его вверх, посоветовал он, – голубь знает дорогу в Хорасан.

Голубь взмыл в небо и уверенно устремился на восход. Похоже, он действительно знал дорогу.

Маленькое происшествие было забыто, и караван тронулся в путь. Потом, Йонард знал это, глупый случай с издыхающим львом, неосторожно уснувшим на караванной тропе, обернется целой чередой страшных рассказов о десятках свирепых львов, растерзанных верблюдов и одном герое-победителе, получившем кошелек с золотом и поцелуй от зеленоглазой блондинки. И этим героем будет кто угодно, только не Йонард.

* * *

Ближе к вечеру, как и рассчитывал проводник, они подошли к очередному колодцу в развалинах деревни. Солнце садилось за их спинами, косые лучи скользили по остаткам глинобитных стен. Длинные тени верблюдов, лошадей и людей бежали впереди каравана, словно старались как можно скорее добраться до места, где будет вода и отдых. Пески казались розовыми и как будто светились.

Йонард подъехал первым и, разглядывая землю, нахмурился. У колодца обнаружились следы костра. Собственно, ничего удивительного в этом не было, караваны пересекали пустыню по одним и тем же путям, длинным или коротким, это уж как позволяли кошелек, опытность твоего проводника и выносливость верблюдов, но в основном «корабли пустыни» утаптывали одни и те же тропы. Случалось, они встречались посреди бескрайних песков, узнавали и передавали новости. К примеру, пару дней назад им навстречу попался «шелковый» караван аж из самого Китая, и шел он не в Эрак и даже не в Ашкелон, а еще

дальше. В Дамаск или, возможно, в Константинополь. Но тот караван прошел здесь давно, и следы его сгладил ветер, да и много их было. Небось вычерпали колодец до самого дна. И уж, наверное, не один жгли костер, если ночевали. А где им еще ночевать? Те, кто оставил эти следы – крупные, но уже верблюжьих – следы неподкованных лошадиных копыт, должны были все время идти впереди их каравана, во что Йонард не верил. За семь дней пути он еще ни разу не наткнулся на следы их присутствия. Значит?.. Что это могло значить?

«Все что угодно, кроме хорошего», – решил варвар.

Аланы удвоили посты. Это было правильно. Но, после случая с «царем зверей», на аланскую охрану Йонард больше не полагался.

«Спать не буду», – подумал он, пристраивая под голову попону и укрываясь плащом. И тут же провалился в мертвый, каменный сон.

Снился ему великий город, раскинувшийся на семи холмах и отбрасывающий тень на весь подлунный мир. Казалось, он незыблем и вечен как сама земля, как каменные порталы дворцов, как безмятежно-голубое небо над ними. Но на улицах почти не видно было знатных женщин, да и сами патриции предпочитали не появляться без охраны, а в основном город кишел вооруженными до зубов мужчинами в варварской одежде, имевшими к непобедимым римским легионам более или менее близкое отношение. Город подтягивал войска из провинций, оголяя границы, потому что уже не в силах был удержать былую мощь, а лишь смутно надеялся выжить. Германцы, кельты, славяне, словом все те, кого издавна принято было именовать презрительной кличкой «варвар», шли в город с оружием и становились новой кровью в его обескровленных жилах. В те дни всем казалось, что Рим еще можно спасти.

* * *

Соблюдая предельную осторожность, одинокий всадник следовал за караваном. Словно тень, он крался за ними след в след, значительно отставая днем, так как зоркие глаза проводника то и дело озирали горизонт. Кроме того, в этом караване были и другие глаза, не менее зоркие, и быть замеченным теми глазами всадник не хотел ни в коем случае, даже ненамеренно. Иное дело теперь, ночью. Надежно скрытый от любых глаз, он нагонял караван. Не тот это был человек, чтобы упустить добычу.

Он спешился. Конь его чуял воду и рвался вперед, но всадник осадил его железной рукой и ласковым словом:

– Все тебе будет, только не сейчас. Утром. Терпи, как я терплю.

Конь, казалось, понял. Во всяком случае, он спокойно позволил хозяину положить его на бок и застыл. Всадник знал, что так конь будет лежать до тех пор, пока условный свист не поднимет его с места, и больше не беспокоясь о нем, медленно и осторожно пошел вперед. К развалинам, где расположился на ночлег караван. Темный халат позволил ему подобраться к спящим шагов на двадцать. Ближе он подойти не решился, да и незачем было. Человек остановился. Прислушался. И тихо, протяжно взвыл, подражая голосу далекого волка. Ничто не отозвалось в ночи на этот тоскливый призыв. Но человек знал, что его услышали. Прошло не так уж много времени. Тот, кто следил за караваном, еще не успел потерять терпение, когда прямо перед глазами его из темноты возникла плечистая фигура. Он отпрянул, ладонь метнулась к поясу, но замерла наполдороге, услышав тихое:

– Все в порядке. Это я, Ритул.

– Вовремя ты подал голос, – так же тихо отозвался одинокий путник, – еще мгновение, и я бы утыкал тебя острыми железками, как ежа.

– Пока все в порядке. Устроили ночлег. Завтра, с восходом, двинемся дальше.

– Отлично, дружище, – ответил тот, – а как варвар?

– Хвала богам, пока ничего не заметил, – ответил Ритул. – Он смотрит вперед, а не назад. Но тебе стоит поостеречься. В караване человек Ардашира, а у них, как известно, глаза вокруг головы.

– Я знаю, – путник кивнул, но в чернильной темноте движение его головы осталось незамеченным, – в караване даже ДВА человека Ардашира.

– Два?! – по-настоящему удивился Ритул. – Я не знал этого. В самом деле.

– Верю. Кто может сказать, что знает ВСЕХ людей Ардашира? И кто может сказать, скольких из них привлекает та же добыча. У нашего общего знакомого развелось немало друзей-доброжелателей. Сейчас в Иране не стоит быть выходцем из Рима. Слишком коротка дорога от Рима до Константинополя и слишком долгая память у наших любезных соотечественников. Проклятье! Варвар мне нужен. Он силен и смел, и только он способен помочь, если захочет.

– А те, с кем ты собирался поговорить в Эраке? Что сказали они?

– То же, что и ты. Мертвым алмазные россыпи ни к чему.

– Варвар скажет тебе то же самое.

– Надеюсь, что нет, – ответил Керам, – за ним уже есть с десятков голов, и не все их хозяева сидели на сокровищах. Главное, чтобы он мне поверил.

Ритул покачал головой:

– Я бы на его месте не стал.

– И это называется старый друг, – фыркнул Керам.

– Кто знает нас лучше, чем старые друзья?

Двое приглушенно рассмеялись. Уже прощаясь, Ритул предостерег одинокого путника.

– Будь осторожен. Здесь шастает кто-то еще. Варвар заметил следы.

– Ты думаешь, это они?

– Те, кого ты бросил в одном переходе от Эрака? Кто знает. Может, они, может, другие. В этих краях не стоит бродить одному.

Керам не успел ответить. Тонкий, пронзительный волчий вой возник в барханах, взметнулся ввысь и с силой вонзился в небо.

Приятель переглянулись.

– Это не я, – сказал Керам.

Звук повторился на этот раз ближе и через мгновение ему ответил еще один.

Зверь выскочил из темноты внезапно и стремительно. Огромный, от неожиданности и силы его броска он показался еще больше. И не серый – седой. В лунном свете он был словно облит жидким серебром. Сверкнули глаза и белые, как алебастр, клыки. Человек взмахнул мечом, но зверь нырнул под руку. Алан растерялся и закрутил головой. И тогда на спину обрушился мощный удар, и человек упал, неловко взмахнув руками. Он не успел взять зверя на меч, не успел даже позвать на помощь. Успел только хлюпнуть порванным горлом. Тонко заржала и забила копытами лошадь, шарахнулась в сторону и, словно споткнувшись, неловко повалилась. Шагах в двадцати точно такое же ржание оборвалось так же внезапно. Но уже ревели верблюды, бестолково метались погонщики, со свистом ползли из ножен мечи. Вспыхнул факел. Потом другой. Мелькнула серебряная тень.

Возле самых ног опешившего воина скользнула гибкая серая спина. Он взмахнул оружием и разрубил темноту. На земле подышали две зарезанные лошади, один воин-алан, два погонщика и четыре волка. Стая ушла в пески так же стремительно, как и появилась.

Ушли они, конечно, недалеко. Когда караван снимется с места и пойдет дальше, наскоро похоронив погибших, волки вернутся за своей добычей. Но никому и в голову не пришло преследовать стаю в песках.

«Охраняй нас от волка и от волчицы, сбереги нас от вора, и мы пройдем спокойно, о ночь», вспомнил Йонард, нехотая пробудившийся от своего волшебного сна. У ног его лежал серый зверь, разрубленный пополам. Ночь не уберегла караван, не спасли и удвоенные посты. Впрочем, все могло быть и хуже, значительно хуже, если б напала другая стая. Та, что оставила на песке следы неподкованных копыт...

* * *

Солнце стояло почти над головой. В такую пору самым мудрым, что мог сделать правитель, было спрятаться в каменной прохладе дворца и с помощью охлажденного напитка постараться пережить эту совершенно нестерпимую жару. Господину Ардаширу, начальнику хорасанской конной стражи казалось, что даже лошади смотрят на него с осуждением. Впрочем, ни один из всадников его сотни, лучшей конной сотни во всем Хорасане, не смел роптать. Ардашир и сам молчал, хотя их сомлевший от жары отряд продвигался к стенам гораздо медленнее, чем солнце к высшей точке на небосводе. Причиной этого была «охотничья добыча» правителя – крупный, испачканный кровью орикс. Привязанный к длинному крепкому шесту, он мотался в такт шагам мускулистых, обнаженных до пояса невольников. Спины рабов блестели от пота. Непокрытые головы были гладко выбриты. Они несли добычу правителя так легко и неторопливо, что, казалось, для них это вообще не тяжесть, а раскаленная пустыня – благоуханные сады Иштар. Их мерная поступь сводила Ардашира с ума, но он не смел их поторопить.

Конечно, рассуждая здраво, не так уж все это было ужасно. Короткая утренняя вылазка на охоту. Ну, несколько растянувшаяся. Случалось и не такое. Преследуя неутомимых грабителей караванов, всадники хорасанской стражи рыскали по пустыне день и ночь, не помышляя об отдыхе. «Они пили пыль и спали в седлах», как гласила известная поэма длиной в двадцать четыре локтя. Но то было дело мужчин, дело чести. И, бесспорно, это было куда занятнее, чем караулить детей.

Ардаширу не пришлось искать глазами тонкого, гибкого всадника в белом шелковом халате, гордо восседавшего на горячем вороном жеребце, едва лишь объезженном, едва лишь узнавшем хозяйскую руку. Ардашир и так не сводил с него глаз, потому что этот юноша, почти мальчик, был его повелителем. Шахом Хорасана.

Неожиданно юный правитель повернулся в седле и послал Ардаширу быстрый, нетерпеливый взгляд. Тот поспешил догнать повелителя.

Юноша не торопился начинать разговор. Он хмурился, кусал губы, теребил узорную рукоять хлыста, и господин Ардашир нехотел, а может быть как раз кстати подумал, что этот хлыст без всякой видимой причины вполне может прогуляться по его спине.

– Повелитель, боги благосклонны к тебе, – торопливо произнес Ардашир, – ты удачно начал свой день. Воистину, в охоте, как и в верховой езде, ты не знаешь себе равных.

Юноша-шах не повернул головы:

– Ты прав, – холодно ответил он, – шаху нет и не может быть равных. Того, кто осмелится встать с ним вровень, укорачивают на голову. – Он немного помолчал и добавил: – та же участь ждет и нерадивых слуг.

Несмотря на жару, Ардашир почувствовал, что холодеет. Шаху ничего не стоило отправить его к палачу или просто отмахнуть голову своей легкой саблей. Исключительно ради того, чтобы показать свою власть и утвердиться в своем праве карать и миловать подданных.

– Если я чем-нибудь вызвал твое недовольство, повелитель, казни меня, я буду счастлив умереть от твоей руки, – быстро произнес Ардашир, – но, может быть, ты позволишь мне узнать, в чем виновен твой нерадивый слуга.

– Вот уже три луны я жду от тебя известия, что варвар пойман и заточен в темницу, – ответил шах, по-прежнему не глядя на Ардашира, – и сейчас мне пришло в голову, что, возможно, я жду слишком долго.

– Слава Ахура-Мазда твое ожидание, повелитель, близится к концу, – с облегчением ответил Ардашир, – сегодня утром я получил известие от своего человека. Видимо, голубь прилетел еще вчера, но Смотритель Голубятни его не заметил. Я приказал дать ему десять плетей.

– Сколько же плетей я должен дать тебе за то, что ты получил известие утром, а я узнал об этом лишь к полудню? – насмешливо спросил шах и наконец удостоил Ардашира пристального, недоброго взгляда. – Что же сообщил тебе твой человек? Где варвар?

– Как раз сейчас, повелитель, он ведет караван из Эрака в Хорасан. Мне известен

каждый его шаг, и я достойно встречу Йонарда-германца.

– Если он не сбежит по дороге, – тихо проговорил юноша.

Тонкие ноздри шаха несколько раз расширились и опали. Взгляд был упрям и холоден, но в голосе неожиданно прозвучала печаль. Почувствовав перемену в настроении своего юного повелителя, Ардашир решился спросить:

– Как смог этот варвар, которого ты никогда не видел, заслужить твою ненависть? Ведь он всего лишь проводит караваны.

– Он пришел с северо-запада, оттуда, откуда всегда приходили на нашу землю завоеватели, – ответил юноша. – Разве одной этой причины недостаточно, чтобы возненавидеть?

Ардашир обескуражено покачал головой. Он не имел представления о том, что мальчику известна история Хорасана, которую во всем дворце помнили всего двое – он и старый маг-звездочет, на которого уже давно никто не обращал внимания, так как с возрастом он впал в детство и путал воду с вином.

– Лучшую причину трудно выдумать, повелитель, – признал Ардашир.

– Тем более что я ее не выдумал.

– Ничто не может укрыться от ока твоей мудрости, повелитель, – отозвался Ардашир, – и тебе, должно быть, известно, что римляне не только чуть не завоевали Хорасан, но и погубили твоего отца. И тем самым освободили трон для тебя... К тому же Рима больше нет.

Юноша пожал плечами:

– Возможно, отец мне нужен был больше, чем трон. Возможно, наоборот. Но, в любом случае, это должен был быть мой выбор, а не чужеземцев... К тому же есть Византия.

Ардашир смиренно склонил голову в знак согласия и больше до самого Хорасана не проронил ни слова. Молчал и повелитель. С юношей-шахом было очень трудно, и каждый подобный разговор грозил обернуться бедой. И все же хитрый царедворец не сомневался, что со временем сделает юношу своим послушным орудием.

* * *

– ...и вот этот человек вышел из города и повел караван к своему хозяину. И было в том караване ровным счетом десять верблюдов, считая и того, на котором ехал он сам. Отойдя от города на три лиги, человек обернулся в седле и пересчитал свой караван. И что бы вы думали? – Зикх прищурился, покачиваясь на рыжей спине зверя и обнимая ногами горб.

Йонард, Ритул и двое погонщиков смотрели купцу в рот, ожидая, чем кончится рассказ.

– Верблюдов оказалось всего девять, – проговорил Зикх, улыбаясь. – Тогда человек слез со своего верблюда и снова пересчитал их. Теперь верблюдов было снова десять. Он опять взобрался на спину своему зверю, пересчитал караван. Девять! Тогда этот честный человек сплюнул на землю, слез с верблюда и решил: «лучше уж я пойду пешком, но чтобы счет все время сходился».

Йонард рассмеялся первым, запрокинув голову и скаля в улыбке великолепные зубы. Его поддержал Ритул, а через некоторое время и оба погонщика.

Притчи Зикх рассказывал отлично, ничуть не хуже Патмарка. Впрочем, здесь, в Иране, трудно было найти человека, который бы не умел рассказывать притчи и не знал их великое множество, на все случаи жизни.

Караван длинной цепью растянулся среди песков. Усталость от долгого пути, изнуряющий зной, пыль изрядно притупляли бдительность. Тем более что уже несколько переходов прошли вполне благополучно. Если не считать того, что под седло лошади проводника попала пыль, и бедное животное в кровь стерло спину. Пришлось Йонарду оставить коня и пересест на верблюда. Впрочем, притчи Зикха, которыми он развлекал их с Ритулом всю дорогу, почти примиряли германца с верблюдом.

– Лошади, – неожиданно и как-то вроде растерянно произнес Ритул.

Йонард и Зикх держались во главе каравана. Ритул пристроился рядом. Может, чтобы послушать притчи, может быть, еще для чего. Йонарду молчаливый алан нравился не слишком, а вот купец его привечал. Впрочем, глаз воин имел ястребиный. Среди барханов действительно темнели лошадиные спины. Рыже-бурые, лохматые, те самые, которых «псы пустыни» отродясь не подковывали и которые в выносливости не уступали верблюдам, а в скорости превосходили их почти вдвое. Лошади были полностью оседланы и взнузданы, но без поклажи. Ровным счетом – шесть. Целый табунок бесцельно бродил посреди песков. Всадников нигде не было видно. Однако, подъехав поближе, Йонард понял, что ошибся. Всадники тоже были здесь. Только не все. Четверо. И эту четверку германец определенно уже где-то видел. Они лежали на песке навзничь. Йонард видел мертвые тела и в более жутких позах, но сейчас не мог вспомнить, где и какие. Рядом валялись легкие иранские сабли. Рваные халаты, пропитанные кровью, явно с чужого плеча. Не ожидая, пока подтянется караван и охрана, они втроем – Йонард, Зикх и Ритул – не торопясь, поглядывая по сторонам, подъехали к месту побоища. Зикх слез с верблюда, хлопнул ладонью по мохнатой морде, посылая животное в сторону, и шагнул вперед. Наверное, только боги знают, отчего у Йонарда шевельнулось в душе тревожное предчувствие. Легкий шорох, быстро мелькнувшая мысль... Или не было никаких мыслей. Никаких предчувствий. Просто рука привычно вытянула меч из ножен, обхватив рукоять.

Синеносый покойник неожиданно шевельнул ресницами.

– Проклятье, обман! – взвыл Зикх.

Сабли, кое-как разбросанные по песку, мгновенно обрели хозяев. Ритул со стоном сполз с седла, оглушенный ударом сзади.

– А ну, снимай поклажу, я Керам! – рявкнул толстяк.

– Как, и ты тоже? Сколько же вас здесь бродит на мою голову!

Зикх шагнул было к верблюду, но испуганно отшатнулся назад. Прямо из земли выросли еще двое, с запорошенными песком бровями, страшные, как песчаные демоны, и один из них рванул на себя тюки.

Йонарда осадил двое.

Интересно, пробовал ли кто сражаться с пешими верхом на верблюде? Неповоротливом, старом и, похоже, глупом верблюде. Зверь бестолково метался, не давая возможности размахнуться как следует, и спрыгнуть на землю не было никакой возможности. Озлясь, Йонард сдал колени мохнатые бока, перегнулся с седла и, под жалобный рев, расколол толстяку череп и снес часть плеча. Второй разбойник, поднырнув под морду верблюда, попытался достать Йонарда в бок. Но проводник опередил его, ударив ногой в челюсть. Нападавший пошатнулся и тут же был зарублен. Клинок зло прошелся по груди, глубоко проникнув в плоть. Верблюд шарахнулся в сторону, косясь на мертвецов, и застыл. Намертво. Уперся в землю всеми четырьмя ногами, словно корни пустил. Раздумывать было некогда. Уравновесив в руке копье, Йонард с силой метнул его в того, кто наседал на Зикха. Копье угодило в спину, перебив несчастному позвоночник. Бандит неестественно выгнулся и, как подломленное дерево, рухнул к ногам Зикха.

От каравана отделились темные точки. Стремительно приближаясь, они превращались во всадников в сверкающих кольчугах.

– Помощники сраные, – в сердцах выдавил Йонард, заметив приближающихся алан.

Замешкавшись всего на несколько секунд, проводник упустил из виду бандитов. Он спрыгнул с застывшего верблюда, но было уже поздно. Торопливо навьючив добычу, синеносый вскочил в седло. Лошадь тонко заржала и двумя скачками вынесла его из схватки.

Йонард подскочил к убитому разбойнику, рванул копье окрашенное кровью и торопливо оглянулся. Зикх сидел на песке, зажимая раненную руку. Лошади уносили разбойников прочь. Три фигурки быстро уменьшались и вскоре исчезли совсем. Охрана опять опоздала.

– Трое! – рявкнул Йонард. – Хрофт! Трое ушли!

– Двое, – спокойно поправил его Зикх, – третий унес в боку мой кинжал. До заката он

не доживет. А может, и мы не доживем...

Ритул со стоном шевельнулся. Йонард с недоумением посмотрел на небо и враз помрачневшего Зикха. Прислушался.

Тонкий, почти на грани осязаемости, а не слуха, холодно-звонящий звук заставил нервы ответить такой же нестерпимо противной дрожью. Он словно свивал из воздуха невидимые струны, которые соединяли между собой и небо, и землю, и людей, затерянных в песках между землей и небом.

Золотые нити текучего песка, серебряные струи ветра, еще теплого, но уже остывающего на лету.

И эта чарующая мелодия, повторяющая одно и то же, одно и то же... «Песня Блуждающих Душ», – что-что, а уж ее Йонард узнал бы, даже оглохнув. Переспрашивать Зикха варвар не стал. Не имело смысла. Он понял, что имел в виду купец, говоря об этом. Небо над их головой темнело. Стремительно и неотвратимо. Беспощадно. Попавшему в такую переделку впервые, могло показаться – безвозвратно.

– У нас мало времени, – движения Йонарда были быстры, но точны.

– Стой! – его зычный окрик и в другое время мог производить такое же магическое действие на людей и животных. Теперь же караван остановился так, точно он врос в землю на этом самом месте. Те, кто уже не в первый раз оказывались в подобном положении, тут же начали укладывать верблюдов, лошадей, накрывая им головы попонами. Паланкин казался не совсем надежной защитой. Поэтому к нему со всех сторон кинулись охранники, таща на себе все кошмы и попоны, которые еще могли пойти в дело. Зикх внимательно осмотрелся по сторонам, не было спешки и суматохи, каждый знал свое место и то, что он должен сделать. Он знал, с кем идет в пески.

Не успела бы догореть и самая короткая травинка, как от каравана на поверхности песков осталось несколько лишних барханов. «Странно, – подумал про себя Йонард, – не слышно ни одного взвизга, точно и нет в караване женщины. Или она не такого нрава, чтобы устраивать переполох, когда дело действительно принимает серьезный оборот». Перед тем как самому накрыть голову попоной, Йонард еще раз взглянул в ту сторону, откуда впервые донеслась до них Песня Блуждающих Душ. Темнота стала выпуклой, нависла над еще не поглощенной ею пустыней и протянула к ней свои гибкие, жадные руки. Нет, то не руки, а гигантские черные вихри, исполинские колонны, постоянно меняющие свою форму, то замирающие на мгновение на одном месте, то в один миг преодолевающие расстояния не одного дня пути. Встревоженное ржание лошадей и рассерженный рев верблюдов неожиданно смолкли, и эта тишина стала действительно угрожающей. Йонард едва успел спрятать голову, как тут же почувствовал, что не может дышать от навалившейся на него тяжести.

Сухой песчаный дождь обрушился на людей и животных. Ливень, но не животворящий, а убивающий все живое. Но не навсегда. Прошло совсем немного времени – и все успокоилось.

Йонард шевельнул могучими плечами и с некоторым усилием освободился из-под верблюжьей попоны, на две ладони засыпанной песком. Волосы германца потеряли свой природный светлый цвет, и сделались темно-рыжими. Всколоченные брови топорщились, как иглы рассерженного ежа. Варвар сел и принялся ожесточенно отплевываться. Верблюд, которого ничуть не обеспокоила песчаная буря, смотрел на германца внимательно, пытаясь сообразить, чем же тот занят. Наконец ему показалось, что он это понял. Верблюд неторопливо, с царственным достоинством встал, встряхнулся, обдав Йонарда тучей пыли, и величественно плюнул.

– Да, приятель, – кивнул германец, – у тебя получается лучше. Тут с тобой не поспоришь.

* * *

Минула четверть луны, когда на горизонте показались темные точки, которые через две-три лиги должны были превратиться в цветные башни Хорасана. Долгий путь наконец-то приблизился к благополучному концу. Гортанными выкриками понукая верблюдов, Йонард и Зикх взобрались на песчаный горб и замерли, всматриваясь вдаль. То, что темнело, едва возвышаясь над волнами желтого песка, не могло быть ничем иным, кроме городского вала.

– Наконец-то добрались, – облегченно выдохнул Зикх, утирая потное лицо.

– Я же обещал, – невозмутимо проговорил северянин, искоса поглядывая на купца. – Тебе, Зикх, не в чем меня упрекнуть, а потому – давай деньги.

– Но мы еще не в городе.

Германец грозно свел брови над заледеневшими серо-зелеными глазами.

– Разговор был о башнях, вот они.

Германец не угрожал, но у Зикха отчего-то захолодели лопатки.

– Не будем ссориться, – торопливо проговорил он, доставая из переметной сумы увесистый кошель.

Йонард протянул руку, и пальцы ощутили сквозь тонкую материю тяжелые кругляши.

– Золото... – с наслаждением изрек купец, придав особую значимость своему жесту.

– Золото – это, конечно, хорошо, но, впрочем, какая разница, я бы и на серебро погулял неплохо, – тоном выдавшего вида человека молвил германец.

Он уже собирался спрятать кошель за пазуху и вежливо распрощаться, как вдруг внимание его привлек яркий отблеск в песках. Он привстал, щурясь.

– Всадники.

– Что? – вроде бы не расслышав, переспросил Зикх.

– К нам приближаются всадники, – повторил Йонард, – и мне это не нравится.

– Ну, наконец-то, – с облегчением вздохнул купец и успокоил Йонарда: – это свои.

Следуя за Зикхом, германец спустился вниз, к каравану. Но что-то внутри, какое-то неясное предчувствие говорило ему, что ждать приближения этих неизвестных всадников – самое распоследнее дело из всех, которые он когда-либо поделывал. Хотя и убежать, не разобравшись от чего бежишь, тоже было не в его характере. Однако сколько не думал Йонард о том, кто же мог так уверенно, по-хозяйски приближаться к каравану Зикха, ничего в голову не пришло. Оставалось одно – ждать.

В раскаленном воздухе появились клубы серо-коричневой пыли. Казалось, облако опустилось на землю и, изменяя окраску, медленно покатилося вперед. Всадники были еще далеко, но глухой топот копыт уже достиг каравана. Земля дрожала пока еще не слишком заметно, но вскоре даже самые тугие на ухо различили эту дрожь – явный признак приближающейся конницы. Всадники вылетали из тучи пыли, словно сверкающие стрелы. Сначала Йонард различал лишь передние шеренги, но по мере их приближения вырисовывались и остальные. Солнечный свет играл на островерхих шлемах, и они нестерпимо вспыхивали, начищенные, видно, для пущего страха.

– Конная стража, – сообразил Йонард и яростно обернулся к Зикху, – это и есть «твои люди»?

– О нет, – тонко улыбнулся купец, – у них другой хозяин. Ты скоро с ним познакомишься, варвар.

Меж тем всадники приблизились достаточно, чтобы разглядеть усиленно машущего им Зикха. Придержав коней, хорасанцы подъехали уже шагом. Копья, пристегнутые к седлу позади всадника, грозно топорщились, и солнце играло на острых наконечниках. Кольчуги, терпеливо откованные лучшими мастерами Ирана, плотно облегли статные фигуры воинов. Впереди, на белоснежной кобыле, с достоинством, поистине королевским, восседал воин в позолоченном панцире. С левого плеча его спускался плащ, застегнутый красивой фибулой. Сам же плащ, настолько светлого оттенка, что материя в лучах солнца казалась прозрачной, был таким длинным, что скрывал круп кобылы. Широкие штаны из такого же материала были аккуратно заправлены в сапоги из тонкой кожи. Причем нашлись умельцы, что

выкрасили их в тот же цвет. Не иначе воин любил именно этот, бледно-голубой цвет. Не нужно было быть слишком умным, чтобы догадаться, что он и есть предводитель.

Лицо его по самые глаза закрывал белый шелковый шарф.

По знаку «бледно-голубого» воина отряд хорасанцев натянул поводья. Вымуштрованные лошади, подчиняясь команде, встали, причем все одновременно.

Увлеченный зрелищем варвар не заметил, как воины Ритула ненавязчиво взяли его в кольцо, а сам алан оказался позади Йонарда.

– Зикх, – вымолвил «бледно-голубой» всадник.

Купец шагнул навстречу, приветственно поднял правую руку и приложил ее к груди, учтиво кланяясь:

– Приветствую тебя, Ардашир, верный слуга великого шаха, да продлят боги его дни.

Господин Ардашир в ответ лишь слегка кивнул головой, не думая покидать седло. Глаза его, не мигая, смотрели на Йонарда, и тот понял, что, не поверив предчувствию, сделал большую глупость.

– Связать, – бросил всадник.

Йонард потянулся было за мечом, но, взглянув на плотное кольцо аланов и шеренги хорасанской конной стражи, опустил руки и с показным спокойствием вытянул их перед собой. Умереть было очень легко, но умирать было пока не время.

Зикх тут же связал германца, а недавний приятель Ритул освободил его от меча и копья.

В это время поднесли паланкин таинственной дамы. Занавески дрогнули, и Йонард, как не был взбешен, все же повернул голову, надеясь увидеть зеленоглазую блондинку.

Из паланкина выбралась неуклюжая фигура и, путаясь в цветных покрывалах, подошла к Ардаширу.

– Я выполнил твою волю, почтенный, – голос показался варвару знакомым и через мгновение он узнал его.

«Дама» откинула покрывало, явив миру хитрое лицо Патмарка, купца из Ашкелона.

– Варвар схвачен. О Хаиме-Лисице ничего не слышно, должно быть, он снова ушел в горы. Есть у меня еще одна хорошая новость: шайка Керама уменьшилась ровно в половину. Благодарю за это твоего верного слугу Зикха. И если бы варвар не вмешался раньше времени, от нас не ушел бы ни один разбойник...

Йонард окатил Патмарка ледяным презрением и едва слышно буркнул:

– Конечно, не ушел бы. Пока весь караван не разграбили.

Ардашир милостиво кивнул Патмарку и мотнул головой назад. Подчиняясь его знаку, Ритул подтолкнул Йонарда в спину. Впрочем, достаточно мягко.

Никто не заметил, что со стороны заката появился одинокий всадник в иранских одеждах и замер. Его внимательные глаза следили за происходящим внизу. Они не пропустили ничего, в том числе и пленения Йонарда. Всадник нахмурился, но через мгновение загорелое и обветренное лицо оживила ухмылка:

– Радуйся, почтенный, – язвительно проговорил он и многозначительно добавил: – до вечера.

Караван двинулся в путь. Аланы, довольные удачным походом и деньгами, которые Патмарк отобрал у Йонарда, чтобы расплатиться с ними, весело переговаривались на ходу. Молчал только один Ритул. Да и говорить ему, собственно, было некогда – он всю дорогу пытался приспособить на себе меч и копье Йонарда, которые выбрал себе в качестве награды.

Варвар шел не сопротивляясь, но руки его, незаметно для стражников, пытались ослабить тугие узлы. Встретаться с шахом у Йонарда не было ни малейшего желания.

* * *

Вероятно, Патмарк был на германца порядком-таки зол. Недоверие варвара обрекло его на путешествие в душном паланкине, и расплата не замедлила настичь пленника.

Йонарду связали не только руки, но и ноги и столкнули в глубокую и достаточно вместительную яму. Он тотчас выпрямился во весь рост и вскинул связанные руки, но не смог дотянуться до края. Не удержавшись на ногах, Йонард упал...

Во что – он понял сразу. Навозную жижу мало с чем спутаешь.

– Не люблю я Хорасан, – отплевываясь, проворчал Йонард.

Как только он умудрился перевернуться на бок, а затем сесть, над его головой послышались шаги.

– Как тебе нравится мое гостеприимство, северянин? – голос Ардашира был язвителен до отвращения, но Йонард не был настолько чувствительным, чтобы его стошнило от чьего-то голоса.

Отвечать Йонарду совсем не хотелось, но для поддержания разговора он все же сообщил Ардаширу, что он о нем думает на самом деле, подкрепив свое высказывание крепкими германскими словечками, хотя он был уверен, что его вряд ли поймут.

Сверху раздался смех Патмарка. Конечно, и этот был тут. Где же еще? Отсмеявшись, купец, или кем он там служил у Ардашира, «успокоил» Йонарда:

– Раз ты такой драгоценный, что многие хотят заплатить за твою голову ровно столько, сколько она весит, утешься тем, что алмаз, даже брошенный в грязь – все равно алмаз. Так что менее ценным от дерьма ты не станешь.

– Если бы я захотел, то сравнил бы вас обоих с жидким зловонным пометом издыхающего осла, но не хочу вам льстить, – не остался в долгу Йонард.

Лица Ардашира он не увидел, но услышал, как тот в бешенстве сплюнул и отошел прочь. Но если Йонард думал, что надолго отбил у этого змея охоту появляться возле ямы, то ошибся. Почти тут же он услышал, как Ардашир зовет кого-то из слуг. Спустя некоторое время он снова навис над головой.

– Забыл что-нибудь? – поинтересовался варвар.

– Нет, не забыл, а хочу оставить тебе кое-что на память. Если останется, кому помнить, – с угрозой произнес начальник конной стражи и бросил в яму небольшой комочек чего-то, что поначалу показалось Йонарду белой глиной. Комочек медленно опустился на дно навозной лужи и над ним один за другим пошли пениться пузыри, испуская ужасное зловоние.

«Сырая лепешка, – понял Йонард, – навозная жижа поднимется наверняка до самого края!»

Он закричал зубами, вбиваясь ногтями в ладони. Такая смерть не приснилась бы ему даже в кошмаре. Пожалуй, лучше было бы ему замерзнуть тогда, в двух бросках копья от отцовского дома, в только что выпавшем пушистом снегу...

Это случилось в тот же день, когда он все-таки убил первого в жизни огромного зверя и наслаждался ролью героя, мужчины и равного среди равных. Впрочем, наслаждался так, как было принято в его доме: молчаливо, с достоинством он прохаживался по утоптанному двору и бросал исполненные легкого презрения взгляды на рабов и женицин. Сестра Хильда улыбалась издали, но подходить не стала, чересчур уж младший братец раздулся от гордости, того и гляди скажет что-то, о чем потом пожалеет.

Крик раздался внезапно. Даже не крик – рев. Йонард бросился туда. Как и все дети, он был любопытен и заметил, что у сарая стоит отец, а рядом, выпрямившись во весь рост – человек, которого Йонард поначалу даже не узнал, настолько он привык видеть его угодливо склонившимся перед хозяевами. Это был его большой приятель, если конечно кто-то осмелился бы назвать раба приятелем хозяйского сына. Хильда осмеливалась, но Хильде многое прощалось, она обещала стать красавицей. Нож, которым Йонард убил первого кабана, сделал этот раб. Сделал именно для своего маленького друга.

– Этот кузнец отказался выполнить волю хозяина, – шепнула Йонарду темноволосая девчонка-рабыня, – тот велел ему сковать цепь на самого себя.

– Зачем? – поразился Йонард.

Сколько он себя помнил, старик-кузнец всегда был самым послушным рабом и даже не помышлял о побеге. Выходит, лопнуло и его терпение. Кузнеца поймали, когда он пытался украсть лошадь, а в сумке обнаружили нож, хлебную лепешку и пару сухих рыбин.

...Позднее Йонард и сам не мог понять, как могло случиться такое. Как он посмел, и, что самое интересное, для чего? Раб стоил дорого. Хороший раб стоил еще дороже. Раб, который был искусным мастером, ценился на вес золота. Но раб, вздумавший поднять голову и заглянуть в глаза хозяину, не льстиво и угодливо, как все рабы, а как равный... Такой раб не стоил ничего. Такого следовало убить на месте, как взбесившегося пса.

Йонард знал это, но тем не менее прыгнул вперед и повис на руке отца, как щенок на шкуре кабана.

Когда мальчик пришел в себя, тело ныло от побоев. С рассеченной губы текла соленая струйка и пачкала только что выпавший снег.

Когда стемнело, Хильда вынесла теплый, подбитый мехом плащ. Йонард понял, что это означало: у него больше не было дома.

Он принял подарок сестры, кивнул на прощание и быстро зашагал прочь, даже не думая оглядываться. Нож у него всегда был с собой, а значит, в этой холодной ночи Йонард вполне мог и выжить.

Когда быстро наступившая южная ночь накрыла землю своим непроницаемым плащом, неся прохладу и облегчение от нестерпимого зноя, яма была уже почти наполовину заполнена бродившим навозом. Йонард мог только стоять – и то над бурлящей поверхностью оставались лишь голова да плечи. Больше никто к яме не подходил, и у Йонарда зародилось сомнение: а не разозлил ли он Ардашира с Патмарком до такой степени, что им уже не нужна награда от повелителя, а достаточно будет утопить его, Йонарда, в дерьме, чтобы удовлетворить свое уязвленное самолюбие. И как только он об этом подумал, в ночи послышались легкие, осторожные шаги. Внезапно на плечи варвара упала петля, и чей-то, как показалось, знакомый голос тихо приказал:

– Руки вверх!

Йонард, не задумываясь, продел руки сквозь петлю и пропустил ее себе подмышки. Веревка тут же натянулась, и его выдернули из ямы, как пробку из бутылки. Даже с меньшим шумом. Но с большей вонью. Освободившись от петли, Йонард поднял глаза на своего спасителя.

– Ритул?! Ты!

– Не всяк тот враг, кто тебя обгадил, не всяк тот друг, кто тебя из дерьма вытащил, а уж если ты попал в дерьмо, то сиди и не разговаривай, – ответил Ритул известной среди особо проворных хорасанских торговцев поговоркой. – Бери свой меч и копье, варвар, и знай: если ты действительно хочешь найти и друга, и дело, и деньги, то отправляйся-ка в трактир «Одногорбый верблюд». Не ошибешься, там на вывеске нарисован синий верблюд среди барханов, – видимо Ритул сомневался, умеет ли Йонард читать. – Да, и все-таки не забудь помыться. Арык неподалеку, – напутствовал Ритул Йонарда, разрезав острым ножом его путы, и, не дожидаясь его благодарности, исчез во тьме.

Варвар, впрочем, и не собирался его благодарить. Сказал же Ритул: «Не всяк тот друг...», но Йонард вынужден был признаться самому себе, что чего-то не понимает. Не понимает, но очень хочет разобраться.

Глава вторая

Уронив лохматую голову на громадные руки, Йонард блаженно спал. Блюдо с остатками жаркого и огромная пивная кружка, сухая, как колодец на заброшенном караванном пути, были сдвинуты на край стола.

Маленький квадратный зал трактира с одногорбым синим верблюдом серди желтых барханов на вывеске едва освещался тусклыми масляными светильниками. Из кухни тянуло

каким-то непотребством, которое здешние завсегда и по врожденному недомыслию принимали за приличную еду. Толстозадые девки в грязных юбках шныряли по залу, разнося мерзкую отраву, и улыбались, не разжимая зубов. В дальнем углу, сдвинув столы, шумная компания играла в кости, видимо на одну из девок, стук костей и пьяные вопли разносились на несколько кварталов, но Йонарду было все равно. Прервать его сон сейчас могло бы разве что крушение мира, да и то вряд ли. Причиной тому было не столько количество выпитого, сколько жаркие ласки одной шахджаханпурской красотки, с которой он познакомился в таверне получше. Впрочем, после позапрошлой ночи, которую он тоже провел без сна и с гораздо меньшим удовольствием, путь в таверну ему был заказан.

Крушения мира, однако, не потребовалось. Его вполне заменил легкий толчок в бок. Йонард еще не открыл глаза, а его могучая ладонь уже метнулась к мечу и успела выдернуть его почти наполовину, когда варвар, наконец, проснулся и сообразил, где он и что с ним. Напротив сидел молодой светловолосый парень, тот самый, кто пытался облегчить жизнь верблюдам Ашада и Зикха, Танат его забори, да потом вдруг передумал. Меча при нем опять не было, видно, грабитель караванов мечей не признавал, но широкий пояс с ножами был на месте. Увидев синюю сталь, ползущую из ножен, он не шелохнулся и смотрел на Йонарда спокойно и твердо – глаза в глаза.

– Если собираешься зарубить иранца, застав его врасплох, не смотри ему в глаза. Проманешься, – медленно произнес он.

– Снова ты? – про себя Йонард подивился такой настырности, – а где остальные двое?

– Пока что хватит и меня одного, – ответил Керам, – а почему двое?

– А потому, – Йонард усмехнулся, – что остальные уже не побеспокоят ни тебя, ни меня.

– Ты их?..

– Точно, – Йонард сощурился и незаметно передвинул ноги, чтоб упредить быстрое движение правой руки разбойника.

Но тот лишь презрительно пожал плечами:

– Ну и Танат с ними. Умные люди, увидев тебя во главе каравана, поняли бы, что солнце их удачи закатилось. А дураков – не жалко.

Йонард хмыкнул. Керам был, конечно, прав, но когда тебе льстит в глаза кто-нибудь, кроме хорошенькой девчонки, держи ухо востро. Тем более в Хорасане.

– Так, значит, ты не хочешь, чтобы солнце твоей удачи закатилось, и разбудил меня не для того, чтобы посчитаться за тех олухов? Так зачем я тебе нужен? – спросил он уже мягче.

Керам помолчал несколько мгновений, словно раздумывал, с чего начать. Йонарда это не удивило. Парень назвался иранцем, а их порода известна – никогда слова в простоте не скажут, а если такое чудо и случится, то, значит, одно из двух: либо мать его была персиянкой, либо отец – римлянином.

– Ты слышал когда-нибудь о Черной башне? – спросил, наконец, Керам, глядя куда-то мимо варвара. Йонард поморщился.

– Я много чего о ней слышал, – кивнул германец, – И в числе всего прочего я слышал, что оттуда еще никто не возвращался.

– Это сказки, – пренебрежительно фыркнул Керам, – оттуда никто не возвращался, потому что никто туда не ходил. Туда просто так не пройти. Час надо знать. Я открою тебе тайну, германец. – Керам снова немного помолчал и тихо, равнодушно произнес: – Я был в Черной башне. И вернулся оттуда. И теперь снова собираюсь туда.

Варвар в задумчивости перевел холодный взгляд с лица грабителя караванов на пояс метательных ножей. Светловолосый разбойник пробудил в нем любопытство, одинаково присущее кошкам, детям и варварам.

– И что там такое в этой Черной башне? – спросил он.

– Сокровища, – спокойно проговорил Керам, – перед которыми даже сокровищница самого светлейшего, великого и несравненного просто склад дешевых побрякушек.

Серо-зеленые глаза на миг сощурились, но только на миг.

– И кому принадлежат эти сокровища? – спросил Йонард.

– Тебе не все равно? – светловолосый жестко усмехнулся. – Принадлежат самому Танату, стережет их египетский маг, а владеть будет тот, кто сумеет взять.

От этих слов, сказанных ровным тоном, по спине варвара пробежал холодок. Как и все северяне, он не любил магов, а если совсем честно – так просто боялся. Но Кераму он не признался бы в этом даже за все сокровища Черной башни. Он откинулся на спинку стула, тот жалобно заскрипел, а германец обвел таверну внимательным, скользящим взглядом и небрежно уронил:

– Так ты искал меня, чтобы позвать в гости к магу?

– Ты проницателен как никто, Йонард, – кивнул иранец.

Йонард подпер кулаком подбородок и задумался.

– Это случилось не так давно, две луны назад, даже чуть меньше, – заговорил светловолосый грабитель караванов, – я отстал от своих ребят... по правде сказать, нарочно. Любопытство, понимаешь, оно не только кошку сгубило. О Черной башне я слышал от Хаима-Лисицы... Ты знаком с ним?

– Нет, – коротко ответил варвар.

– Твое счастье. А я вот знаком. Даже вроде бы родственники. Отец он мне... Ладно, то дела прошлые. Отец сам не ведал, что творит, когда решил обзавестись наследником, иначе бы поостерегся. Хотя вряд ли. Он мало чего боится. Даже дьявольской бутылки...

– Какой бутылки? – очнулся Йонард, который от монотонных рассуждений Керам начал было засыпать.

– Нет никакой бутылки, – отмахнулся Керам, – тебе приснилось. У меня язык без костей... Давай для пользы дела забудем. Отец мой любит всякие магические штучки больше, чем женщина – побрякушки, сохрани его боги. Про Черную башню я услышал от него и с тех пор загорелся. Он рассказывал, и я могу поклясться, что это – правда, я был там и видел... Вход в башню лежит через ворота Заката. – В ответ на вопросительный взгляд Йонарда разбойник мечтательно улыбнулся. – Врата эти открыты всегда, только простому смертному видеть их не дано. Но в ясный вечер перед полнолунием, когда закатное солнце и восходящая луна находятся друг против друга и розовый свет смешивается с золотым... их можно увидеть и войти. Это не легенда, я был там, и я прошел через ворота Заката...

Почти против воли увлеченный рассказом Йонард молчал, боясь пропустить хоть слово.

– Отец говорил, что своим верхним венцом башня подпирает тучи, и это правда. Она действительно огромна. За воротами царит тишина, словно даже ветер не может миновать невидимой преграды и бессильно бьется о невидимую стену, но это где-то там... где-то в другом мире. А башня погружена в безмолвие. Я подошел и толкнул створки высоких ворот, и они распахнулись, будто хозяин ждал меня. Нигде я не увидел ни стражи, ни прислуги, словно башня была давно заброшена. Я пересек мощный двор, подошел к дверям и уже хотел постучать... но они открылись сами.

Черные бездонные глаза, как две живые звезды, поглотили меня в один миг. Веки, напоминающие своей формой зрелые плоды горного миндаля, окаймленные агатовыми густыми ресницами, взметнулись и затрепетали, вверх – вниз. Сердце мое тоже затрепетало и, взлетев, упало куда-то, где я уже не мог ощущать его. Лицо девушки, словно дивное творение самого искусного мастера, поразило меня своей страстностью, сквозившей во всех чертах: в чуть полных, цвета спелой вишни губах, уголки которых прихотливо изгибались каждый раз, когда красавица улыбалась; в изящном, почти хищном вырезе крыльев прямого носа; в гордом своенравии открытого лба, который точно возносили к небу два ровных крыла тонких бровей. И вся она, как и вся ее фигура, закутанная во что-то невообразимо легкое и почти прозрачное, но все же не настолько, чтобы не оставить места воображению, начиная от иссиня-черных волн упрямых волос, выбивающихся из-под белой чалмы и заканчивая маленькими ступнями в остроносых туфлях... вся она, хотя и была мне едва по плечо, казалась величественнейшей богиней, сошедшей со своего трона, чтобы открыть

дверь.

– Врешь, – подзадорил Йонард.

– Клянусь богами! Ты слушай дальше...

Красавица приветливо улыбнулась мне, словно ждала именно меня, и кивком пригласила в дом. Я, конечно, последовал за ней, да и кто бы поступил по-другому, когда сама Аннунт зовет в гости. Мы поднимались вверх и спускались вниз по винтовой лестнице, освещенной странным зеленым светом. В башне царило то же гнетущее безмолвие, что и во дворе, казалось, неземная красавица – единственная обительница страшного замка. Я видел распахнутые двери, ковры, в которых утонет нога, драгоценные шелка и парчу, небрежно брошенные на край дивана, павлиньи перья в огромных и прекрасных вазах. Все это великолепие ослепляло, а хозяйка и не помышляла о том, что ее маленькая, стройная ножка ступает по бесценным сокровищам. Долгое время я думал, что красавица нема, она ведь не обронила ни слова и даже не поприветствовала меня, но неожиданно она обернулась и заговорила. Глубокий и чистый голос ее был низким, усталым и равнодушным.

«Я вижу, ты удивлен, путник? А меж тем удивляться нечему. Мой повелитель, Тумхат, собрал здесь величайшие сокровища всего обозримого мира. Ты хочешь увидеть сокровищницу Тумхата?»

Я смог только кивнуть. Красавица улыбнулась пренебрежительно, словно иного и не ждала, но почудилось мне, что, доставая спрятанный на груди маленький ключик, она вздохнула печально и разочарованно.

«Как тебя зовут?» – спросил я, уверенный, что имею дело если не с богиней, то с одной из прекрасных принцесс Ирана.

«Наконец-то догадался, – она рассмеялась без веселья, – зови меня Малика».

«Отец твой, должно быть, какой-нибудь могущественный правитель?»

«С чего ты взял? – спросила она, в то время как длинный коридор, залитый мертвым светом зеленых факелов, в который раз завернул, и я в который раз подумал, что без своей прекрасной проводницы дороги назад не найду. – Тебя удивляет мое равнодушие к богатству? Скажи, умирающий от жажды в пустыне станет ли радоваться, найдя в песках алмаз... пусть даже с голову ишака?»

«Ты несчастна?» – вырвалось у меня.

Малика ничего не ответила, но ее поникшие плечи были красноречивее пленительных уст.

«Тумхат увез меня из Шахджаханпура, где я танцевала на городской площади и была совсем бедна, но свободна.

...Когда-то давно, так давно, что в те времена даже звезды на небе имели иной рисунок, жил правитель, который не хотел править... Но наследники его были так многочисленны и так часто ссорились, что назови он своим наследником одного из них, другие разорвали бы его в клочья... а заодно и несчастную страну. И он решил назначить своим преемником человека, который наверняка не был с ним в родстве – самого бедного и незнатного, которого только можно было отыскать. Он отослал тысячи гонцов во все концы страны и вскоре такой человек нашелся. Он был псарем, и единственными его друзьями и сотрапезниками были собаки, с которыми он ел с пола и спал в углу на соломе. Тряпье, которым он прикрывал свое тело, никогда не видело воды, а густые спутанные волосы – гребня. Правитель приказал отвести псаря в баню, подстричь ему волосы и ногти и одеть в чистую одежду, после этого псаря привели во дворец и вручили власть над богатой страной и ее народом. Человек этот очень обрадовался и без конца благодарил правителя, и в знак того, как высоко он ценит его милость, издал первый указ: старый правитель навсегда оставался его властелином и любое его повеление псарь обязался исполнить как свое собственное. На этом они расстались – прежний правитель отправился читать мудрые книги, а псарь остался править государством. Через несколько лет к дворцу подошел нищий бродяга, у которого ничего не было кроме двух толстых книг и куска черствого хлеба. Он

сказал, что хочет видеть повелителя. То время было временем благоденствия, и нищих не гнали от порога. Каково же было удивление бывшего пса, когда в нищем ученом он узнал своего благодетеля.

– Приказывай, – сказал он, преклонив колени, потому что догадался, что срок пришел.

– Но что я могу приказывать тебе? – удивился ученый. – Ты правишь хорошо и мудро, под твоей рукой моя страна процветает, и я с восторгом нахожу, что мне нечего поправить. Ты оказался здесь вполне на своем месте.

– Ах, великий, – отозвался правитель, – прикажи мне вернуться к моим собакам...».

Я смотрел на нее неотрывно, ожидая продолжения.

«Ты не понял? – грустно рассмеялась Малика, отворачиваясь от меня, – каждый должен быть на своем месте. Правитель во дворце, псарь на псарне. А вольной птице не место в клетке, даже если она золотая».

Так, разговаривая, мы незаметно спустились вниз и оказались у массивных дверей.

«Смотри, если хочешь, – равнодушно сказала Малика и повернула ключ в замке...»

Великие боги! Назови меня лжецом, если когда-нибудь я скажу, что уже видел такое! Но не зови меня лжецом сейчас... Все стены и потолок огромного подземья были выложены, как я подумал сначала, белым мрамором, но, приглядевшись, я заметил в нем зеленые прожилки. Это был редчайший белый нефрит...

Йонард, который давно уже не спал, с громадным интересом слушая Керрама, на этих словах внезапно зевнул и махнул рукой.

– А вот это ты, приятель, загнул.

– Да? А это ты видел? – Отчего-то шепотом спросил разбойник и, окинув таверну быстрым взглядом, выложил на стол лучистый золотой перстень с огромным дивным сапфиром такой густой синевы, что камень казался почти черным. Одно мгновение свет тусклой лампы играл его гранями, потом разбойник накрыл его ладонью.

– Мне продолжать? – спросил Керрам. – Или тебе, может, спать хочется?

– Спать хочется, – опять зевнул германец, – но ты продолжай...

– На золотых цепях, – как ни в чем не бывало заговорил Керрам, – с потолка свешивались зажженные лампы в виде чудовищных полуптиц-полульвов с красными, рубиновыми глазами. Я не знаю, в чем там дело... Может, это был ветер, хотя с того мгновения, как я ступил под сень Черной башни, я не ощущал даже легкого дуновения... но крылья чудовищных созданий шевелились, а головы с уродливыми клювами, казалось, поворачиваются вслед за нами, чтобы не упустить из виду меня и Малику. Вдоль стен стояли раскрытые сундуки, и на мгновение мне показалось, что я ослеп, так нестерпимо было сияние алмазов, сапфиров, рубинов и изумрудов... Я стоял неподвижный, боясь вымолвить слово, словно голос мой обладал разрушающей силой и мог прогнать дивный сон...

А Малика скучала.

«Ну, нагляделся, наконец? – спросила она, потеряв терпение, – достаточно здесь, чтобы купить твою храбрость?»

«Здесь достаточно, чтобы купить весь Иран», – потрясенно произнес я, но Малика лишь презрительно сощурилась.

«Этого оказалось недостаточно, чтобы купить меня!»

Не знаю, что подействовало на меня, ее презрительный взгляд или гордая усмешка, но я вдруг опомнился.

«Ты хочешь бежать от своего повелителя? Так бежим, пока замок пуст!»

И тут она расхохоталась. Она смеялась как девчонка, закидывая голову и стряхивая выступившие от смеха слезы.

«Бежим... – повторила она, все еще задыхаясь от смеха, – и сокровища прихватим. А замок пуст! Египтянин, значит, оставил меня одну в пустом замке с ключом от сокровищницы, а сам преспокойно отправился в Хорасан. Ты развеселил меня, путник, и за это я готова тебе простить даже то, что на эти холодные камни ты глядел дольше, чем на меня... К сожалению, милый, мне не уйти отсюда. И ты, если попытаешься набить карманы

здешними сокровищами, ты тоже останешься здесь, и со временем Тумхат наденет на тебя вторую кожу. Ты видишь, что башня пуста, но не верь своим глазам. У Тумхата есть и воины, и другие стражи. Просто когда они не нужны, он их не показывает. Я не знаю, откуда он их берет, может быть, вынимает из рукава, только каждый раз их появляется ровно столько, сколько нужно, чтобы встретить незваных гостей. А когда воинов нет, башню сторожат демоны.

«Какие демоны?» – опешил я.

«Такие, как я, – ответила красавица. – Мне следовало бы убить тебя, – продолжала она, – но я не хочу. Я отпущу тебя. Это разозлит Тумхата, но я привыкла к его гневу».

«Как мне спасти тебя?» – воскликнул я.

«Меня? – Малика улыбнулась, – а ты уверен, что тебе нужна я а не эти сокровища? Впрочем, если ты достаточно смел, ты можешь получить и то, и другое. Но чтобы спасти меня и завладеть сокровищами, нужно уничтожить мага. Другого выхода нет».

Высказав это, красавица смолкла и, как я не старался ее разговорить, не вымолвила больше ни слова. Только дала мне этот перстень и проводила к воротам Заката, которые из Черной башни выглядели как обычная дверь.

Керам закончил и залпом осушил полупустой кувшин. И замолчал, видимо, надолго.

* * *

Тонко зазвенела струна.

Йонард оглянулся. У стены на полу сидел бродяга в грязном халате. В мелодичный перебор вплелся голос, низкий, чуть хрипловатый, но приятный.

Где найдешь, усталый путник, ты приют последний свой?
Средь долин на жарком юге?
Среди гор земли родной?
Иль тебя в песках пустыни чьи-то руки погребут?
Или с волнами морскими ты уйдешь в последний путь?
Невозвратный! Ты потерян,
Навсегда лишен покоя.
Жизни срок тебе отмерен
Будет бой с самим собою...

– В одной мудрой книге, – проговорил Керам, – сказано, что песнь совы предвещает чью-то смерть. Если это так, то голос этого певца предвещает смерть совы...

Тот, услышав, не замедлил с ответом.

– Бывает так, – он необидчиво улыбнулся, – что отшвырнешь ногой, то потом поднимаешь зубами...

– Оставь его, – отмахнулся Йонард, – пусть себе поет. У мужчин есть занятия поинтереснее, чем слушать его тоскливые стоны...

Он опрокинул в себя очередную кружку с огненной влагой и Керам, чтоб не отстать, опорожнил свою. Сквозь туман хмеля варвар заметил, что к их столику подошел бородатый стражник и, тронув Керама за плечо, сказал:

– Ты и есть Керам?

– Да, это я, – нахально ответил тот. – Что тебе нужно? Говори быстрее, не видишь – я с другом.

– А мне начхать, в любом случае тебе придется пойти со мной.

– Вот это да! – воскликнул германец. – А если я его не отпущу?

Бородач посмотрел на незнакомца из-под густых нависших бровей. Затем он повернул голову в сторону и негромко свистнул.

– Эй, парни! Идите сюда!

Десятка два вооруженных людей ввалились в таверну и заполнили собой все свободное пространство.

Не уразумев, что происходит, Керам вперил в него любопытный взгляд.

– Ты что, шутишь?

– Какие там шутки, – бородатый стражник грубо схватил под руки Керама и оторвал его от стула, – когда тебя разыскивают в четырех государствах.

– А ты прыткий, – заметил Йонард с усмешкой.

Один из стражников подошел и к нему.

– Что с этим будем делать, Рэтк? – поинтересовался он у старшего.

– Берем с собой. Потом разберемся, кто он такой и что у них за дела с этим разбойником. Кстати, – тут он внимательно взглянул на Йонарда и нехорошо сощурился, – не тот ли это парень, который так нужен господину Ардаширу? По описанию больно похож: здоровый наглый варвар с большим мечом. Танат меня заberi, если это не он! Берем и этого.

– А получится? – спросил Йонард, поднимаясь с места.

Он оттолкнул чужака и достал «брудера» из простых ножен.

– Вот об этом мече говорил господин Ардашир? – Йонард взял меч обеими руками и крутанул над головой так, что стражников шатнуло в стороны. – Ты уверен, что не ошибся?

– Рэтк, – дернув за рукав бородача, позвал один из стражников, – похоже, это не тот варвар.

– Жалкий трус! – огрызнулся Рэтк, вклепив подзатыльник нерадивому подчиненному. – Тем хуже для вас обоих, – закончил он, обращаясь к варвару, и добыл короткий меч из складок своего халата.

Повинуясь его взгляду, иранцы стали обходить стол, за которым пировали Йонард с Керамом, стараясь взять их в кольцо. Подпустив стражников поближе, Керам взял глиняный кувшин и хладнокровно расколотил его о голову ближайшего. Тот пошатнулся и сел на залитый вином деревянный пол.

– Брать живьем! – завопил Рэтк, кидаясь на Керама.

Однако сказать это оказалось легче, чем сделать. Как, спрашивается, можно взять живьем двух крепких мускулистых приятелей, вооруженных до зубов и не дураков подраться. Ответ напрашивался сам собой: никак! И, похоже, это был правильный ответ.

В кабачке творилось что-то неопишное! Столы и скамьи разлетались, словно сметенные ураганом. Посреди зала топталось, выло, рычало и извергало проклятья многорукое и многоногое чудовище. Посетители жались по углам, пытались проскользнуть к выходу. Время от времени зал оглашал мощный рев – Хрофт! – и один из стражников, приподнятый могучими руками, летел через головы своих товарищей. Однако постовав и потеряв ушибленные места, он вновь поднимался и кидался в драку.

Меч Йонард давно бросил в ножны. Северное представление о благородстве и чести мешало ему обратить клинок против безоружных, поэтому он яростно работал кулаками, отбиваясь от наседавших стражников, и, кривя рот в ухмылке, сплевывал сквозь зубы крепкие иранские ругательства. Их было слишком много. В толчее Йонард потерял своего приятеля. Видно, его сумели-таки сокрушить и сейчас волокли по крутой лестнице вниз. «Встретимся у врат», – донеслось до Йонарда сквозь гневные крики, стоны и треск столов. Он рванулся было за Керамом, но понял, что помочь ему не сможет. Оставалось только надеяться, что ему самому удастся пробиться к выходу и исчезнуть в узких лабиринтах улиц Хорасана – города, который Йонард больше чем просто не любил.

Однажды он уже дал себе мысленное обещание обходить Хорасан десятой дорогой, и это было хорошее обещание. Жаль, что его не удалось сдержать.

Крепкий удар сзади по затылку на мгновение оглушил Йонарда. Он покачнувшись и краем глаза заметил, как прямо ему в лицо плывет громадный, туго сжатый кулак. Он двигался неестественно медленно, словно в патоке. Йонард подумал, что мог бы пять раз остановить его и оторвать напрочь, но послушное тело на этот раз отказалось повиноваться, да и мысли были какими-то ленивыми. Внезапно перед глазами возникла тонкая рука. Действуя так же

медленно, она перехватила руку стражника за запястье и, легонько сдавив, потянула вниз. Рядом с Йонардом кто-то упал на колени и яростно, но не слишком благочестиво помянул Ахура-Мазду. Перед глазами, все еще затянутыми мутью, появилось лицо – смуглое, с мелкими чертами и властным взглядом узких темных глаз. «Китаец?» – подумал Йонард в сонном удивлении.

В тот же миг лавина звуков обрушилась на него, туман в глазах растаял и Йонард успел присесть как раз вовремя, чтобы уберечь лоб от летящего на него большого медного блюда.

– Сюда!

Голос был незнакомым, но Йонард сообразил, что это и есть его неожиданный союзник. Гадать, откуда он взялся и что ему нужно от германца, было не время и не место. Йонард нагнулся, подхватил самый большой стол и опрокинул его на своих преследователей. Никого он, конечно, не придавил, стражники брызнули в стороны с проворством ящериц, но это все-таки задержало их на мгновение.

– Сюда! – вновь услышал Йонард.

Терять было нечего, и он решил довериться незнакомцу. В два прыжка он оказался у низенькой двери. Йонард с разбегу ударил по ней ногой, и они стремительно покинули негостеприимное заведение.

Крепкие ноги варвара несли его по темным улочкам Хорасана, к окраине. Оглядываясь, он удивлялся, что человек не отстает, часто перебирая маленькими ножками. Шум погони стих, затерялся где-то в переулках, и Йонард сбавил темп, дав время незнакомцу на то, чтобы поравняться с ним.

– Откуда ты взялся? – на ходу спросил варвар.

– Не время, – коротко ответил человек, прибавляя шаг.

Впереди показались огоньки. Два стражника с факелами совершали вечерний обход. Беглецы сбавили скорость, надеясь, что никому не придет в голову останавливать двух подвыпивших гуляк. Городские ворота были уже рядом. К счастью, их еще не успели закрыть на ночь.

* * *

Воздух был сухим и теплым, настоящим на запахах нагретой земли и увядающих трав, смешиваясь, эти запахи одновременно дурманили и будоражили. Солнце уже село и только подпаленные им, лежащие над городом ночные облака помогали угадать закат и определить направление на бескрайней высушенной равнине.

От погони их спрятал неглубокий овраг. Камни под ногами чуть разъезжались, скользя по влажной глине, наверное, где-то поблизости был выход на поверхность какого-то подземного ручейка, но найти его было бы достаточно трудно. Достаточно, чтобы не возникло желания ползать в темноте, натываясь друг на друга и рискуя, что тебя заметят.

– Пить хочется, – шумно вздохнул Йонард, – но придется терпеть до утра.

Не говоря ни слова, его странный спутник зашарил руками в темноте. Йонард с сомнением наблюдал за его манипуляциями, но после случая в трактире он проникся к маленькому китайцу определенным уважением. По крайней мере настолько, чтобы не мешать ему чудить, если уж пришла охота. Однако колдовство китайца привело к неожиданному результату: слабо охнув, он отвалил камень, и Йонард услышал тихое бульканье.

Запахло землей после дождя и мокрой травой. Вода была молочного цвета и точно светилась в темноте. Йонард надолго припал к родничку губами. Холодная до ломоты в зубах вода, точно била из камня, никогда не видевшего тепла и света. Напившись, Йонард отодвинулся, уступая место у родника, но спутник его качнул головой. Он сидел прямо, положив руки на скрещенные ноги и, казалось, не обращал на спутника никакого внимания. Йонард проверил крепость ремня, на котором крепились ножны и, удовлетворенный результатами проверки вытянул из ножен свой внушительный меч. Воин должен заботиться

сначала об оружии, потом о себе. Варвар сосредоточенно принялся очищать меч от крови.

– Скажи, неужели это было так необходимо?

Германец нехотя повернул голову и впервые внимательно рассмотрел своего случайного спутника. Он был уже далеко не молод, ростом едва ли по грудь Йонарду, а сложением больше всего напоминал хилого подростка. Но Йонард слишком хорошо помнил, как он разметал городских стражников, как дверь таверны разлетелась в щепки.

– Я воин, – Йонард пожал плечами. – В этом мире каждый убивает, чтобы жить.

Маленький человек покачал головой.

– Очень легко загасить божественный огонь, но в твоих ли силах возжечь его вновь?

Йонард взглянул на него в некотором раздражении.

– Если тебе так не по вкусу драки, зачем влез?

Спутник его легко улыбнулся.

– Я плохо вижу, прости, если ошибся, но мне показалось, что ты в беде и тебе нужна помощь.

– Да? – криво ухмыльнулся Йонард. – А мне показалось, что в беде эти винные бурдюки, которым шах по недомыслию привесил оружие.

Китаец ничего не ответил. Он молча смотрел на восходящую луну и яркие звезды, которые висели над головой так низко, что только не заглядывали в глаза.

– Существует старинное предание, – тихо проговорил он наконец, – что тот, кто не может побороть зверя в себе, когда-нибудь натянет звериную шкуру и она станет его кожей.

Спутник внимательно взглянул на него.

– А в какого зверя он превращается? – спросил германец, не сумев одолеть любопытство.

– Это зависит от того, каким он был человеком, – ответил тот. – Сильный становится медведем, хитрый – лисой, а трусливый оборачивается зайцем. Кто знает, из тех змей, которые шныряют поблизости, сколько настоящих, а сколько в недавнем прошлом ходило на двух ногах... Вернее ползало на брюхе и брызгало ядом исподтишка.

Йонард невольно рассмеялся и взглянул на своего спутника с одобрением.

– А какой зверь мог бы выйти, скажем, из меня?

Маленький человек окинул могучего варвара проницательным взглядом.

– Из тебя... – он помедлил, – мог бы выйти недурной лев. Или леопард.

Йонард хмыкнул.

– Если честно, я бы не прочь.

– Будь осторожен, – спокойно предостерег китаец, – твое желание может исполниться.

При этих словах, таких тихих и вроде бы не содержащих никакой угрозы, Йонард почувствовал знакомый холодок и тихо, с угрозой в голосе проговорил:

– Ты что, решил меня переделать?

Неожиданно спутник тихо рассмеялся.

– Вряд ли у меня получится. Но попробовать можно. При условии, что ты не против.

– Ну вот что, не знаю, как там тебя, – холодно отозвался варвар, – я тебе, конечно, благодарен и все такое, и если мне когда-нибудь захочется послушать душещипательную сказку, я скажу тебе об этом, а до тех пор...

– Договорились, Йонард, – неожиданно легко согласился тот. – А ты зови меня Дзигоро.

На этом разговор как-то сам по себе кончился. Йонард стал готовиться к ночлегу. Раскладывая по земле свой выдавший виды потертый плащ, он вспомнил, что вообще-то не называл новому знакомцу своего имени.

Китаец посидел еще некоторое время в расслабленной позе, затем медленно встал и, чуть пригibasя на крутом склоне, начал подниматься к верхнему краю оврага. И почти сразу ощутил, как громадная ладонь варвара с быстротой атакующей змеи выметнулась из темноты и крепко ухватила его за лодыжку.

– Запад еще светлее востока. Заметят.

– Я думал, ты спишь, – растерянно отозвался китаец.

– Правильно подумал, – хватка ослабла, и спустя всего мгновение тихий храп с присвистом огласил овраг.

Китаец спустился вниз, лег прямо на землю неподалеку от Йонарда, вытянулся во весь рост, не доставая германцу до плеча как стоя, так и лежа, и моментально безмятежно заснул, в считанные мгновения успокоив сердце и дыхание. Отдыхало лишь его тело – мозг бодрствовал. Глаза были закрыты, но слух и обоняние обострились чрезвычайно, поэтому он не мог точно сказать самому себе, что произошло раньше: почувствовал он запах дыма или услышал мягкий шорох подле себя, тут же прекратившийся, однако он успел нагнать Йонарда уже почти у самого верха. Конечно, спать варвар и не собирался...

Йонард осторожно всматривался в ночь, едва приподнимая голову над краем овражка. Когда рядом с ним опустился Дзигоро, он отметил его появление коротким взглядом.

– Полночь. Костер на юго-востоке за нами, – он еще раз оглядел в темноте своего щуплого помощника. – Нельзя терять времени. Может быть, они все сидят у костра, а может, и не все. Надо сбить их со следа. Придется разойтись.

Говоря это, варвар уже прикидывал в уме, сколько лиг он успеет пройти до рассвета. Он уже почти забыл о своем случайном товарище и невольно вздрогнул, почувствовав на своем плече легкое прикосновение его сухой ладони.

– Удачи тебе, воин. А на прощание скажу: есть сила более великая, чем мощь мускулов, даже твоих...

– Что это? – спросил Йонард.

– Узнаешь со временем, – с едва уловимым превосходством знания улыбнулся Дзигоро и тут же растаял во мраке. Будто и не было его, не сидел он рядом, не говорил загадочных слов, не дышал в ухо... Не улыбался тепло, но отстранено.

– Точно кошка, – поразился Йонард. – И, похоже, видит в темноте. Что он здесь ищет?

Но этот вопрос, оставшийся без ответа, недолго тревожил Йонарда. Он направился на юго-запад, к почти неразличимой, но все-таки осязаемой еще более темной, чем густая чернота ночи, громаде черного хребта. Шаг его был уверен и ровен. Так он мог идти всю ночь напролет и при этом устать не больше, чем хорасанский торговец, одолевший путь от своего дома до лавки на торговой площади. Тысячи глаз многоликого звездного неба молчаливо провожали Йонарда, чуть подрагивая то ли от ветра, то ли от напряжения и тревоги, словно желали предостеречь его от опасности.

Но человек не понимал их языка.

Глава третья

Над Черной башней догорали последние лучи заката. В этой обители тьмы ночь наступала необыкновенно быстро, будто спешила на свидание.

Возле этой башни Йонарду, варвару из Германии, делать было совершенно нечего. Возможно, прав был его случайный знакомый, маленький китаец Дзигоро, в варваре было очень многое от зверя. Сейчас какой-то безошибочный инстинкт, похожий на волчье «верхнее чутье» говорил ему, что нужно уносить ноги, пока еще полыхают за спиной таинственно-прекрасные врата Заката, и желательно лиг за двадцать. Но прощальный крик Керама «Встретимся у врат», да врожденное упрямство, да неистребимое любопытство тащили его вперед как на аркане. Это, и еще какое-то странное чувство. Йонард мог бы поклясться, что, подходя к вратам, он отчетливо видел темную фигуру, шагнувшую в розово-золотую дымку и пропавшую в ней. Если это был Керам, значит, грабитель караванов не дождался Йонарда. Должно быть, счел, что Йонард попал в руки Ардашира... или просто не поверил грабителю.

Он и не верил. До тех пор пока не увидел своими глазами полыхающие врата и зловеще-огромную Черную башню. Но теперь, увидев ее, он тем более не мог отступить.

Мягким, стелящимся шагом, почти сливаясь с темнотой, Йонард подкрался к самым

стенам, выщербленным ветрами, и затаился. На любезное приглашение загадочной красавицы он все-таки положиться поостерегся.

Жилище египетского колдуна (если он действительно там жил) было погружено во тьму. Йонард долго прислушивался, но его тонкий слух не уловил ни малейшего признака, что в башне кто-то бодрствует.

Однако это еще ни о чем не говорило. Возможно, вход в башню караулили невидимые спящие ифриты или еще какая-нибудь магическая пакость – с колдуна станется! Йонард пригнулся, сливаясь со стеной, и медленно двинулся вперед.

Почему-то Йонарда не отпускало чувство, что все, что он делает хорошо известно египтянину и все его предосторожности здорово веселят колдуна. Вспомнились рассказы, слышанные в Эраке, о магическом серебряном зеркале, которое показывает колдуну все, что тот пожелает видеть, хотя бы это было на краю света.

Йонард крался, не забывая оглядываться по сторонам и чутко прислушиваться. Все, что он видел и чувствовал вокруг, не нравилось ему, и чем дальше он продвигался – тем сильнее не нравилось. Чтобы подбодрить себя он подумал о подвале с сокровищами, хотя в глубине души считал его выдумкой Керама.

Деньги, Йонард знал это слишком хорошо, лишними не бывали. Правда, собственная голова германцу тоже совсем не казалась лишней, но голову он крепко надеялся сохранить. Голова ему еще должна была понадобиться. В случайной оговорке случайного приятеля Йонарду послышался отголосок той давней, неразгаданной и от того незабытой тайны. Дьявольская бутылка... Часом, не та ли самая?

Германец пожегся и отогнал непрощенные мысли. Думать надо было раньше. Сейчас следовало действовать. Через некоторое время Йонард заметил то, что вполне могло показаться любезным приглашением – маленькое окошко на высоте примерно в три человеческих роста. Оно, конечно, было забрано решеткой, но это его не смутило. Видал он такие решетки. И не такие видел. Он аккуратно разобрал скрученную на поясе тонкую, но очень крепкую веревку, продел конец ее в кольцо «железной лапы», огляделся, как следует раскрутил его и бросил. Тихий скрежет железа о камень в этой тишине показался ему оглушительным. Йонард замер, готовый при первом признаке опасности исчезнуть в ночи. Но все было тихо. Йонард несколько раз потянул веревку, потом повис на ней всей своей тяжестью – «железная лапа» вцепилась в решетку мертвой хваткой.

Замок не отпирался уже, наверное, лет сто. Он порядком заржавел, но все же поддался, хотя и не сразу. Управившись с ним, Йонард осторожно открыл окно и, с трудом протиснув свое большое тело в узкую бойницу, спрыгнул на каменный пол.

В комнате было светло.

В первое мгновение это насторожило Йонарда, он уже решил, что попался, и рука сама потянулась к мечу, но вокруг стояла густая, ничем не нарушаемая тишина, и Йонард медленно выдохнул, опуская руку. Зеленоватый свет, заливающий комнату, был неярким, но давал возможность отчетливо разглядеть даже малейшие детали. Комната оказалась небольшой, шагов пять в длину и столько же или чуть больше в ширину. В ней едва помещался узкий топчан, покрытый толстым ковром, маленькая трехлапая жаровня с остывшими углями и низкий столик с ворохом бумаг и свитков. Комната слуги, решил Йонард и повернулся к двери.

И обмер.

Он разглядел источник странного света, который так его озадачил. Прямо над дверью был прибит выбеленный временем лошадиный череп и глаза его, пустые, незрячие, холодно тлели колдовским зеленым пламенем.

– Танат тебя забери! – невольно вырвалось у Йонарда.

Когда германец отошел от первого изумления, он заметил, что в глазницы черепа вставлены два недурных изумруда очень редкой огранки, и именно они изливали из потухших глазниц этот мертвый свет. Когда Йонард сообразил, что череп не живой и видеть его не может, ему стало намного легче.

Убедившись, что в коридоре тихо, Йонард потянул ручку на себя, и она легко поддалась. Выковырнуть изумруды из лошадиного черепа ему и в голову не пришло.

А в коридоре было темно. Но это была не та темнота, к которой со временем привыкают глаза и она становится проницаемой. Этот мрак был густым как деготь и казался вязким. Йонард мотнул головой, прогоняя пустые мысли, и осторожно выскользнул в коридор. Однако не тут-то было. Египетский маг, если это была действительно его работа, оказался не таким уж ослом, как можно было предположить, увидев замки на оконных решетках. И если безопасность слуг заботила его не слишком, то свою собственную он сумел оградить. С первых же шагов Йонард почувствовал, что ему что-то мешает, и чем дальше он углублялся, тем сильнее становилось сопротивление. Германец был не на шутку озадачен. Его не держали, не связывали и тем не менее каждый шаг давался с великим трудом, словно ноги налились свинцом. Через минуту он почувствовал, что завяз окончательно и бесповоротно. Увяз в тягучей темноте, которая держала его не хуже капкана. Он попытался вытащить нож и вспороть невидимую преграду честной сталью, свободной от всяких магических штучек, но оказалось, что придумать это легче, чем осуществить. Рука застыла на полпути к ножнам. Конечность не слушалась, сопротивлялась всем позывам воли, да так основательно, что Йонард вспотел от бесплодных усилий. Он был пойман. Пленен. Рассвет застанет его здесь, связанного по рукам и ногам, как гусь на продажу, и он ничего не сможет сделать – беспомощный, как спеленатый младенец. Подходи и руби – он даже не сможет обнажить меч. Йонард зарычал и дернулся... Бесполезно. Колдовская паутина держала его крепче, чем железные цепи.

Сколько он так простоял – Йонард впоследствии так и не вспомнил. Ему казалось – прошли дни, да что там дни – века. Густая тьма давила на грудь свинцовой тяжестью, мешая не то что шевелиться – просто дышать. Йонард взмок от усилий, пытаясь дотянуться до ножа, но раз за разом терпел поражение. Наконец он затих и перестал бороться.

Он не сдался.

Он просто решил поберечь силы.

Рано или поздно это сонное царство проснется, египетский маг, или кто там еще, высунет свой нос хотя бы для того, чтобы посмотреть, что за птица попала в силки, и вот тут он себя покажет. Пусть только развеется эта черная тьма и освободится рука для меча, и он обрушит эту башню на голову проклятому волшебнику. Впредь не захочется заманивать людей в магические ловушки.

О том, что его сюда вроде как не приглашали, и во всем, что случилось, виновато только его неумное любопытство, Йонард постарался забыть.

* * *

Сначала во тьме возник призрачный зеленый свет. Он расходился косыми лучами низко, где-то на уровне коленей, и Йонард почувствовал боль в сведенных икрах. Потом в них будто впились тысячи иголок и, хотя это ощущение больше всего напоминало утонченную пытку, Йонард молча возликовал. Ноги оживали. Зеленый свет приближался, и мягкое живое тепло поползло от полностью «размороженных» ступней выше. Вскоре Йонард почувствовал, что может дышать и первым делом неловким, скованным движением потянул из ножен меч.

И вовремя!

Она выскочила из темноты прямо на германца – огромное гибкое тело, быстрое, как молния, и такое же смертоносное. Йонард едва успел увернуться и, почти не глядя, обрушить верный боевой меч ей на голову. Раздался ужасающий хруст, пронзительный рык, переходящий в жалобный стон, и она рухнула на пол у ног Йонарда, заскребла в агонии когтистыми лапами, забила хвостом, и вдруг вытянулась и затихла. Только сейчас Йонард разглядел, кого на него нанес Танат. Это была огромная черная пантера. Видимо, египтянин держал ее за домашнюю кошку, а мышками были некоторые не в меру любопытные гости

Черной башни. Но в этот раз киска просчиталась и вместо пугливой мышки налетела на боевого пса, и к тому же злющего, как... как собака.

Германец перевел дух и огляделся, не выпуская из рук меча, но в коридоре по-прежнему было тихо, словно Черная башня вымерла и погибшая пантера была ее единственным обитателем. На мгновение у Йонарда мелькнула мысль, что она – это и есть колдун, и он только что разделался с колдуном. Но он тотчас отверг эту мысль.

Зеленые глаза пантеры тускнели, и Йонард почувствовал, что жуткое, похожее на смерть оцепенение снова начинает охватывать его и скоро опять спеленает, как египетскую мумию. Одним огромным прыжком он преодолел расстояние от мертвого зверя до комнаты слуги, сорвал со стены лошадиный череп со светящимися глазами и выскочил в коридор.

На этот раз тьма пропустила его...

...Пройдя короткий коридор, Йонард оказался у широкой лестницы. Тусклый зеленый свет из пустых глазниц черепа в его руках едва разгонял мрак. Тишина успокаивала, но германец всем своим нутром чувствовал исходившую от нее опасность. Не решаясь ступить на первую ступень, он стоял, крепко сжимая в правой руке меч. Неожиданно он услышал в темноте нечто... Точнее Йонард сказать не мог. Нечто напоминающее удары железных подков по камню. Но это было не здесь. И даже не внизу. Йонард не знал, откуда эта уверенность, но был убежден, что звук, настороживший его, раздавался не «где-то», а «когда-то». Когда-то здесь провели лошадь, а эхо ее шагов осталось, завязнув в какой-нибудь магической ловушке вроде той живой темноты, которая едва не поймала его в коридоре.

Осторожно ступая по крутым ступеням, Йонард поднялся наверх, стараясь не производить ни малейшего шума. Причиной этого было не только и не столько нежелание будить мертвый покой Черной башни. Мысль, что эхо его шагов будет вечно блуждать по темным коридорам, не нравилась Йонарду. Он поднялся по лестнице, как большой дикий кот «на бархатных лапах», не потревожив тишину. Зеленый свет, льющийся из глаз черепа, осветил впереди небольшую площадку и чуть правее узкое окно, в которое заглядывала серебряная луна. Едва ощутимое сопротивление воздуха, которое он чувствовал в темном коридоре, исчезло, и Йонард подумал, что теперь может оставить свой странный и зловещий светильник. Но не оставил. Кто мог сказать наверняка, какие еще ловушки подготовил египтянин?

Йонард прошел в узкую дверь и остановился в двух шагах от входа. Он находился в круглом зале. Варвара окружали наполовину утопленные в стены резные колонны из черного мрамора, холодно сиявшие в лунном свете. Высокий потолок был похож на плоское блюдо, а по углам лежала густая темнота. Йонард пригляделся и различил смутные очертания высокого каменного изваяния. Преодолевая собственное нежелание, германец поднял череп на вытянутой руке и заставил его взглянуть на статую изумрудными глазами. Зеленый свет встретился с таким же жестким желтым и на мгновение вспыхнул так, что Йонард чуть не выронил светильник. Взгляд встретился с другим взглядом, и лишь спустя некоторое время Йонард понял, что мастерство древнего скульптора сыграло с ним злую шутку. Взгляд желтых глаз с неподвижными вертикальными зрачками не был живым. Или был? Йонард не стал бы ручаться, что это не так. Уж больно живо выглядел зловеще-красивый змей, глядевший на него из темноты своего святилища. Свет змейками струился по мозаике его грациозных колец, бледно-зелеными бликами ложился на аккуратные пирамидки из черепов, расположенных по обе стороны, и застывшим огнем мерцал в сверкающей короне. Это был Сетх, зловещее божество Египта, Разрушитель! И он был до дрожи настоящим.

Йонард хмыкнул. Собственно, этого стоило ожидать. Кому еще мог поклоняться Египетский колдун, не Христу же?

Он оглянулся назад. В узком окне все так же мирно сияла луна. Звезды казались близкими. Одна из них, видимо, самая любопытная, заглядывала в окно и тонкие нити, ее невесомые лучи, не мог рассеять даже свет полной луны. Йонард заметил, что отбрасывает длинную тень, и эта тень почти коснулась статуи Сетха. А глазницы черепа почти потухли.

В полумраке явно таилось что-то чуждое.

Глаза варвара, острые, как у хищной птицы, различили толстый слой пыли на полу и густую паутину в кольцах Змея. Видимо, сам египтянин (если он не был выдумкой Керама) заходил сюда не часто. Отчего? Неужели же сам боялся той силы, которой посвятил свою жизнь, и которая дала ему могущество? Боялся и не любил. Могло быть и так. Йонард догадывался, что к темным богам приходят иногда очень странными путями и не всегда по доброй воле. Но обратной дороги нет.

Внезапно Йонарду послышался слабый удаляющийся звук в направлении изваяния. Он резко обернулся, сжимая рукоять меча. Это уже не наваждение, не стук копыт, не заблудившееся эхо, это что-то иное. Йонард стоял, прислушиваясь и приглядываясь, и напряженно ждал всего, чего угодно. Он был уже совсем готов поверить, что египтянин сейчас появится в центре зала, или статуя Разрушителя оживет и, переливаясь мозаичным узором на чешуе, скользнет с постамента из черепов. Но время шло, а ничего не происходило. Шорох тоже не повторялся. Йонард решил, что мертвая тишина и разыгравшееся воображение поймали его в ловушку и теперь он слышит то, чего нет. Но вдруг огромная серая крыса выскочила из-за колонны и побежала прямо на него, волоча по полу длинный голый хвост. Йонард тихо присвистнул и отскочил, давая зверьку дорогу. Это была явно не та дичь, на которую он охотился.

Глупое происшествие разбило зловещие чары, и Йонард окончательно уверился, что башня, по крайней мере, в этой части, пуста. Будь здесь кто-нибудь живой, крыса не вела бы себя так спокойно. Конечно, в том случае если это была действительно просто крыса, а не что-нибудь другое. «Башню охраняют демоны», – вспомнил он. Пусть так. Он справится и с демонами.

Йонард решительно пересек зал, уже не заботясь о тишине. За изваянием Сетха он различил темный проем коридора. Разрушитель не шевельнулся, когда Йонард прошел мимо, едва не задев изваяние локтем, и дерзко заглянул в желтые глаза. Они были пусты и стеклянно блестя. Жизни в них не было никакой.

Темный проход в стене дохнул на него холодом и мраком. Германец отбросил череп с потухшими глазницами к груде таких же белых костей и под сухой треск раскатившейся пирамиды черепов шагнул вперед. Сзади послышался легкий вздох, и Йонард похолодел, потому что не ощутил под ногами пола. Только легкое покалывание в ступнях. Он дернулся было назад, но странная чуждая сила схватила его за ноги, подобно удаву, хватающему свою жертву, сдернула его с мозаичного пола и поволокла за собой. Это не было падением. Скорее это был ПУТЬ. Сложный, извилистый, с множеством поворотов, который пролегал в пустоте, где не было ни земли, ни неба. Йонард никак не мог определить, ЧТО схватило его. У этой силы не было даже подобия тела, невидимая, неслышимая, неосязаемая, она тащила его неизвестно куда, и не было никакой возможности ей помешать. Йонард попробовал дотянуться до нее мечом и ударить, но клинок разрубил пустоту.

Внезапно хватка ослабла, и Йонард понял, что уже не движется в безмирье и безвременье, влекомый таинственной силой, а просто летит вниз, сам по себе, и, похоже, с порядочной высоты.

Удар о камень оглушил германца. Пальцы разжались, и меч со звоном скатился по крутой лестнице вниз. И в тот же миг тьма беспмятства, более плотная, чем темнота Черной башни, поглотила его и погасила боль.

Глава четвертая

Йонард с трудом разлепил ресницы, слипшиеся от крови, и подумал, что после этого похода у него прибавится гораздо больше шрамов, чем после пограничных стычек с готами. Имело ли это какое-нибудь значение?

Варвар не знал, где находится и может ли двигаться дальше. Свет изменился, став из зеленого красноватым. Йонард попытался встать, но что-то держало его. «Что-то» было холодным и тяжелым. И весьма похожим на цепи. Йонард оказался прикован к стене. Меча

при нем не было. Копья – тоже.

В центре помещения возвышался черный закопченный треножник с огромной чашей-полусферой, такой же черной и закопченной. Вся видимая Йонарду поверхность чаши была испещрена какими-то знаками, которые словно бы проступали из-под толстых слоев сажи и окарины. В самой чаше плавилась красно-бурая масса, она время от времени покрывалась маслянистыми пузырями, которые затем взрывались, с мерзким бульканьем, извергая клубы зловонного пара. Очаг под треножником был выложен крупными белыми камнями, острые края которых говорили, что некогда они составляли единое целое, а теперь, раздробленные безжалостной и нечеловеческой силой, прижаты один к другому, но уже не властны соединиться вновь.

Треножник с чашей, покрытые грязью и копотью, теперь вызвали у Йонарда нездоровое любопытство – ведь огня в очаге не было. Вместо этого в центре круга, очерченного остроугольными каменными осколками, чернел провал, и по всему видно глубокий.

«Ну, это не Валгалла, уж точно!» – мелькнуло в голове германца.

Это предположение подтверждалось еще и тем, что откуда-то снизу долетали отблески чудовищно-громадного кострища, всполохи которого отражались на отполированных неведомым доселе жаром стенках тянущегося вниз узкого жерла-топки. То и дело над ним взметывались фонтанчики искр, беззвучно гаснувших на лету.

Над самым котлом-чашей на длинной с массивными звеньями цепи, конец которой уходил куда-то ввысь и терялся в густой черноте под сводами пещеры, куда не могли уже дотянуться всполохи подземного пламени, висел матовый, точно из белого хрусталя, шар. Внутри этого шара тоже происходила какая – то странная работа: что-то непонятное клубилось там, то сворачиваясь кольцами, то взвиваясь протуберанцами. Игра неизвестно чего в самом шаре, точно находилась в строгом согласии со зловещей игрой света и тьмы на стенах самой пещеры. Всполохи подземного пламени выхватывали из мрака то одну стену из грубо обработанного камня, то другую, то сразу обе облизывал узкий, как жало, язык багрового света. От этого все пространство казалось бездонным ущельем меж высоченных, скребущих небо скал, и думалось, что не к каменному своду крепится цепь шара, а к самому небесному своду.

Чуть в стороне от жертвенника, ближе к стене, виднелся стол, почти скрытый под грудой свитков, частью лежавших на нем аккуратными рядами, а в основном, валявшихся в беспорядке, как на самом столе, так и под ним. Зеленоватый свет, к которому Йонард начинал привыкать, здесь освещал только нишу в самом дальнем углу прибежища мага. Ниша была отгорожена от всего остального пространства решеткой с частыми прутьями, больше походившими на ветви драконова дерева.

Череп на этот раз освещал то, что могло бы привидеться только в кошмаре. Скорее всего – это кошмар и был, потому что наяву, Йонард знал это точно, его бы вывернуло наизнанку от мерзости, которую он увидел... А сейчас ничего, даже не тошнило.

В большой клетке сидело создание, которое могло бы быть крысой... Крыс здесь хватало... всяких... Попалась и такая. Мохнатое туловище покоилось на шести паучьих лапах, а длинная мордочка с умными черными глазками оканчивалась волосатым белым хоботком с тонкой иглой жала. Зато хвост был точно такой, как положено – голый и розовый. Йонард почувствовал, что его все-таки мутит, и отвернулся, но тут же пожалел об этом. Из клетки, стоявшей напротив, на него внимательно глядело чудовище, похожее на питона, но с головой милой маленькой обезьянки. Чудовище смотрело на него с печальным сочувствием, словно пыталось что-то сказать, и Йонард испытал настоящее потрясение, когда понял, что оба эти уродца – разумны.

По сторонам от Йонарда в самую каменную плоть стен были всажены толстенные кольца из витого железа, на этих уродливых выростах безвольно и безучастно висели обрывки цепей. Некоторые куски, отржавели, почти рассыпались в прах. Звенья валялись беспорядочной грудой тут же рядом. Их густым слоем покрывала вездесущая мохнатая пыль. Черный пол обители колдуна тоже местами скрывали серые пласты, нанесенные

временем.

Так сначала показалось Йонарду но, приглядевшись внимательно, он понял, что видит на полу искусное изображение свернутого кольцами гигантского змея, изготовившегося к броску. Его огромная голова упиралась в острые обломки камней вокруг черного устья жерла, и теперь они казались ядовитыми зубами мерзкой твари. Здесь стоял тошнотворно-сладкий запах тления, по всей видимости, исходил он от жуткого варева в котле. Йонард до сих пор не подозревал у себя такого буйного воображения, которое в мгновение ока нарисовало перед ним красочные картины вспарывания шейных жил многочисленных жертв, как кровь, еще теплая, темными ручьями стекает в чашу и магическое варево начинает мало-помалу густеть, иногда поблескивая опаловыми капельками жира. Но это, конечно, в том случае, если несчастных не морили голодом до того как отправить в котел.

Однако при этом Йонард даже не считал нужным задуматься о том, что он сам, возможно, и поможет заполнить до краев наполовину пустой сосуд египтянина. Когда ему это было не нужно, пустые тревоги не бередили душу и не трогали цепкого разума, который в это самое время был занят осознанием происходящего с одной единственной целью – найти выход. Правда, Йонард бился над этой загадкой пока без особого успеха, но твердо знал: если все время двигаться в одном направлении, рано или поздно обязательно попадешь туда, куда тебе нужно. Главное, не забыть, за чем шел. Следовательно, он обладал еще одним достоинством, хотя с первого взгляда было трудно в нем такое достоинство заподозрить – терпением. Конечно, его терпение можно было сравнить с терпением согнутого до отказа лука с подрагивающей от напряжения тетивой и безошибочно наведенной тяжелой стрелой.

Шевельнув ржавыми цепями, Йонард решил потерпеть... немного.

* * *

Не сразу, но все же германец понял, что за ним наблюдают. Из темноты выступил человек. Сначала Йонард не видел ничего, кроме блестящей лысины в завитках седых волос, потом разглядел прямой нос с широкими ноздрями, тонкие, сжатые в ниточку губы, узкую бородку и непонятного цвета глаза. Впрочем, в этом зеленом свете все было непонятным. Кроме одного – этот тип был кем угодно, только не египтянином. Йонард повидал на своем веку египтян, и среди них попадались всякие, но...

Лица их были обычно худы, смуглы, с огромными косо прорезанными черными глазами. И черепа египтян, были забавны, во всяком случае так считал германец – немного сжатые у висков. У этого же все было не так.

Маг (если это был он) внимательно разглядывал германца, словно тот был диковинным зверем. Йонард решил молчать. Не потому, что начинать разговор первым – много чести, просто он по опыту знал, что тот, кто задает вопросы, выдает себя скорее и легче, чем тот, кто отвечает. Отвечая ведь можно и солгать, а спрашивая – как солжешь? Маг все-таки не выдержал и негромко произнес:

– Ты кто?

Против ожидания голос у него оказался почти приятный.

Йонард и на этот раз решил отмолчаться и еще немного подождать.

– Откуда ты взялся? – с недоумением повторил маг и добавил нечто совсем уже странное: – Я ждал другого.

Несмотря на боль, Йонард криво ухмыльнулся:

– Не повезло тебе, приятель. Я тут твоих домашних животных малость подраспугал.

– Ты зря это сделал, – произнес лысый поклонник Сетха, рассматривая рельефные мускулы и развернутые плечи германца. – Если бы ты не был так ловок, возможно, я бы тебя отпустил... – Маг выдержал паузу и буднично добавил: – На западный берег.

– По-твоему, я должен расстраиваться, что ты этого не сделал? – спросил германец, прекрасно понявший мага – западный берег в землях египетских считался пристанищем мертвых.

Маг усмехнулся и мотнул лысой головой в сторону помеси питона с обезьяной.

– Этот тоже сначала радовался. Потом сообразил что к чему и тут же попытался собственным хвостом удавиться, да Кошиф устерег, – и голова мага мотнулась в другую сторону.

Жутковатый крысеныш вздрогнул и заморгал.

Неожиданно маска спокойной отрешенности слетела с лица мага, он побагровел и, вцепившись в прутья клетки маленькими ручками, заорал, брызгая слюной:

– Что, грабитель караванов, может, тебя на волю отпустить? И ключ от сокровищницы дать?

Несмотря на душную жару, мороз пробрал Йонарда до костей. Этого не могло быть. Ведь он же собственными глазами видел входящую в закат фигуру. Сколько же времени он проблуждал по коридорам Черной башни и провалился в беспамятстве? Почти против воли он повернулся к несуразному гибриду в клетке и хрипло спросил:

– Керам?

Обезьянья морда поморщилась и стала похожа на личико забавного старичка.

И вот тут Йонард, варвар из Германии, первый раз в жизни по-настоящему испугался. Потому что понял – маг, хозяин Черной башни попросту сумасшедший. Йонард не боялся ни сумасшедших, ни колдунов по отдельности, но вместе это было сочетание настолько немислимое, что германец почувствовал, как волосы на голове зашевелились.

Разум вернулся к магу также внезапно.

– Значит, эта тварь – твой приятель? – деловито осведомился он. – Пришлось мне с ним повозиться. Никак в змеиную шкуру влезать не хотел. Отбивался, за руку укусил. Пришлось сверху обезьяний череп нахлобучить, вот и вышла такая странная зверушка. Можно на базаре за деньги показывать. Только кормить трудно. Обезьянки-то больше фруктами да насекомыми питаются, у них и зубы к этому приспособлены, а питону раз в месяц кролик нужен обязательно. Но ты не горюй, парень. Теперь я умнее буду. Иногда у меня даже и очень неплохо выходит. Пантеру видел? Ах да! – маг хлопнул себя по лысине. – Бедная Малика. Как танцевала! А как ножи кидала! Твой приятель, кстати, обманул тебя, дурака. Никаких сокровищ здесь нет. И быть не может. Было одно, да из него ты своей железкой два сокровища сделал. Ведь он же за Маликой сюда вернулся!

Обезьяно-питон в клетке словно обезумел. Тонкий визг и грохот громадного хвоста по прутьям клетки заглушили слова мага. Да, правду сказать, Йонард вовсе не старался его дослушать. То, что он услышал, потрясло германца. Он убил женщину, возлюбленную своего приятеля. По незнанию, для защиты, но убил, и теперь этого уже не поправишь. Видя, как беснуется в заточении Керам, Йонард думал, что отдал бы многое, чтобы вернуть время назад и ударить Малику плашмя... или вовсе обойти тот коридор стороной.

«Так легко погасить божественное пламя, но сможешь ли ты зажечь его вновь?»

Йонард опустил голову и низко, страшно зарычал и изо всех сил рванул цепи. Штыри, вбитые в стену, не шелохнулись. Колдун не замечал его. Встав на четвереньки, он рылся в каких-то свитках, выставив на обозрение свой тощий зад, обтянутый шароварами.

Йонард смотрел на него и чувствовал, как раскаяние покидает его, и он вновь наливается злобой. И это было неплохо, а главное, вовремя, потому что злость, как и боль, отбивает страх. А Йонарду было страшно. Наконец маг вылез на свет с большим, мерзко пахнущим свертком.

– Осталась только эта, – произнес он огорченным тоном. Но Йонард мог бы поклясться, что его огорчение – чистой воды притворство. Старикан был чем-то страшно доволен, и даже не дал себе труда скрыть это как следует.

– Хотел я сделать из тебя вторую Малику, – при мысли, что из него могут сделать женщину, Йонард впал в столбняк. Но оказалось, что маг имел в виду не это. – Была у меня где-то шкура пантеры, но что-то я никак не могу ее найти. Придется обойтись тем, что есть.

С некоторых пор довольные маги внушали Йонарду мрачные подозрения...

– А это... чья? – спросил он, проклиная себя за неспособность сдержаться.

– Это очень редкий зверь, – объяснил маг, изо всех сил налегая на мехи, раздувающие угли. От жаровни потянуло теплом. – Это бело-голубой хряк.

– Что?! – опешил Йонард. – Ты, отрыжка Таната, собираешься превратить меня в...

– В свинью, – невозмутимо закончил маг.

Внезапно до Йонарда дошло, что старик над ним просто потешается. Все эти сказки о женщине-пантере и о питоне-грабителе караванов – просто пыль в глаза. А он ему поверил, трясся, как щенок и, наверно, здорово развеселил лысого поклонника Сетха. Но больше такой радости он магу не доставит! Йонард выпрямился и сплюнул. С жаровни валил густой синеватый дым с тошнотворным запахом плохо выделанной шкуры. Маг бормотал что-то себе под нос, видимо, заклинание. Йонард огляделся в поисках подходящего оружия. Пожалуй, он загостился в Черной башне. Нельзя забывать о правилах хорошего тона. Пора вежливо попрощаться с хозяином и уходить. А по пути неплохо бы все-таки заглянуть в сокровищницу... А если там еще какая-нибудь пантера, то тем хуже для нее.

Йонард напряг свои могучие мускулы, шея затрещала, но на мгновение ему показалось, что толстый штырь шевельнулся в стене. Он удвоил усилия. В ушах шумело, пот заливал глаза, но германец не замечал ничего. Кроме этой маленькой железки, которая медленно, но верно уступала его звериной силе. Он остановился, чтобы несколько раз глубоко вздохнуть, и заметил, что маг больше не стоит в позе ишака, пьющего воду, а внимательно смотрит на него и молчит. Тем хуже.

– Слова забыл? – ехидно спросил германец.

Маг не ответил, продолжая смотреть в ту же точку. Йонард проследил за его взглядом и невольно вздрогнул. Штырь, наполовину вытянутый из стены, снова обрастал камнем прямо на изумленных глазах варвара. Заметив, что египтянин наблюдает за ним, Йонард выпрямился во весь свой огромный рост, сложил руки на груди и спросил, презрительно щурясь:

– Ты произвел дым и страшную вонь. Что дальше, отрыжка Таната?

– Увидишь, – загадочно обронил маг и тихо забубнил себе под нос, склоняясь над жаровней.

Йонард помимо воли прислушался, но слов не разобрал, уловив лишь четкий ритм речи.

Черный дым клубился под потолком, постепенно меняя окраску на серо-голубую и обретая некое подобие формы. Йонард вглядывался в висящее над головой облако и различал в его очертаниях низкий лоб. Взгляд скользнул вниз. Лоб плавно спускался вниз и заканчивался рылом. В воздухе маячили толстые ляжки и острые копытца. Маг поднялся с колен, из складок своей хламиды извлек длинный кривой нож и сделал резкое движение, словно взрезал свинье брюхо. Йонард невольно пригнулся, ожидая, что сейчас на него посыплются вонючие внутренности, но вместо этого шкура свиньи распласталась в воздухе и плавно двинулась к нему. На него! Йонард дернулся и глухо зарычал. Первобытная, звериная ярость проснулась в нем. Дым пеленал его, пригибая к земле, но германец упорно поднимался, сбрасывая с себя вязкую массу, рвал ее пальцами, зубами. Вся его воля, вся жажда жизни, все врожденное упрямство сплелись в единый порыв «Не сдаваться!», и варвар с яростным рычанием раз за разом отбрасывал напозавшую тьму, поднимаясь на задние лапы...

На что? Йонард внезапно обмер. С ним определенно что-то произошло. Глаза заволокло мутью и то, что он еще совсем недавно различал отчетливо, превратилось в скрытые туманом силуэты. Зеленоватый свет, так раздражавший его, пропал. Вместо него в комнате колыхалась серебристая дымка. Зато слух обострился чрезвычайно, Йонард мог бы поклясться, что слышит далеко внизу размеренные шаги стражников, копошащихся летучих мышей на чердаке, он слышал в отдалении щемяще-печальный волчий вой, и сердце откликнулось на эту древнюю как мир песню.

Что с ним? Что?

Взгляд его упал на египтянина, и Йонард возликовал. Маг, побледнев, отступал в угол,

вытирая вспотевший лоб рукавом хламиды, и в маленьких глазках его плескались ужас и изумление. Цепи упали, и освобожденный Йонард ринулся вперед, даже не вспомнив о мече. В одном великолепном прыжке он достал своего врага, ударил его плечом в грудь, повалил и с наслаждением рванул зубами тощее горло. Соленый вкус крови показался ему отвратительным. Йонард опомнился и закружил по комнате в поисках своего меча. Что-то мешало ему, сковывало движения, и Йонард рванул зубами это что-то, даже не пытаясь сообразить, чем его связали. Поддалось оно на удивление легко и Йонард, извиваясь, освободился от остатков... собственной одежды.

С нарастающим ужасом он понял, что двигается как-то странно. Не то чтобы это причиняло какие-нибудь неудобства, отнюдь. В его теле была сила и ловкость, движения были полны грации и какой-то дикой красоты, и все же что-то было не так.

ОН ДВИГАЛСЯ НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ!!!

Попытка встать на ноги ни к чему не привела. Некоторое время он балансировал, как жонглер на канате, пытаясь удержать тяжесть своего тела, но не выдержал и с облегчением упал на передние... лапы! Он увидел их, и зарычал. Сам еще не до конца осознав, что он, Йонард СТАЛ ЗВЕРЕМ!!! Псом!

Мозг воззвал к Верховному Богу, но слова застряли в глотке, и наружу вырвался злобный рык.

В германце, вдруг пробудился и властно заговорил инстинкт. Тот, о котором Йонард-человек не имел ни малейшего понятия, но который был отлично знаком Йонарду-зверю. И этот инстинкт властно скомандовал: «Вперед!».

Йонард взлетел, как стрела, выпущенная из тугого лука, ударил в дверь могучими передними лапами и снес ее напроцъ. В нос ударили острые запахи. Большинство из них было знакомо, но один, новый, показался особенно отвратительным. Звериная половина Йонарда без тени сомнения знала, что так пахнет человеческий страх. Здесь были люди! Стражники! Рассказ Керама оказался правдой – они появились ниоткуда, словно египтянин вытащил их из рукава перед тем, как умереть. Йонард бросился по коридору вперед.

Ненавистный запах подстегивал. Он был совершенно ясен, как какому-нибудь мудрецу совершенно ясна любая строка в десять раз прочитанном свитке.

Зверь увидел стражника у самой лестницы. Это он стоял тут со своей глупой железкой и боялся на всю башню. Чего? Зверя или вызвавшего его хозяина? Йонард опрокинул стражника без труда. Перепрыгнув через поверженного человека, он преодолел лестницу, промчался по длинному коридору, не обращая внимания на открытые двери, подозрительные шумы и мерзкие запахи, и вышиб еще одну дверь. Пахло немытым полом, звериными шкурами и кислым вином. Зверь вернулся и принялся. Потянуло свежим воздухом. Это был запах свободы.

Во дворе зверя ждала засада. Он знал это так же точно, словно видел каждого человека сквозь толщу каменных стен. Запах страха, запах ненависти, запах железа – полудикий варвар различал их и раньше, но и вполтину не так остро. Он знал, кто и где его ждет. Он знал, как избежать ловушки. Он знал, что все они умрут еще до рассвета, возможно, пролив и его кровь. Он не собирался убегать. Даже в звериной шкуре Йонард остался воином!

Впереди показался просвет. Человек вырос будто из ниоткуда, массивным телом закрывая выход. Времени на раздумья у пса не было – позади слышался тяжелый бег охраны. Йонард, впервые пробуя на прочность свое новое тело, оттолкнулся и одним прыжком покрыл разделяющее их пространство. Передние лапы уперлись стражнику в грудь, и, как тот ни был силен, не устояв, упал. В воздухе пропела стрела, неся на острие вечную спутницу воинов – смерть. Йонард отскочил к стене и бросился вперед. Бледный лик луны освещал тусклым светом внутренний, мощный булыжником двор. Повсюду были люди. Они размахивали мечами и факелами. Рослый воин взмахнул топором, но тут же взвыл от боли, падая навзничь. Йонард уже понял, как пользоваться новым телом и в считанные мгновения оказался на другом конце двора. Взвыли луки. Зверь припал к земле, и несколько стрел, едва не задев его, пролетели мимо. Вскочив, он услышал совсем рядом вздох и шум

падающего тела. В темноте стрела угодила в кого-то из своих. Перепрыгнув через труп с торчащим из груди оперением, пес метнулся к стене одного из строений, но наткнулся на копьё. Слепой случай спас ему жизнь. Воин в суматохе схватил копьё не той стороной, и Йонард не замедлил воспользоваться этой промашкой. Человек упал с перекушенной глоткой.

Узенькая лестница вела на крепостной ярус. Зверь, не задумываясь, в два прыжка очутился наверху. Но и тут к нему уже спешили. Оставался единственный свободный путь – налево по деревянному помосту. Йонард влетел в проем сторожевой башни. Вокруг было темно, но зоркий глаз зверя различил во мраке ступеньки, что вели куда-то вниз. Метательное копьё звонко ударило о камни башни, и Йонард метнулся на лестницу. Перемахивая через шесть ступенек, пес мчался без оглядки. Он свернул, и яркий свет на миг ослепил его. Два стражника преградили ему путь. Отблески пламени зловеще играли на холодных лезвиях мечей. Зверь, скалясь и рыча, стал отступать перед извечным врагом всех диких созданий – огнем. Люди, вытянув факелы перед собой, теснили его колющими ударами. Ему не оставили выбора. Там, наверху, могут опомниться и кинуться за ним, окружая со всех сторон. А это означало лишь одно... смерть, в лучшем случае – плен. Ни то, ни другое его не устраивало. Присев на задние лапы, он оттолкнулся. Жгучие языки пламени обожгли гладкую шкуру пса, но только больше разъярили его. Он очутился на плечах одного из воинов, опрокинул его и перемахнул через стену.

Падая, зверь едва не повредил лапы. Земля оказалась немного дальше, чем он предполагал. Это была еще не свобода, всего лишь второй, узкий и маленький дворик, глухой, если не считать темной щели между строениями. Куда она могла вести? Был только один способ узнать. Зверь нырнул туда и вылетел прямо на свет факелов.

«Закружили!» – взорвалось в мозгу и острой болью отозвалось в теле. На зверя надвигалась темная гора. Великолепные мышцы сами, без участия сознания, собрали тело и бросили вперед и вверх с силой камня, выпущенного из пращи. В уши ударил истошный, животный крик, зверь почувствовал кровь и человеческий страх, спину обожгла резкая боль. Мелькнуло в темноте белое лицо человека с перекошенным ртом и упало куда-то во тьму. Что-то большое, живое и обезумевшее от страха взвилось под ним, раздался треск, вопль, запахло паленой шерстью. Лапы зверя разъехались в разные стороны, он почувствовал рывок и скатился на землю едва не под копыта ошалевшей лошади. Крики людей и жестокий огонь остались позади. Взбесившаяся кобыла вынесла его за ворота. На зверя обрушилась тьма – прохладная, свежая, с ветром и звездами – и он нырнул в нее, ища спасения.

Опомнившиеся люди принялись метать стрелы. Темный силуэт беснующейся лошади привлекал их внимание, и они, не заметив, что зверя на ней уже нет, добились ее несколькими неудачными залпами. Она печально заржала и, устало храпя, сбавила шаг, опускаясь на передние ноги. А Йонард бросился наутек в другую сторону, оставив бедное животное наедине со смертью. Отбежав, как ему казалось, достаточно далеко, он последний раз бросил через плечо прощальный взгляд назад, злобно оскалился, отвернулся и побежал прочь, поклявшись в душе обязательно вернуться.

* * *

Каменистая гряда черной громадой виднелась впереди. Туда-то и устремился Йонард. Он бежал, а ветер больно холодил раны. Жутко заныло все тело, но отменная выносливость помогала ему не раз, и, быть может, сейчас тоже... Он остановился у первого валуна. Устало опустил на задние лапы, восстанавливая сбившееся дыхание. Черная Башня осталась позади призраком страшных легенд, которыми матери пугают непослушных детей. Вдалеке послышался негромкий стук копыт. Йонард оглянулся. Ночь расцвела огнями факелов. Всадники быстро приближались. «Погоня!» – догадался Йонард. Разглядят ли его в ночи? Йонард не стал рисковать. Любопытство могло обойтись слишком дорого. Он просто бросился изо всех оставшихся сил подальше от огней и от людей, надеясь скорее на чудо,

чем на свое израненное тело.

Сухой черный щебень, едва остыв за ночь, снова наливался неистовым огнем, как и восходящее светило. Тысячи острых, словно кинжальные лезвия, осколков камней вспарывали кожу. За псом тянулся кровавый след. Спускаясь все ниже, стремясь уйти как можно дальше от того страшного места, зверь инстинктивно жался в тень расщелин, но с каждым его полусагом, полупрыжком они становились все короче. Йонард-зверь хотел затаиться, залечь, не в силах больше выносить эту накатывающую мощными волнами боль. Йонард-человек знал, что в горах его найдут. Он должен выйти на равнину под Солнце и за день найти укрытие понадежнее. Мышцы спины онемели, ног он почти не чувствовал. С отчаяньем обреченного он гнал прочь мысль о том, что произойдет, когда поистине нечеловеческое напряжение, двигавшее им, оставит его истерзанное тело. Вперед! Среди выжженных небесным огнем земель нет укрытия, как для него, так и для его преследователей. Они не смогут напасть из-за угла. Он увидит их приближение и дорого продаст свою жизнь. «Если она сама, по доброй воле не покинет меня...» – метнулось в воспаленном мозгу.

– Нет! Не отпущу! – оскалился в звериной усмешке Йонард. Он уходил, уходил от погони, уходил от Черной башни, от темного животного ужаса. Мутный раскаленный песок скрипел под тяжестью мощного тела. Желто-красные откосы остались позади. Перед ним до самого края земли раскинулось песчаное море, раскаленное добела, дышащее тысячами тысяч солнц в каждой песчинке. Чуткие ноздри опалил зной, серая пыль покрыла пепельным саваном серебристое тело зверя. Вперед! Он должен уйти от погони, затаиться, замереть. Песок нестерпимо режет глаза. Уже нет сил повернуть голову, чтобы увидеть хоть что-нибудь в колышущемся вокруг пса раскаленном мареве.

Еще усилие! Еще один шаг... или нет, он уже только ползет, беспомощно волоча за собой задние лапы. Но боли еще нет. То ли она не успевает за ним, то ли сама боится войти в это страшное тело. Силы оставляли зверя медленно, но верно. От жары мутилось сознание. Йонард презрел свое человеческое достоинство и вывалил наружу длинный красный язык, облегчая грудь частым дыханием. Хуже всего было то, что его обостренный нюх нигде не различал запаха мокрых ив, который говорил бы о воде – ручейке, озере... Колодец сейчас не годился. Йонард чуть не сошел с ума, думая о том, что будь он по-прежнему человеком, все решилось бы гораздо проще. Йонард знал, что рано или поздно боль настигнет его, так же, как знал, что куда бы он не ушел от Черной башни – ему не уйти от себя. Так же как Кераму и тем, другим. Значит, он вернется. Если выживет. Если он не расплавится между двумя огнями сверху и снизу. И еще один огонь горел в нем самом. Жажда мести. Она была так сильна, что по сравнению с ней меркли два других огня. Оскалив чудовищные клыки в угрозе самой смерти, Йонард полз, рывком отрывая грудь от земли и отталкиваясь подрагивающими от напряжения передними лапами. За ним тянулась глубокая борозда, тут же затягиваясь ручейками песка, словно он полз не по пустыне, а плыл по сухой воде.

Чувство жажды сводило с ума. В пасти пересохло. Распухший язык висел меж зубов, на которых хрустел все тот же вездесущий песок.

Мертвые песчаные волны и мертвые песчаные ветры вздыхали вокруг еще живого, но умирающего зверя. Он полз туда, где темными силуэтами темнели несколько камней, полз в смутной надежде найти воду. И знал, что не доползет. Не потому, что его оставят силы. Ему просто не дадут это сделать.

Он чуял поблизости запах свалывшейся шерсти и падали – запах гиен. Он слышал шум крыльев над головой. Зверь из последних сил подтянул непослушное тело, ставшее обузой, и ткнулся мордой в передние лапы.

Шум крыльев возник снова. Йонард поднял голову. На стоящий торчком, одинокий камень в некотором отдалении от него, но все же не слишком далеко, опустился стервятник. Потом еще один. Зверь ощерился, и это до странности напомнило кривую ухмылку прежнего Йонарда. Пусть нападают! Как он ни слаб, он встретит их зубами. Да, зубами. А был бы он человеком, одного движения его руки хватило, чтобы они убрались отсюда подальше. Тут

Йонард злобно ощерился, вспомнив, что его меч и копье остались в Черной башне. Боевая добыча сумасшедшего чародея.

Как поступит с ними этот злобный прислужник Сетха? С боевыми спутниками и единственными верными друзьями варвара. Копье – было последним, что связывало его даже не с домом, давно и благополучно забытым, а с той, которая целую жизнь назад вынесла наконецник в платке ему, мерзнувшему, как щенок под оградой жилища, в один миг превратившегося из дома во вражескую крепость. Германец знал, что никогда бы не продал это копье, не обменял бы ни на какие сокровища мира. А меч Йонард звал «брудером», и полагался на него как на самого себя. Рукоять меча, точно сцепленная в крепком пожатии рука брата, не выскальзывала из широкой ладони Йонарда даже при самом тяжком ударе врага. Выкованный из железа, он был продолжением железной воли Йонарда, видимым воплощением его стальных мышц.

Йонард никогда не носил щита, а теперь его тело покрывал панцирем слой запекшейся крови, намертво въевшейся в кожу вместе с песком. От любого, даже малейшего движения, панцирь этот немилосердно рвал шерсть и кровоточил. Йонард слабел. Это новое приключение, в которое он ринулся, как всегда, не раздумывая, грозило оказаться последним. Но расчетливый мозг варвара искал выход. Искал и... не находил. Йонард – сын природы, первобытный, первозданный, рожденный землей и водой... Серо-зеленый огонь в его глазах подернулся белесой дымкой, будто выгоревшее небо над ним. Такое же белое и выжженное, как песок...

Хр-рм, хр-рм, еще два рывка вперед, хр-рм, хр-рм, еще два. Хр-р-рм, один. Передышка. Если обожженное горло еще может глотнуть, почти заталкивая горячий воздух в разрывающуюся на части грудь. И снова рывок. Пока есть силы. Пока не ослабела воля. Пока горит огонь внутри. Огонь мести. Огонь смерти и жизни. Хр-рм, Хр-р-офт! Хр-р-рм, Хр-о-офт. Хр-р-о-ффт! Посмотри, что сделали с сыном твоим! Воины-наемники, псы войны, не люди, а звери! И вот он, лучший из лучших, сильный, ловкий, самый удачливый... действительно как побитая собака, ползет по песку, спасая свою шкуру. Хрофт! Собаке – собачья смерть! Растрескавшиеся до крови черные губы вздернулись кверху в презрительной звериной усмешке Йонарда-человека. Еще одна передышка. И тут Йонард ощутил страшную боль в спине. Его могучие мышцы наконец изменили своему хозяину и выпустили из тисков разбитый, наверняка огромным камнем, хребет. Дикая, раздирающе-жгучая боль пронзила тело подобно молнии. И остановилась в нем, готовая, однако, при малейшем движении пригвоздить его к месту, не хуже тяжелого копья. На мгновение Йонард ослеп, затем, вместе с постепенно возвращающимся зрением, пришло отчаяние, затопив его волной безразличия к своей дальнейшей судьбе. Йонард-человек упал, прикинув головой к раскаленному песку. Йонард-зверь сделал новый рывок, боль, прорезавшая его, притупила сам страх боли. У него еще есть силы, а потом... А потом – не так-то просто убить Йонарда-варвара, и зверя, и человека. Силы оставляли его медленно, но неотвратимо...

Птицы смотрели на него с мудрым терпением, и Йонард понял, что они не станут нападать. Во всяком случае, пока он жив. Они подождут. Птицы не хотели причинять ему зло, они были просто голодны. И не желание досадить или испугать привело их сюда. Они просто стерегли добычу, чтоб никто из вечно голодных собратьев не отнял этот, может быть, первый за несколько дней кусок. Птицы были очень голодны, и то, как они основательно устраивались на камне, без слов сказало Йонарду, что стервятники дождутся своего.

Запах свалывшейся шерсти стал ближе. Йонард услышал осторожные, крадущиеся шаги. Он рыкнул, поднимаясь, и ощерил пасть. Стервятники дружно, но как-то лениво взмахнули крыльями и не двинулись с места. Каждый должен бороться за жизнь, пока может. Их это не злило и не возмущало. Птицы знали, что их добыча никуда не денется.

Из-за камней показались буро-желтые, полосатые морды. Круглые глаза горели алчностью. «Гиены! Легки на помине», – подумал Йонард-человек. «Эти ждать не будут», – понял Йонард-зверь.

Он подтянул непослушные лапы и приподнял верхнюю губу. Из горла вырвался

короткий глухой рык. Но гиены не спешили убратся. Они знали, что этот странный зверь почти мертв.

Глава пятая.

Сощутив дальнорские глаза, Дзигоро с изумлением разглядывал странного пса. То, что это был пес – не было никаких сомнений. Но подобных собак Дзигоро никогда не видел. Он вообще сомневался, что такие бывают, что это не морок, навеянный жарой. Он не хотел останавливаться здесь – неподалеку стоя гиен, кружащая около падали, и пара стервятников, наблюдавших за ними с невозмутимым спокойствием философов. Видимо, стервятники уверены, что их не обойдут на этом пиру. Дзигоро ни в коем случае не собирался вмешиваться в то, что считал естественным и само собой разумеющимся. Трава растет для того, чтобы ею питались антилопы. Антилопы нагуливают жир, чтобы обеспечить пищей стаю волков. Волки отсекают слабых и больных, чтобы не пресекался род антилоп и чтобы снова зазеленела трава под солнцем. Один кормит другого. Жизнь – смерть. Вдох – выдох. Гибель – возрождение. Природа мудра, и тот, кто дерзнет вмешаться в колебания этого естественного маятника, изменяя его режим по собственному разумению, кто угодно, только не мудрец.

Но, присмотревшись, Дзигоро понял, что странная добыча гиен и стервятников еще шевелится. Возможно, это было агонией. В любом случае, это стоило увидеть. Все, что происходит в мире, может чему-нибудь научить, если человек достаточно терпелив и смиренен, дабы учиться. Дзигоро подошел ближе.

Добычей стаи оказался пес.

С первого мгновения он поразил Дзигоро. Начать с того, что он был огромен. Китаец не отличался ростом и могучей статью и, прикинув, что получится, если этот пес встанет на задние лапы, даже слегка присел. Зверь был воистину невероятен. Шерсть, сейчас темная от грязи и крови, местами отливала дивным серо-голубым перламутром. Огромные лапы, напоминающие львиные, едва заметно вздрагивали. Крупная голова, морда со свисающими брылями, яростно ощерившаяся пасть, открывающая устрашающие клыки. Но глаза почти потухли. Пес издыхал и боролся не потому, что надеялся выжить, а лишь потому, что сдача на милость победителя – изобретение человека и принадлежит исключительно ему. Звери не дают пощады и не просят ее никогда. Пока теплится хотя бы слабая искра жизни – надо бороться, а что из этого выйдет – совсем неважно.

Дзигоро подошел и посохом разогнал гиен. Недовольно ворча, полосатые любители падали отползли за камни, но продолжали наблюдать за человеком яркими, хищными глазами.

Китаец наклонился над собакой, не обращая внимания на грозные клыки, и первым делом ощупал позвоночник. Он оказался цел. Дзигоро взялся за задние лапы. Пес глухо предостерегающе зарычал.

– Успокойся, – ровно произнес человек, – я хочу помочь. Я не причиню тебе боли. Твое мужество тронуло меня, зверь. Живое должно жить, а этим полосатым разбойникам придется поискать другую жертву.

Пара стервятников первыми поняла, что обед отменяется. Смерив человека презрительным взглядом, птицы взмахнули крыльями и вскоре исчезли за горизонтом.

Осторожно проведя рукой вдоль позвоночника лежащего на боку зверя, Дзигоро почувствовал провал, как будто кто-то притянул его сухую ладонь к спине собаки. Еще раз внимательно осмотрев громадного пса и не отметив для себя никаких видимых повреждений, Дзигоро теперь уже двумя руками исследовал пространство вдоль хребта животного на некотором расстоянии от него, совершенно не прикасаясь к телу. И снова воронкообразное изменение в равновесии сил притянуло руки Дзигоро.

– Это мог быть камень или... – не договорив, Дзигоро задумался. – Нет, вряд ли это могло случиться. Но если случилось, то для тебя, приятель, лучше был бы камень. Хотя

сейчас мы выясним все окончательно.

Дзигоро коротким движением погладил пса за ухом, тот скосил на человека глаз, сверкнув белком, и сдержанно, но внятно заворчал, предупреждая, что терпит присутствие помощника только по необходимости.

— Тихо, тихо, приятель, — до этого легкие, почти невесомые пальцы Дзигоро, точно железные крючья впились в спину обездвиженного животного. Собака взвизгнула от неожиданности, но тут же задохнулась от ярости, Дзигоро одним неуловимо-текучим движением оказался по другую сторону от пса и, взяв его за холку обеими руками, рывком оторвал от земли. Йонард никак не мог предполагать такой мощи в столь тщедушном теле, хотя и видел китайца в деле, в трактире. Дзигоро коленом уперся псу в поясницу и еще раз рванул недвижимое тело на себя. Рык, который не посрамил бы и горного льва, потряс окрестности. Этот негодяй пользуется его беспомощностью! Зря он надеется, что не получит за свою наглость сполна. Одним молниеносным броском Йонард опрокинул человека наземь и припечатал к месту, встав ему на грудь передними лапами. Клыки длиной с хороший кинжал остановились на расстоянии волоса от горла Дзигоро. Серо-зеленые полубезумные глаза уперлись в черные точки зрачков отшельника. Китаец тихо рассмеялся, увидев как оттаивает ледяной оскал звериной морды и болотная зелень глаз становится теплой и прозрачной. Яростный гнев сменился удивлением. Пес вдруг зашатался и рухнул, придавив Дзигоро всей своей тяжестью.

— Я же говорил, тише, приятель, — коротко выдохнул китаец. — Придется попробовать еще раз.

Зверь чуть дернулся.

— Нет, есть и другой способ.

Китаец легко надавил несколько раз за ушами Йонарда и вдоль холки. Подождал, надавил еще раз. К немалому удивлению Дзигоро, все получилось. Пес поднялся и некоторое время стоял, пошатываясь и не решаясь шагнуть. Потом сделал шаг. Второй. Третий. Глаза его все еще были затянуты мутью. Вряд ли он хоть что-нибудь соображал, но так даже лучше — не будет чувствовать боли. Только бы дошел. Только бы в этом израненном теле хватило запаса жизненных сил.

— Пойдем со мной, — тихо приказал Дзигоро, поднимаясь вслед за собакой и отряхиваясь ладонью.

Тихо, мягко, но приказал. Легкое облачко серебристой пыли медленно осело за ним. И пес подчинился. Отчасти из-за магии Дзигоро, а отчасти из-за того, что ему было все равно. Он был уверен, что через двадцать шагов упадет и издохнет, и гиены все-таки им пообедают. Он ошибся. Пес прошел двадцать шагов, потом еще двадцать. И еще. И еще. А сколько их было потом — этого не сумел бы сосчитать не то что Йонард-собака, но и Йонард-человек.

Пес свалился, когда до жилища Дзигоро, просторной и сухой пещеры в горах, оставалось совсем немного, и как ни колдовал китаец — поднять его он не смог. Запас жизненных сил был вычерпан до самого дна, и Дзигоро подумал, что, несмотря на все его усилия, пес все-таки умрет.

Он оставил его, накрыв своим плащом, и отправился к себе, чтобы нагреть воды и приготовить целебную мазь из трав. Дзигоро положился на милость природы. Он не надеялся, что пес выживет. Но действовал так, словно никаких сомнений для него не существовало. Дзигоро решил сделать все для выздоровления собаки, а если пес все-таки умрет, что же, гиены водятся и здесь...

* * *

Дзигоро сидел на плоском камне, поджав ноги, неподвижный, как статуя в храме Будды. Над спящим миром висело ожерелье серебряных звезд. Все вокруг дышало покоем, умиротворенностью и пребывало в равновесии. Дзигоро ждал. Так, замерев в полнейшей неподвижности, он мог ждать несколько часов. Но то, чего он ждал сейчас, должно было

свершиться через несколько мгновений, об этом ясно говорил просветлевший на востоке край неба.

Вершины точно ожили. Потрясли головами в снежных шапках, повели плечами, сжатыми тесными каменными одеждами. Они стали еще четче, рельефнее, словно наливались силой, питаемой от самых корней земли. Солнце еще не показалось из-за вершин, но оно уже начало свой неудержимый подъем и казалось, что все замерло в напряженной тишине последних мгновений перед началом нового дня.

Горы точно разделяли прошлое и будущее своим вечным присутствием. По эту сторону от них оставалась тьма, холодная голубоватая дымка окутывала предгорье, точно туман беспмятного забвения прошлых бед и разочарований, а там, по ту сторону гор, видимый край неба становился все прозрачнее и прозрачнее, словно очищающаяся от сомнений душа. Два легких, едва различимых облачка вспыхнули вдруг ярким, почти нестерпимым огненным сиянием, и первая нетерпеливая птица вспорола оживающий, сбрасывающий с себя ночное оцепенение, воздух.

Утренний ветер, пробуждаясь от дремы, слетел с вершин, разнося на своих легких крыльях одну только весть – ночь прошла, не вечна ее власть, но вечен жизненный круг сменяющих друг друга света и тьмы. Вечна жизнь, потому что вечна любовь.

И вот он, долгожданный миг рождения нового дня, когда узенький огненный язычок вынырнул на дне самой глубокой межгорной расселины, тут же заполнив ее и выплескиваясь наружу, мгновенно затопляя светом и долины, и темные ущелья, и межскальные расселины с гладкими отвесными краями. Травы, опаленные солнечным ветром, зажглись в ответ золотым сиянием, приветливо кивая его первым порывам. Ароматы, спрятанные до этого в глубине дремавших цветов, вспорхнули на невидимых крылышках, кружа голову и пробуждая воспоминания о далеких днях, когда казалось, что ночь приходит на землю навсегда, и страх рождался в душе: наступит ли новый день.

Самым тяжелым был тогда последний миг перед рассветом, когда бешено колотилось сердце в благоговейном испуге и замирало восторженно, заполняясь светом, счастьем и силой, как и все вокруг. И одновременно с рассветом в одной стороне света таяли звезды и растворялась черная мгла ночи во все удаляющемся от земли небе. А свет восходящего солнца продолжал заливать своими золотисто-струящимися волнами мир. Точно великая сияющая горная река сорвалась с вершин, и беззвучно для постороннего взгляда, но для Дзигоро она с мощными величественными трубными звуками изливалась в долины сего мира из мира внешнего. Она текла, не сдерживаемая никакими горными преградами, заполняя собой самые глубокие ущелья, устремляясь с головокружительной высоты в бездонные пропасти, расселины межгорных откосов. Безудержный бег этой реки точно поглощал в себя все сонное, застывшее, погруженное во тьму и выплескивал позади совершенно иное по сути и по духу пространство. Сверкающий золотистыми нитями ветер верховий сплел свои струи с серебристым ветерком низин, и воздух заискрился мириадами вспыхивающих и тут же гаснущих искр.

Все вокруг Дзигоро мгновенно наполнилось живой силой, страстью и в то же время умиротворением, всепроникающим жизнелюбием, пониманием и принятием всего, что происходит вокруг в природе и во всем живущем и дышащем. И каждая искорка – это чья-то радость или боль, печаль или веселье, страдание или безмятежность – и все это связывает воедино мир, переплетаясь, а затем вновь рассыпаясь из единого бытия во множество событий прошлых, настоящих и будущих. Словно живая ткань времени и пространства течет от конца времен к началу, возрождаясь вновь и вновь от века к веку с каждым восходом солнца, с каждым новым днем. И, наконец, над заснеженными горными пиками медленно и неотвратно возшла над проснувшейся землей огненная звезда, дарующая жизнь и смерть, изливающая подобно огненному богу Ахура-Мазда свет на праведных и неправедных. Так же, как и Будда, храня в мире ту хрупкую грань равновесия, которую очень трудно найти и еще труднее сберечь.

Высохший и превратившийся в серую пыль песок, взметал вверх под порывами ветра.

Робкая зелень, пробивающаяся к свету, лишь затем, чтобы безжалостное солнце всего за несколько недель превратило ее в колючие тернии, да белые, выветренные всеми ветрами обломки песчаника причудливыми своими силуэтами хоть немного разнообразили довольно скучный пейзаж на много-много лиг вокруг. Эта земля лежащая в отдалении от проторенных и многолюдных караванных дорог была тиха и безмолвна.

Все выглядело как и всегда, но его не покидало чувство, что какая-то лишняя тень легла на залитую солнечным светом степь.

Мир оживал, обретая глубину и краски. Рождался новый день. Ночь умирала. Рождение – смерть. Вдох – выдох. Равновесие в природе определялось ее вечным режимом, которому подчинялось все, что существовало под оком Подателя Жизни. Дзигоро ощущал себя частью этого мира и великолепно вписывался в этот вечный режим.

Он танцевал, разминая железные и гибкие мускулы, не столько славя всеблагого Будду и исполняя свой религиозный долг, сколько просто подчиняясь вечному режиму, в котором жила Вселенная, и который он чувствовал каждой клеткой своего тела.

У Дзигоро не было определенного распорядка. Он вставал еще до рассвета, чтобы встретить солнце, а потом занимался тем, что просила душа: собирал травы, готовил лечебные отвары, разыскивал в горах редкие минералы и шлифовал их, чтобы открыть спрятанную красоту. Или просто бродил, наблюдая за жизнью природы, и учился у нее, как вчера, как неделю назад, как всегда. Дзигоро не пытался постичь тайны мироздания, проникнуть мыслью в сущность богов или открыть тайну бессмертия. В своем великом смирении он просил Природу научить его жить в равновесии с миром, принимая и отдавая, вдыхая и выдыхая, умирая и возрождаясь вновь.

Дзигоро был мудр, хотя сам так не считал.

Сегодня у него было дело – раненый пес. За ночь он выспался и отдохнул. Дзигоро положил легкую, сухую ладонь на громадный лоб собаки и тихо приказал: «Спи!», но пес не подчинился. Это удивило китайца. Обычно его сила, которую он называл Даром Будды, а городские невежды именовали магией, действовала на всякую живую тварь. Однако хоть пес и не заснул, но враждебности не проявлял и спокойно позволил Дзигоро осмотреть раны и заменить повязки, он был все еще очень слаб и двигаться не мог. Прошлую ночь Дзигоро вспомнил с содроганием. Чтобы дотащить тяжеленную собаку до пещеры, где он жил, понадобилась вся его сила до капли, и все-таки ее не хватило. Пришлось немного зачерпнуть из того источника, откуда Дзигоро черпать избегал, потому что это могло нарушить равновесие, и только боги знали, в какую сторону и насколько отклонятся чаши весов.

Китаец приготовил немудреный завтрак, отложил еду в миску и заботливо остудил. Пес посмотрел на темно-бурое месиво и отвернулся, не соизволив даже понюхать.

– Я понимаю, тебе нужно мясо, – вздохнул Дзигоро, – но тогда тебе следовало попасть к другому лекарю. Видишь ли, моя вера запрещает мне проливать кровь не только человека, но и животного. Будда, которому я поклоняюсь, призывает к мирной, добродетельной жизни в равновесии с природой. Мы не употребляем в пищу ни рыбу, ни мясо и довольствуемся плодами и злаками.

Пес презрительно фыркнул. Это было так по-человечески, что Дзигоро невольно рассмеялся.

– Тебе это не интересно. Понимаю. Но, видишь ли, в неизъяснимой мудрости своей, Будда запретил своим последователям силой тащить всякую тварь на путь добродетели. И поэтому, как только ты поправишься – я отпущу тебя на все четыре стороны. Ты сможешь охотиться, сколько твоей душе угодно, но только не здесь. Вблизи пещеры звери ручные, они не ждут от человека беды. Поэтому я отведу тебя поближе к Хорасану. Или куда-нибудь в другое место.

Собака смотрела на Дзигоро внимательно, словно понимала каждое слово. Китаец почувствовал беспокойство. Оно было вроде бы беспричинным, но Дзигоро был достаточно мудр, чтобы знать, что ничто в этом мире не происходит без причины. Он почувствовал неладное еще вчера, но отнес насчет Черной башни, в тень которой он так неосмотрительно

забрел. А сегодня, когда встречал солнце, с новой силой ощутил странную тяжесть или, скорее, тревогу. Это не была тревога за жизнь собаки. Это было нечто чуждое спокойствию и гармонии, которые установились в его жилище. Нечто, похожее на угрозу, высказанную вполголоса.

– Очень странно, – пробормотал Дзигоро, – но меня не покидает мысль, что где-то я тебя уже видел. Этого, конечно, не может быть. Я вообще не понимаю, откуда ты взялся. Я думал, что последние псы твоей породы вымерли столетия назад. Но мне почему-то кажется, что я уже где-то видел твои серо-зеленые глаза. И, определенно, расстались мы не слишком дружески. Что это? Может быть, я начинаю сходить с ума?

Пес зевнул, глядя на Дзигоро без интереса. Все его рассуждения навевали скуку, а от миски с тушеными овощами воротило, но в целом здесь было неплохо – сухо, уютно, спокойно. Боль в ранах затихла, но слабость осталась, и Йонард решил не думать о своем до тех пор, пока не окрепнет. А потом все решится само собой. Такому великому магу, который за одну ночь перенес его по воздуху от Черной башни до своей пещеры, конечно, ничего не стоит расколдовать его обратно в человека. Когда он окрепнет, он найдет способ растолковать китайцу, кто он такой, тем более что маленький человек далеко не глуп. А потом он пойдет искать Керама.

Йонард и сам не терпел излишней роскоши, считая, что она разнеживает тело и превращает воина в евнуха или женщину. В пещере Дзигоро ему понравилось: очаг, топчан, покрытый мешком с душистой травой, стол, низкая скамья, пара мисок, несколько горшочков. Вертела, чтобы жарить мясо, Йонард не заметил и в первую минуту удивился, но потом речь китайца объяснила ему эту странность. Если бы мог, Йонард пожал бы плечами, но он не мог и только фыркнул. Получилось это достаточно ехидно. Во всяком случае, Дзигоро понял и от души посмеялся.

Внезапно Йонард почувствовал, что куда-то проваливается. Темное, жестокое и беспощадное «нечто» захватило его своими щупальцами и потянуло вниз. Он почувствовал, что сознание гаснет, и последним усилием воли воззвал к китайцу: «Дзигоро, помоги мне!». Но его глотка издала лишь истошный собачий вой.

Дзигоро чуть не погиб. Огромный пес, только что мирно и безучастно дремавший у очага, неожиданно взвыл, как потерянная душа. А потом льдистые глаза вспыхнули яростным белым пламенем безумия, и пес метнулся к нему, целя своими страшными челюстями в горло. Только годы ежедневных тренировок позволили китайцу отскочить, принять боевую стойку и отразить натиск взбесившегося пса, воздвигнув меж ним и собой стену синего пламени. Пес ударился об нее, взвыл, словно пламя и впрямь опалило ему шкуру, заскреб лапами и припал к земле, намереваясь поднырнуть и, обрушившись на Дзигоро всей своей тяжестью, подмять его под себя. Лучшая оборона это нападение. Учитель за такую мысль заставил бы Дзигоро стоять полдня в позе «танцующая обезьяна» и держать на голове и колене полные плошки воды. Но учитель был далеко. Синее пламя обратилось в клинок и ударило пса. Он взвыл и покатился по полу. Боль, которую испытывала бедная бессловесная тварь, была нестерпимой. Дзигоро забыл, что едва не погиб, забыл, что пес взбесился, забыл, что только что защищался. Он кинулся на колени, обеими ладонями сдавил голову пса и вцепился своим темным властным взглядом в его бешеные глаза. Что-то знакомое коснулось его. Знакомое, грязное и противное. Что-то тянулось к нему сквозь серо-зеленые глаза собаки, пытаясь схватить за горло и придушить. Дзигоро понял, что борется не с собакой. Он борется за собаку. За это сильное тело, в которое, пользуясь временной слабостью, вошла чужая воля.

* * *

«Кто ты такой? Или что ты такое? Когда-то я знал тебя. Ты слишком легко впадаешь в ярость и поддаешься опьянению боем. Это – твое слабое место. Уж его-то я ни с кем не спутаю. Говорят, что путь змеи на камне непостижим для мудрецов. Я не мудрец, но я

различу след на камне, если он оставлен Сетхом. Кто же ты такой, пес?»

Дзигоро гладил обессиленную тварь, мысленно прося прощения за то, что ударил слишком сильно. Пес дремал, положив огромную голову ему на колени. А китаец думал, что набрел на загадку, которую ему не разгадать. И, пожалуй, это вообще никому не под силу, кроме его старого Учителя. А значит – его снова ждет дорога. В княжество Тай-Цзон. Как только окрепнет этот пес, который не пес. А до тех пор придется спать вполглаза, потому что хозяин Черной башни вряд ли ограничится одной неудачной попыткой.

– Успокойся, – Дзигоро ласково потрепал пса по массивному загривку, – я не дам тебя в обиду.

Йонард-собака спал, и ему снились человечесьи сны... Раны затягивались удивительно быстро. На второй день Йонард уже смог встать и подойти к миске, но заставить себя проглотить то, что приготовил Дзигоро, он все-таки не смог. Пес вздохнул совсем по-человечески и плюхнулся на подстилку у очага.

Глава шестая

Дзигоро беспечно перепрыгивал с камня на камень, поддерживая корзину с лечебными снадобьями, когда прямо перед ним возник воплощенный кошмар. Меж камней, опираясь на длинный хвост, покачивался питон. Это был самый настоящий питон, Дзигоро мог бы поклясться, но длинное тело его заканчивалось мохнатой обезьяньей мордой. В сомнении китаец отступил назад, споткнулся и едва не сел на плоский камень, где пристроилось еще одно невероятное создание. Большая крыса на волосатых паучьих ножках. Из пасти зверька торчало длинное белое жало, и, судя по всему, гибрид умел им пользоваться. Дзигоро не стал щипать себя за руки. Тревожная струна звенела в нем с того дня, когда китаец отбил у гиен раненую собаку. Гармония в природе оказалась нарушена. Чаши весов склонились в сторону зла, ибо созданием Света этот кошмар быть явно не мог.

За спиной послышалось сдавленное рычание. Дзигоро обернулся. Большая черная кошка стояла, чуть согнув упругие лапы, и в раздражении водила длинным хвостом. Огромные зеленые глаза тлели холодным огнем, как еще не погасшие угли.

– Что вам нужно, создания? – мягко спросил Дзигоро.

– Кровь!!!

Ответ прозвучал согласно, в три голоса, хотя, Дзигоро мог в этом поклясться, ни одно из животных не открывало пасти.

– Моя кровь? – уточнил китаец.

В жарком воздухе возникло нечто похожее на зловещий смехок.

– Твоя кровь – это вода. Она ни на что не годится. Ты жил слишком долго и слишком праведно. Нам нужна кровь, которую прольешь ты!

– Это невозможно, – улыбнулся Дзигоро. – Моя вера запрещает мне проливать кровь.

Пантера сдавленно зашипела и бесшумно прыгнула вперед. Из ее пасти вырвался сдавленный рык. Огромная лапа взметнулась, мелькнули когти, похожие на кинжалы. Дзигоро не шевельнулся, и пантера с недовольным рычанием опустила лапу.

– Почему ты не убил меня?

– Моя вера запрещает проливать кровь, – повторил Дзигоро.

– Даже защищаясь?

– Для того чтобы защититься, мне не нужно убивать, – улыбнулся китаец. – Великий Будда подарил мне Искусство.

– Так значит, ты все-таки воин, Человек? – спросил присевший на камень крысеныш. Слова возникли в голове Дзигоро, но он отчего-то сразу понял, что обращается к нему именно он.

– Я не воин, – оживленно ответил китаец. – Я не нападаю, не проливаю крови, не пытаюсь изменить мир и переделать людей. Я лишь храню равновесие. У меня и оружия-то нет...

Дзигоро развел руками, демонстрируя, что сказал правду.

– Но если ты не убьешь одного из нас, мы убьем тебя, – заметила пантера.

Она уселась, грациозно обернув лапы хвостом и чуть сощутив зеленые глаза. Дзигоро догадался, что перед ним – самка, и не просто самка, а царица среди больших кошек. Ее манеры были утонченно-аристократичны.

– Зачем вы ищете смерти? – спросил Дзигоро.

– Смерть одного из нас освободит других, – отозвался обезьяно-питон, впервые подавая голос.

– И кого из вас я должен убить?

– Кого сможешь. Мы все опасны.

– Я это заметил, – кивнул китаец, – но, видите ли, создания, Будда хранит меня, пока мои руки чисты, пока кровь не осквернила мой порог и мой очаг.

– Так что, ради чистоты твоих рук мы должны всю оставшуюся жизнь носить звериные шкуры? – прошипела пантера. – Очень галантно! Ведь мы такие же люди, как и ты! Неужели ты этого не понял?

– Почему бы вам не найти кого-нибудь другого? – спросил Дзигоро, чувствуя мучительную вину перед этими несчастными созданиями.

– В тебе есть Сила, – отозвался крысеныш, – когда человек, владеющий Силой, проливает кровь, сдвигаются мировые колеса, и все становится возможным.

– Кто вам наплел такую чушь? – возмутился Дзигоро. – Мир не нужно переворачивать, он устроен правильно и мудро. Это у того, кто думает иначе, мозги расположены вверх дном!

Питон метнулся к китайцу и приблизил к его лицу сморщенную обезьянью морду. Глаза его горели диким огнем.

– Мы тоже часть мира, человек. Не находишь ли ты, что я устроен правильно и мудро?

– Нет, – признал Дзигоро, – но в этом виноват не тот, кто хранит Равновесие, а тот, кто его нарушил.

– И ты позволишь нам остаться такими? Умоешь руки и скажешь: «Мне жаль, но я в этом не виноват. Идите и спросите с виноватого?!», – с иронией осведомилась пантера. – Моя пещера с краю – ничего не знаю. Я только храню равновесие. Разбирайтесь сами. Очень удобная позиция. А тебе не кажется, мудрец, что это позиция труса?

Дзигоро опустил голову. Он чувствовал свою правоту и знал, что ни в чем не провинился ни перед Буддой, ни перед Ахура-Маздой-Жизнеподателем, ни перед другими светлыми богами. Он жил так, как заповедовал ему Учитель, и считал это правильным. Но и в словах большой кошки была своя правда.

– Мне не разрешить этой загадки, – смиренно признался Дзигоро. – Убить вас я не могу. Вскоре я отправляюсь в путь, в княжество Тай-Цзон, что на юго-западе Китая. Там живет мой Учитель, и он – мудрейший из людей. Если хотите – я возьму вас с собой.

– Мне не дойти, – тихо отозвался питон, – я – неудачный зверь. Я не могу есть и живу лишь потому, что бедный питон был сыт тогда, когда его настигла смерть. Но этого запаса не хватит на дорогу до Китая...

Пантера холодно сощурилась.

– Ты все время стараешься уйти от ответственности. Спихнуть ее то на египтянина, который нарушил любимое тобой Равновесие, то на Учителя, который достаточно мудр, чтобы вынести это бремя. Но ты немножко опоздал, человек.

– Что ты хочешь сказать, создание? – встревожился Дзигоро.

Пантера замерла, словно прислушиваясь к чему-то. И китаец почувствовал, как ветер сорвался с горных вершин, неся с собой что-то неотвратимое и непонятное. Шум невысокой травы заглушил на миг все живые голоса природы. Голос пантеры прозвучал как приговор:

– Твой порог уже осквернен, – произнесла она медленно, с некоторой торжественностью, – на твоём пороге пролита кровь... Двери открыты, человек, и тебе придется в них войти...

– Ты был хранителем Равновесия, но Равновесия больше нет, – добавил крысеныш.
– Тебе больше нечего хранить, – вставил питон с головой обезьяны.
– Тебе придется выбрать и принять ответственность за свой выбор, произнесла пантера. – Это случится очень скоро. Мы подождем. У нас еще есть время. Немного, но есть.

С этими словами большая кошка отступила, давая дорогу, и длинным грациозным прыжком метнулась в заросли кустарника. С едва слышным шорохом исчез питон. Дзигоро взглянул на плоский камень. Крысеныша не было. Кошмарные звери и еще более кошмарный разговор словно привиделись ему.

Дзигоро пожал плечами и неожиданно вспомнил слова пантеры: «Твой порог уже осквернен. На нем пролита кровь».

Китаец заторопился, перепрыгивая с камня на камень и поглядывая на солнце, клонившееся к западу.

* * *

Хищная звериная натура вновь властно заявила о себе. Псу захотелось убить. Убить, но не ради убийства, нет, он хотел есть. А что может быть вкуснее свежего, еще теплого мяса? Варварская душа Йонарда жаждала схватки, в которой он одержал бы победу и добыл себе пищу. А раз задумав что-нибудь, он делал это обязательно. Борьба за существование среди себе подобных с себе подобными – разве не этим он занимался, когда был человеком? Что же изменилось? Разве дело только в том унижении, которое Йонард пережил по воле прихвостня Сетха и не расплатился за это. А долго быть в должниках Йонард не любил – ни к чему хорошему это обычно не приводило, разве к такому же голодному беспокойству, которое заставляло его отправляться на поиски все новых и новых приключений, чем он как раз и занимался в данный момент. Для бродяги поиски пищи и жилища – это всегда приключения. И начатое им дело, судя по всему, подходило к этому.

Он осторожно двигался по незнакомой местности. Прислушивался, приглядывался, обнюхивая попадавшиеся на пути следы. Потревоженная змея, извиваясь, выползла из-под камня. Пес отскочил в сторону. С любопытством посмотрел на гадину и пошел прочь. Что толку с нее? Мяса-то в ней – одно название. Да и потом ядовитая, стерва, того и гляди укусит. Так или примерно так размышлял голодный зверь. Навстречу стали попадаться редкие кусты. Эта перемена обрадовала его. И, оживившись, пес затрусил дальше.

Пейзаж заметно менялся. Все чаще попадались на пути раскидистые кусты колючек. Показались и тонкие деревца акаций с тусклой желто-зеленой листвой. Йонард был уверен, что без обеда он не останется. Жизнь бездомного скитальца научила многому, так что с дороги сбиться – это вряд ли. Миновав последнюю каменистую гряду, пес наконец-то увидел заросли акаций – до них было не больше четверти лиги. Сушая ерунда для здорового пса. Вперед!

Охотничий инстинкт подсказывал ему, что там он найдет добычу. Пес почувствовал, как в желудке заурчало от нестерпимого голода, и лапы сами понесли его туда... Он бежал по открытой местности, невольно радуясь травке, пробивавшейся сквозь песок и камни. Небесное светило спешило занять свое место, даря свою любовь и нежность всему живому и согревая воздух. Утренняя прохлада сменялась теплом, тепло жарой, жара зноем. А Йонард бежал. Ему казалось, он бежит уже целую вечность, а долгожданные заросли все не приближаются. Сомнения закрались в его разгоряченный мозг, уж не желаемое ли он принял за действительность?

Свежий ветер донес до него далекий, едва различимый звук. Йонард остановился. Навострил уши, прислушиваясь. Теперь он гораздо явственней различил песню ветра. Щуря глаза от напряжения, пес заметил на горизонте маленькую точку.

«Находит только тот, кто ищет», – мелькнула мысль, и пес опустил на землю. Тело прижалось, теряясь на фоне низкой, местами выгоревшей травы. Он затаился, приготовившись к встрече. Оправдывая его ожидания, неясная точка приближалась,

вырастая на глазах.

«Всадник, – подумал Йонард, размышляя над причиной, занесшей человека в такую глухомань. – А впрочем, какая разница...» И, не закончив мысль, он еще плотнее вжался в траву. Между тем незнакомец на великолепном скакуне, которому позавидуют даже королевские конюшни, остановился. Он приложил руку ко лбу, защищая глаза от яркого солнца, и стал пристально оглядывать степь. Йонарду показалось, что именно на нем всадник задержал долгий взгляд.

«Неужели заметил?» – вихрем пронеслось в мозгу. А человек уже тронул повод. Красавец конь с места рванул в карьер и, подбадриваемый плетью, перешел на крупную рысь. «Ближе, ближе, ближе», – колотило сердце о ребра в предчувствии боя. Пес с каждым футом пройденного всадником расстояния все четче различал мельчайшие детали. Благородная осанка жеребца, его широкая грудь и мощные ноги значительно подняли его цену в глазах голодного зверя. Голова наездника, доселе прижатая к гриве скакуна, приподнялась, и невольный крик раздался в душе у Йонарда: «Патмарк! Вот так встреча!».

У пса не осталось и тени сомнения в том, что он обнаружен. В руках у человека мелькнул лук и заложенная на тетиву стрела. Йонарду оставалось только догадываться, за какого зверя его принял Патмарк. Прекрасно зная, что тот отличный стрелок, пес продолжал лежать. Расстояние между ними стремительно сокращалось. И теперь оно было как раз достаточным для полета стрелы. Еще пара прыжков лошади, и Йонард заметил, как два пальца правой руки Патмарка разжались. Тетива зажужжала от напряжения, направляя стрелу к цели. Звериный инстинкт пса заставил его вскочить, и сильные лапы оттолкнули тело прочь. Стрела, разрезая потоки воздуха, впилась ровно в то место, где еще секунду назад был Йонард.

«Хрофт!» – пес ринулся навстречу всаднику. Он почти летел, от бешеного напряжения сил задрожали лапы. Патмарк наложил новую стрелу. С жужжанием она устремилась к жертве. Только миг разделял Йонарда и жало стрелы, но он присел именно в тот момент, когда она пронеслась над его головой. Медлить было нельзя.

«Нельзя допустить, чтобы он выпустил еще одну!» – понял германец, и, обгоняя шальной ветер, кинулся навстречу Патмарку. Вот он, совсем рядом, враг. Еще чуть-чуть – и конь растоптал бы пса, но чутье хищника пришло на выручку и сейчас. Вкладывая всю ярость, всю злобу, вскипевшую внутри, пес оттолкнулся от земли. Мелькнула морда жеребца в нарядной сбруе...

От ураганного напора всадник вылетел из седла, покотившись кубарем по траве. А пес, мягко приземлившись на передние лапы, развернулся, готовый к поединку. Разгоряченный скачкой конь, потерявший хозяина и почувствовавший свободу, умчался вперед, к неведомой цели. Оглушенный падением человек тяжело поднялся на ноги, устремив на разъяренного пса растерянный взгляд. Большого унижения он в жизни не испытывал. Какой-то пес-бродяга посмел напасть на... на кого он посмел напасть?! Сейчас он поплатится за это!

Однако глаза зверя показались ему знакомыми. «Что за чушь? – подумал Патмарк. – Я никогда не видел таких собак». Патмарк настороженно улыбнулся, потянувшись к ножнам на поясе. Йонард встретил действия человека угрожающим рычанием. Тот, ошеломленный, отступил назад. Серые глаза «старого знакомого» тревожно забегали по сторонам, ища спасительный выход. Может, вернется конь, разыскивая хозяина?

Мышцы Йонарда дрожали от напряжения. Зоркий глаз следил за каждым движением человека. И стоило тому пошевелиться, как пес скалился, издавая грозное рычание. Ему явно нравилось это затянувшееся противостояние. Он смаковал свое превосходство, видя растерянность человека. Не таким, нет, не таким помнит его Йонард. От прежней самоуверенности и наглости не осталось и следа.

«Что же ты, прихвостень Ардашира, испугался бродячего пса?» – спросили прищуренные серо-зеленые глаза собаки. Возможно, в каком-то странном озарении почувствовав непримиримость пса, Патмарк рывком попытался извлечь из ножен меч.

Оружие еще только наполовину показалось из богато отделанных ножен, а пес уже летел к человеку. На волос от морды сверкнула холодная сталь, они встретились взглядом, и Йонард впился клыками в мягкое горло.

Руки Патмарка в последний миг выронили меч и сжались на шее зверя. Пес рванул теплое человеческое мясо, и фонтан крови обдал его липкой влагой. Мертвая хватка рук разжалась, и Патмарк, увлекая за собой пса, повалился наземь. Германец в слепой ярости продолжал терзать горло противника, превращая его в кровавое месиво. Тело человека конвульсивно дернулось и застыло. Смрадный запах помойной ямы ударил в нос. Варвар вспомнил то отвратительное место, в которое он попал по воле Патмарка. Он почувствовал облегчение. Еще один старый должок уплачен.

Мысль об умчавшемся жеребце вернула его к действительности. Голод, отступивший на время, теперь вновь дал о себе знать. Пробовать человечинку Йонарду совсем не хотелось.

След был четким, и пес, призвав на помощь чуткое обоняние, двинулся на поиски. Он нашел коня на окраине зарослей кустарника. Благородное животное мирно стояло, зацепившись поводом за одну из колючек. Жеребец настороженно поднял морду, озираясь по сторонам, наострил уши, учуяв приближение хищника.

Йонард, готовый в любой момент броситься на животное, медленно подходил к коню. Но тот как ни в чем не бывало продолжал неподвижно стоять у куста, лишь изредка косясь на пса. Голод сдавил внутренности. Германец закружил вокруг жертвы, примериваясь для броска. Умное животное, видя маневры собаки, все время поворачивалось к нему крупом, готовое при малейшей опасности пустить в дело мощные задние ноги.

Пес сделал ложный выпад, нацеливаясь в передние ноги. Конь с быстротой молнии развернулся крупом и врезал по воздуху обоими копытами. Трюк удался. Йонард отскочил, прыгнул и уцепился клыками за бок жеребца. Тот дико заржал и рванулся с места, порвав уздечку. Извиваясь и брыкая ногами, конь пытался сбросить повисшего у него на боку пса. Но острые зубы намертво сомкнулись, не отпуская добычу. Собрав все силы, конь помчался обратно в горы, надеясь, что тяжелое тело собаки само сорвется в этой бешеной скачке. Однако через некоторое время жеребец понял, что далеко ему не уйти. Чувствуя, что пес все так же крепко висит на боку и, видимо, не отпустит его, конь решился на последнюю попытку, которая могла принести либо смерть, либо жизнь. Он резко остановился, встал на дыбы и, подминая под себя пса, повалился на бок. Падающее тело непременно бы придавило охотника, не будь он столь же ловок как и хитер.

Не успел еще конь рухнуть на землю, а варвар, разжав свою мертвую хватку, отскочил в сторону. Едва тело жеребца коснулось травы, Йонард был уже около горла своей жертвы. Бьющаяся, сопротивляющаяся плоть пробудила в германце жажду крови и дикую силу. Он в остервенении рвал живое мясо.

Истекая кровью, конь пытался подняться, но варвар предупредил и это – фонтан крови вырвался из-под клыков пса, доставших наконец до шейных жил животного. Дернувшись еще раз в попытке подняться, конь окончательно потерял силы. Его некогда быстрые ноги беспорядочно колотились, сбивая копыта. По телу пробежала дрожь, конечности вытянулись в судороге, и тело замерло.

Он давно не видел столько мяса!

«Что понимает этот Дзигоро вместе со своим Буддой, или как там его еще, в настоящей пище мужчин?» – подумал пес, отрывая и заглатывая очередной кусок сладковатого мяса.

* * *

У входа в пещеру китайца ждал пес. Его морда и огромные клыки были в крови, а серо-зеленые глаза – сытыми и довольными.

– Что же ты наделал? – растерянно спросил Дзигоро, без сил опускаясь на землю. Йонард-пес взглянул на него, не понимая, что, собственно, произошло. Он отлично

поужинал, хотя поймать такого зверя в его новом теле было очень трудно. Но он справился и был горд. Дзигоро вздохнул и почесал бедного, ни в чем не виноватого пса за ушами. Второй удар Черной башни достиг цели. В этом не было никаких сомнений. Египтянин прекрасно играл в шахматы – древнюю забаву владык. Его ходы были непредсказуемы, а сейчас он объявил шах.

Китаец встал, перешагнул порог, вытащил несколько свитков и бережно уложил их в заплечную кошелку – спутницу мудреца.

Больше у Дзигоро ничего не было. Он вышел за порог и кивком головы пригласил пса следовать за ним. Уходя от родной пещеры, китаец не оглянулся назад. Она больше не была ему домом. Пантера была права – час настал, и бежать от него было все равно что бежать от собственной судьбы – бесполезно и недостойно.

Глава седьмая

Летний жаркий день клонился к вечеру. Маленькие курчавые облачка плыли высоко над землей, словно стайка волшебных серебристых рыбок, казалось, они погружаются в самые глубины этой безмятежной, чистой лазури.

На третий день пути путникам вроде бы не пристало любоваться красотами природы, тем более что желтые пески, текущие под ногами, да синее небо, упиравшееся своим краем в линию горизонта – вот и все разнообразие. Дорогу оживляла лишь смена закатов да восходов и чахлые оазисы, попадавшиеся по пути так часто, как оброненные тугие кошельки с деньгами. Оба путешественника, покрытые с ног до головы пылью и потому одинаково серые, представляли удивительную пару. Худая, легкая фигура человека, идущего по пустыне, как по найденной тропе, почти не проваливаясь, и легко, словно играючи, оставляя за спиной тяжелые лиги и огромное, мощное тело собаки с тяжело вздымающимися боками. Язык пса, уже даже не мокрый, а только чуть влажный, не помещаясь в пасти, свесился на бок и почти доставал до земли, когда пес опускал голову. Держать ее больше не было сил. Услышав негромкий голос человека, пес нехотя шевельнул ушами, пытаясь сообразить, что еще от него нужно Дзигоро, он и так сделал все, что мог, и не его вина, что такой большой собаке нужно намного больше воды, чем такому маленькому человеку...

– ...оазис, – разобрал Йонард, – мы в дневном переходе от Хорасана, значит, скоро должен быть. Жаль, конечно, что ты не верблюд или, скажем, не варан, не было бы с тобой таких хлопот. Но ты не унывай, мы и так не пропадем.

Йонард еще раздумывал, что он должен чувствовать – обиду или благодарность, когда чуткие ноздри его уловили слабый запах мокрого дерева, и этот волшебный запах оказался подобен эликсиру жизни. Пес воспрянул, черный влажный нос задвигался, определяя направление, и, подчиняясь этому удивительному, сладкому запаху Йонард тяжело затрусил вперед, даже не заметив, как обогнал Дзигоро.

С огромного песчаного бархана, на который он взбирался, как на крепостную стену, почти не надеясь добраться до верха, пес увидел чарующую взор картину – в низинке, на расстоянии полета стрелы, торчали из земли несколько бурых, чахлых деревьев, почти неотличимых цветом от окружающих песков. И оттуда... оттуда пахло волшебным, пахло водой! К чудесному запаху примешивался еще один, не такой приятный, но Йонард, измученный пустыней, не обратил на него внимания, решив разобраться с ним попозже, когда утолит жажду, и с вершины бархана съехал в оазис почти на брюхе. В маленькое озерцо с прозрачной водой, где серо-бурые акации поили свои белесые корни, он влетел с разбегу, подняв фонтаны брызг и взбаламутив воду не хуже, чем целый караван истомившихся от жажды верблюдов. Вода, только что стеклянноподобная, в один миг превратилась в мутную коричневую жижу, но счастливый пес этого не замечал. Он пил, рискуя лопнуть, то жадно лакая воду по-собачьи, то, от нетерпения вытягивая ее ртом, захлебываясь почти по-человечески.

Когда Дзигоро, ступая своим размеренным, неторопливым шагом, наконец достиг

оазиса, пес уже блаженствовал, развалившись в озерце, больше всего похожем на пороссячью лужу.

Увидев своего спутника, Йонард запоздало сообразил, что напрасно взбаламутил воду, и теперь Дзигоро волей-неволей придется ждать, пока песок осядет. Он ждал упреков, но их не последовало. Китаец смотрел на него с улыбкой. Неспешно Дзигоро подошел, присел у воды и проговорил:

– Ты мне напомнил старую притчу про одного военачальника, которому тоже очень хотелось пить...

...Этого известного в свое время воина звали Шапур. Однажды, во время охоты он оказался вдали от своего войска и решил утолить жажду в таком же оазисе, как и тот, что сейчас приютил нас. Он направил своего коня к воде и там увидел нищего, который выбирал из своего рубища насекомых. Нищий, не поднимая головы, раздраженно крикнул:

«Кто ты, отродье Таната, появившееся из пустыни в сверкающем платье?»

Шапур подъехал ближе и сказал:

«Да благословит тебя Ахура-Мазда, добрый человек».

«Да проклянет он тебя», – отозвался нищий.

Шапур, видя в руках у него чашку, смиренно попросил ее, чтобы не ронять своего достоинства и не пить с земли, как это делают животные...

С этими словами Дзигоро достал из заплечного мешка свою чашку и зачерпнул воды, которая к тому времени уже немного очистилась. Правда, совсем немного, но видно, хваленая выдержка Дзигоро на этот раз подвела китайца. Впрочем, Йонард его понимал.

– Так вот, – продолжил он, неспешно осушив первую чашку. – Нищий сунул чашку в руки Шапуру и грубо ответил:

«Сойди с коня и напейся, клянусь Ахура-маздой, я тебе не работник и не слуга».

Шапур так и сделал, а, утолив жажду, снова сел в седло и сказал:

«Эй, нищий, кто самый лучший из живущих на земле?»

«Святой отшельник мессанский», – ответил нищий.

«А что ты скажешь о нашем правителе?»

Нищий ничего не сказал.

«Ответь же мне».

«Плохой человек, – ответил нищий, – он поставил править благочестивыми людьми моего родного города невоздержанного развратника Шапура».

Тот промолчал. Вдруг над ними пролетела птица и прокричала что-то. Нищий повернулся к Шапуру и спросил:

«Кто ты?»

«Почему спрашиваешь?»

«Эта птица известила меня, что приближается войско, а его предводитель – ты».

В это время подъехало войско Шапура, и тот приказал схватить нищего. На следующий день, как только рассвело, принесли еду, собрался народ. Привели и нищего. Когда тот увидел Шапура, он громко закричал:

«Да благословит тебя Ахура-Мазда, великий воин!»

«Я не отвечу тебе так, как ты мне, – ответил Шапур, – да благословит он тебя. Ты голоден?»

«Еда твоя, – ответил нищий, – если разрешишь – буду есть».

«Разрешаю», – ответил Шапур.

Нищий сел и сказал:

«Во имя Ахура-Мазды, все, что случится после еды, будет добром».

Шапур засмеялся и сказал своим приближенным:

«А вы знаете, что я претерпел от этого человека вчера?»

«Высокочтимый, вчерашнюю тайну не стоит разглашать сегодня», – вмешался нищий.

Тогда Шапур сказал:

«Слушай, нищий, выбирай одно из двух – или останешься при мне, и я сделаю тебя своим советником. Мне нужны люди, которые умеют говорить правду. Или я отправлю тебя к правителю и сообщу ему то, что ты говорил о нем».

«Ты назвал две возможности, но есть и третья, – ответил нищий – отпусти меня, чтобы я в полном здравии добрался до другого города, и чтоб ни ты меня больше не видел, ни я тебя».

Шапур засмеялся, велел выдать ему тысячу монет и отпустил его.

Йонард слушал внимательно, стараясь, насколько возможно, скрыть недоверие. На своем веку он повидал всякого: видел он и добрых правителей, и щедрых, и милостивых, а вот справедливые ему что-то не попадались.

– Пойдем, – мягко сказал китаец. – Время никогда не спешит, а попробуй его догони...

По выходе из оазиса Йонард, взбодренный купанием, поначалу спокойно трусил рядом с китайцем, ни на что не обращая внимания, но через некоторое время стал водить влажным носом из стороны в сторону, явно пытаясь обнаружить источник какого-то неприятного запаха. Долго гадать не пришлось. Как сказал бы мудрец Дзигоро, у которого на каждый случай жизни была мудрая пословица – есть запахи приятные, есть противные, а есть такой, что ни с чем не спутаешь. Запах, настороживший Йонарда еще на входе в оазис, был сладковатым запахом тления, и вскоре они увидели его источник.

Первым, что бросилось путникам в глаза, были две зарубленные лошади гнедой масти со снятыми седлами и сбруей. Рядом лежал, видимо, не слишком удачливый хозяин лошадей – человек с кровавой маской вместо лица. Трупы густо облепили полчища жирных мух, их мерное гудение напомнило Йонарду мясные ряды Хорасанского базара. Чуть поодаль лежал еще один покойник, такой же счастливец... Лицо у него, правда, было в полном порядке, но мух над ним кружило не меньше – он лежал на боку, подтянув к животу колени. Похоже, в последнюю минуту он, потеряв голову от боли и страха, пытался запихнуть обратно собственные внутренности, вывалившиеся из вспоротого живота. Заметив, что Дзигоро прошел чуть дальше, Йонард последовал за ним. Низина, скрытая от глаз путников песчаными барханами, являла собой жуткое зрелище. Лошадиных трупов больше не обнаружилось, зато человеческих... Йонард, на что привычный к подобным зрелищам, и то не сразу решился последовать за маленьким невозмутимым китайцем.

Каравану не повезло... Мужчины, женщины, дети со следами от торопливо сорванных драгоценностей... Они были свалены в кучу и над побоищем висели тучи мух. У всех были вспороты животы.

– Желчь брали, – проговорил Дзигоро голосом, сдавленным от тихой ярости. Его приветливое лицо застыло каменной маской.

Йонард понял, что он имел в виду. У разбойников существовало поверье, что конь обретет небывалую резвость, если смазать его губы свежей человеческой желчью. Этим, видимо, пришлось уходить от погони.

Неподалеку Йонард углядел торопливо сброшенные на землю седельные сумки и направился туда, решив, что неплохо бы их обследовать на предмет еды. В сумках оказалось сушеное мясо и хлеб, запеченный с фруктами. Видно, с голода разбойники не умирали. Йонард хотел уже позвать спутника, когда наткнулся на крупное тело мужчины в обрывках дорогого халата. На месте головы и плеч темнел ровный срез, уже облюбованный мухами.

«Надо же! – невольно восхитился Йонард. – С одного удара! Хотел бы я встретиться с человеком, который так наказывает своих врагов...»

Внезапно ему показалось... Ощущение было совсем детское, полузабытое, словно его поймали на чем-то не совсем хорошем. С тех пор как минула пора детства, Йонард успел повидать многое, и свою врожденную совестливость, если только она у него когда-нибудь была, он давно растерял, но отчего-то варвар почувствовал себя неловко, когда увидел прямо над собой пронизательные глаза Дзигоро которые, казалось, видели все его недавние мысли.

Китаец смотрел на него с явным неодобрением, ошибиться в этом было невозможно.

Положив легкую руку на широкий лоб собаки, Дзигоро проговорил:

– Будь же ты, наконец, осмотрительнее. Я ведь тебе уже говорил – не желай опрометчиво – твое желание может исполниться.

Тут Йонард заметил, что спутник его вертит в руках срезанный кусок дорогого халата с узорной вышивкой. Он осматривал находку с непонятым вниманием и даже понюхал. Понюхал и Йонард, и для этого ему не пришлось подносить его к самому носу. Запах был отчетливо уловим и так, пахло чем-то знакомым и неприятным, пожалуй, даже опасным. Но что это – Йонард вспомнить не смог.

Наконец он бросил ломать голову и сел, а потом лег, наблюдая, как Дзигоро внимательно осматривается, разглядывает истоптанную полужасыпанными следами землю, садится на корточки и осторожно вынимает клочок конской шерсти, застрявший в спутанных узлах седельных сумок.

– Вот, дорогой мой, – проговорил Дзигоро, подходя, – за что я и не люблю Иран. Неумеренность – один из самых страшных пороков... Мудрец обогревается головней, а глупец ей же сжигает свой дом. А ведь он был неплохим человеком. Сильным, отважным даже, по-своему честным...

...Был во времена не слишком давние такой случай. В Куте, недалеко от базара, находился постоялый двор, где постоянно останавливались самые богатые купцы, и поэтому он был огорожен высоким забором, за который невозможно было проникнуть вору.

Услышав о подобном, Йонард иронически хмыкнул. Уловив его недоверие, Дзигоро согласно кивнул.

– Ты прав, замки, они в основном от честных людей. От ловкого вора никакой замок не спасет. А на этом постоялом дворе был вырыт колодец, сразу же за забором была городская баня. Один ловкий вор прорыл подземный ход от банного очага прямо в тот колодец и в полночь, когда постоялый двор закрыли и на дверь навесили увесистый замок, он забрался в подземелье, выбрался из колодца наверх, и все, что было самого ценного на постоялом дворе, унес тем же путем.

Ранним утром купцы подняли шум и потребовали найти вора. На постоялом дворе собралась городская стража и судья. Стали размышлять, как исчезли деньги и вещи, когда двери были на замке. Наконец решили, что это дело рук сторожа. А сторожем был уже старый человек. Привели его к судье, но тот не поверил в его невиновность, сколько тот не клялся Ахура-Маздой. Тогда решили сторожа подвергнуть пытке – подвесить за большие пальцы рук. Вор стоял тут же и все слышал. Ему стало жаль ни в чем неповинного старика. Он вышел вперед и сказал:

«Старик ни в чем не виноват, постоялый двор обокрал я».

Его спросили:

«Раз ты признался, тогда скажи, куда ты унес добро, и что с ним сделал?»

«Спрятал в колодце, – ответил вор, – принесите мне веревку, и я достану ваше добро, но за это вы должны меня отпустить».

«Ишь какой хитрый! Он украл, и его же теперь и отпусти! – возмутился почтенный судья. – Нет уж! Сначала достань добро, потом я тебя судить стану...»

«Хорошо», – согласился вор, и стражники принесли веревку.

Один конец вор обвязал вокруг пояса, а другой схватили стражники. Вор спустился в колодец, развязал веревку, прошел по подземному ходу, выбрался наружу, схватил добро и был таков. Долго ждали его стражники, потом спустили в яму человека, и тот нашел подземный ход. И тогда только судья догадался, что вор сбежал.

«Хитер! – восхитились люди. – И безвинного освободил, и сам ушел, и добро унес».

Тогда и прозвали вора Лисицей... Только вот благородства у него с тех пор заметно поубавилось. Хитра лисица, а в ловушку попадает, так и этот хитрый вор попал в ловушку, да в такую, из которой не выбраться ни хитрому, ни сильному, ни отважному...

С этими словами Дзигоро вновь поднес к лицу обрывок халата и Йонард, наконец,

догадался, чем он пахнет.

Внезапно Йонард сообразил, что, слушая притчу Дзигоро, непростительно увлекся. На горизонте возникло облако пыли, которое быстро приближалось к оазису, и вскоре Йонард различил глухой топот копыт по песку и высокие выкрики.

– Ты куда? – удивленно спросил Дзигоро, хотя Йонард еще с места не двинулся, но, видимо, его напряженная спина и подрагивающие уши были достаточно красноречивы.

Отряд приближался со стороны Хорасана, который Йонард не любил давно и прочно, еще с юности. А появление хорасанской конной стражи доставило бы ему примерно такое же удовольствие, как таранул за пазухой. Но китаец с места не двигался и волей-неволей остался и Йонард.

«Отряд сабель тридцать, не меньше, – оценивал пес, – драные халаты, грязные тюрбаны, а оружие в серебре... хотя сталь ни на что не годится. Они и есть, кому же больше. Нанес Танат!»

Всадники меж тем окружили Дзигоро, с опаской посматривая на пса. Один из них, в ярко-голубом халате, похоже, был здесь за старшего.

– Эй, оборванец! – крикнул он, не слезая с седла. Видимо, это было в обычае у всех военачальников, начиная с Шапура.

Дзигоро не шевельнулся, чтобы подойти ближе, но смотрел на хорасанца без неприязни, спокойно и доброжелательно.

– Ты давно здесь околачиваешься? Я преследую шайку Хаима-Лисицы, ты его не видал?

Если до этого Йонард никак не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь до сегодняшнего дня лицо всадника, то, услышав его голос, больше не сомневался – Ардашир! От бывшего его великолепия не осталось и следа, видно, правитель Хорасана все же был парень не промах, знал, как наставить своих подданных на путь истинный. Вспомнив Патмарка, германец с удивлением обнаружил, что в отношении начальника конной стражи он не был настроен столь решительно. В конце концов, каждый из них был по-своему прав. Один убегал, другой догонял. Победитель прав. А тут еще северянин взглянул на китайца.

Улыбка, осветившая его малоподвижное лицо, могла означать только одно – китаец решил позабавиться.

– Господин имеет в виду невысокого, толстого человека, который ездит на лошади саловой масти, носит зеленый, расшитый шелком халат, а за отворотом рукава прячет лепешку гашиша?

Едва Дзигоро начал говорить, как хорасанец насторожился. С каждым словом китайца волнение его нарастало. Наконец он не выдержал и перебил:

– Да, это он! Куда провалилась эта грязная компания?

– Господин, я их не видел...

Лицо Ардашира перекосила ярость. Он ястребом слетел с седла и скогтил Дзигоро за ворот.

– Ты что, оборванец, на солнце перегрелся? Или думаешь, что я не смогу развязать тебе язык?

Йонард почувствовал, как шерсть на его загривке приподнимается, а верхняя губа, подрагивая, ползет вверх, обнажая белые, похожие на сабли клыки. Словно по команде, хорасанские стражники потянули свои скверные сабли из ножен. Сабли скверные, но три десятка!

Дзигоро осторожно обхватил запястья хорасанца большим и указательным пальцами и отвел его руки без заметных усилий.

– Я не видел разбойника по имени Хаим-Лисица, – повторил Дзигоро, – но я нашел клочки его одежды меж двух кустов, где худой человек прошел бы свободно. Масть лошади я узнал по клочку шерсти, а про гашиш догадался по запаху. Еще я видел неостывшие следы его шайки и прочел их. Они направились на юго-запад, в сторону гор, и если вы поспешите, вы их еще нагоните. Хаим слишком тяжело нагрузил своих усталых коней.

Хорасанец был, видимо, из тех, кому ничего не нужно объяснять дважды. Он не стал расспрашивать Дзигоро, по каким признакам тот догадался, что шайка уходит в горы. Взлетев в седло, он махнул рукой и вскоре, подняв тучи пыли, конная стража исчезла за горизонтом.

* * *

Йонард-пес лежал в сарае, за запертой дверью, и слушал, как наверху суетится трактирщик, легконогие девушки торопливо разносят кувшины с вином, а на вертеле проворачивается аппетитный кусок жаркого. В желудке заурчало. Еще никогда он не был так зол на свою «собачью» жизнь. Если бы не проклятый колдун, не лежал бы он сейчас в мерзком сарае, облизывая собственные лапы, а сидел бы наверху, рвал крепкими зубами сочное мясо, обсыпанное сухарями, заливал фалернским вином и ловил на себе восхищенные взгляды молоденьких служанок. Вот жизнь была! Йонард едва не взвыл от тоски, но вовремя сдержался. Китаец пристроил его сюда за две монеты, убедив трактирщика, что «собачка смиренная, не кусается». При этих словах Дзигоро шерсть на загривке у Йонарда встала дыбом, но легкая, сухая рука мягким похлопыванием по спине напомнила ему, где он находится и как нужно себя вести.

Через небольшое оконце в стене, до которого он смог дотянуться, пес оглядел улицу. Мимо проходил всякий сброд, жаждущий только дешевой выпивки.

«И чего Дзигоро занесло в эту зловонную дыру?» – проворчал про себя Йонард, провожая взглядом выползающего из таверны длинного иранца. «Вот ведь наедался», – обливаясь, подумал пес. Жаль, но вкус вина давно позабыт как сладкий сон из прошлой жизни. Бывший хозяин Хорасана прополз на четвереньках мимо собаки и упал в сточную канаву. Через минуту уши Йонарда уловили смачный храп.

«Человек привык жить в дерьме. Он вообще ко всему привыкает...» – начал было философствовать Йонард, но закончить рассуждения ему помешали.

Несколько всадников круто осадил коней возле кабачка и неловко слезли. Варвар узнал в них пелиштимийских наемников, когда те проходили рядом. Их приземистые фигуры и горбоносые физиономии, заросшие густой растительностью, были знакомы ему еще с первой встречи. Он вспомнил Керама и его потасовку со стражниками. Пес проводил людей долгим взглядом горящих глаз. Первый широко распахнул дверь, и из кабачка вырвались звуки пьяных песен на разные голоса. Разношерстная толпа шумно гуляла, отмечая только им одним понятный праздник. Стражники скрылись за дверью.

«Уж не забыл ли Дзигоро про меня?» – мелькнуло в мозгу пса, когда он отошел от окна, не в силах больше смотреть на эти пьяные рожи, и вновь улегся, лелея мечту о сытном обеде.

На улице послышались негромкие голоса. От скуки и чтобы заглушить голод Йонард прислушался.

– Я тебе говорю, это тот самый. Сейчас зашел в трактир и сказал старому Самилу, что желает сделать запас в дорогу.

– А чудище, которое с ним?

– Да какое там чудище, простая собака, – фыркнул первый голос. – Пес заперт. И мудрец сказал, что он у него мирный.

Йонард впервые подумал, что у его теперешнего состояния есть и свои преимущества. Например, обостренный собачий слух оказался весьма кстати. Он затаил дыхание, стараясь не пропустить ни слова.

– И сколько, говоришь, египтянин обещал за этого желтого сморчка?

– Пять тысяч золотых.

– Пять... тысяч... золотых? – переспросил второй голос, – да кто он такой, этот Дзигоро? Князь китайский?

– Ну, у мага с мудрецом свои счета, нам в них вмешиваться не стоит. Но если пять

тысяч разделить даже на пятерых, уже по тысяче получится.

Голоса стихли.

Йонард приподнял лобастую голову. Египтянин? Уж не тот ли это египтянин, который натянул на него собачью шкуру? Танат заberi его потроха! Ведь Йонард же ясно помнил, как в ту злополучную ночь под его зубами хрустели кости, как лопнула жила в порванном горле мага, и как Йонард долго сплевывал противную соленую кровь... Выходит, не добил! Как же он опростоволосился? Внезапно новая мысль обожгла его, как удар плети. Стражники сговаривались схватить Дзигоро и продать его хозяину Черной башни.

Эту мысль Йонард додумывал уже на ходу. И свелась она к холодной ярости, которая перебила даже беспокойство за мудреца.

Щеколда отлетела с первого удара, и серая молния метнулась через двор и по лестнице наверх. Жалобно вскрикнула перепуганная девчонка-служанка, со звоном покатылся поднос. Дверь выросла перед Йонардом-собакой, и он не успел хорошенько обдумать, как преодолеть эту преграду, как та, сорванная с петель телом стражника, пролетела мимо и рухнула вместе с ним в придорожную пыль.

«Ух, Хрофт! Вот это удар!» – восхитился Йонард. А следом за первым по лестнице скатился следующий, и грохот падения утяжеленного кольчугой воина заглушил стоны его товарища.

В дверном проеме показался Дзигоро.

– Ну что, голубчик, заскучал? – увидев своего друга, он мягко улыбнулся.

Пес уставился на китайца непонимающим взглядом.

– Не желаешь миску похлебки? – неожиданно спросил он.

При упоминании о еде у пса потекли слюни.

– Заходи, – предложил Дзигоро, исчезая за дверным косяком.

Йонард последовал за ним.

Внутри таверна пострадала незначительно. Пара сломанных стульев, перевернутый стол да несколько разбитых бутылок – обычное дело. А посетителям хоть бы что: сидят, пьют, как будто ничего не произошло. Только на полу покряхтывает еще один стражник. Дзигоро принес откуда-то миску с варевом и поставил перед собакой.

– Ешь, – произнес он, взглядом указывая на еду, – на чужой стороне и свой пес – земляк.

Йонард оглядел присутствующих и, убедившись, что на его порцию никто не претендует, приступил к трапезе. Контуженый стражник, издав протяжный стон, приподнялся на локтях в такой близости от миски германца, что ему пришлось зарычать.

– Кушай, не отвлекайся, – погладив пса по холке, произнес китаец.

Он уселся на скамью рядом, охраняя покой друга. Для здорового пса миска оказалась не так глубока, как ему хотелось. Вдруг он уловил далекий стук копыт. Лихой бег коней нельзя было спутать ни с чем. Пес встревожено поднял уши, вопросительно посмотрел на Дзигоро. Тот явно тоже что-то услышал. Его брови сдвинулись, и без того узкие глаза вытянулись в тоненькие полоски.

«Интересно, – подумал пес, узнав в надвигающемся шуме ровный стук копыт, – куда это могут спешить иранские воины?»

Подковы зазвякали совсем близко и, наконец, замерли. С улицы донеслась крепкая иранская ругань.

«Видно, заметили стражников», – догадался Йонард, уловив звон стали.

Рослые воины Ирана величаво, как истинные хозяева, один за другим вошли в кабачок. Их презренные взгляды скользнули по посетителям и остановились на распластанном стражнике. Вперед выступил иранец в нарядных доспехах и красном плаще.

– Кто?!

Кабачок притих. Германец прижался к ноге Дзигоро, ожидая дальнейшего оборота событий. Китаец наклонился над ухом Йонарда, тихо сказав:

– Любопытно, не правда ли?

– Молчать! – взревел иранец. – Я последний раз спрашиваю! Кто это сделал?!

Лицо его налилось краской, левая щека задергалась в нервном тике, и он заорал на весь кабак:

– Вы что, воды в рот набрали? Никто не видел, куда делся преступник?!

Не дождавшись ответа, капитан махнул своим рукой. Блеснули клинки, покидая ножны.

– Господин, – учтиво поклонившись, произнес Дзигоро, – разрешите мне сказать.

Капитан осмотрел неказистого китайца с ног до головы и снисходительно произнес:

– Если у тебя есть, что сказать – говори. Выдашь преступника – я прощу твою дерзость, солжешь...

Он закончил свою мысль красноречивым жестом. Острые сабли уперлось Дзигоро в грудь.

– Я не намерен лгать, господин, – спокойно ответил он.

– Отлично! – чуть мягче произнес иранец, не отнимая клинка.

– Они не смогли договориться между собой, кто первым из них должен выйти из дверей. И беседа их длилась столь долго, что был вынужден я прийти к ним на помощь, указав достойнейшего из них. Тот, кто был старшим, согласно чину, возрасту и многим военным доблестям, украшающим его жизненный путь, написанный не стираемыми знаками на премудром челе, и вышел первым, – слегка качнув головой в сторону неподвижного тела, все так же невозмутимо продолжал Дзигоро.

Только начав проясняться, лицо капитана вновь побагровело.

– Ты? – не поверил стражник, озирая глазами тщедушного китайца.

– Шаху Хорасана стоило бы тратить больше денег на обучение городской стражи. Тем более, господин, ведь эти затраты всегда окупятся.

Такой неслыханной наглости капитан не ожидал. Мгновенная смерть была бы расплатой за такие слова! Дзигоро прочел это в его мгновенно сузившихся глазах. Лево́й рукой он мягко отвел саблю от своей груди. Стражник не шевельнулся, точно заколдованный. Правая рука китайца метнулась к лицу хорасанца, но в полудюйме от переносицы кулак Дзигоро вдруг превратился в открытую ладонь и замер. Капитан плавно опустился на колени, устремив в пустоту стеклянный взгляд. Дзигоро сделал шаг в сторону, и тело гроыхнуло об пол.

Стражники переглянулись. На лицах хорасанцев даже не слишком наблюдательный человек без труда прочел бы недоумение и страх. В землях Ирана и Палестины колдунов не любили и боялись. Возможно потому, что были с ними слишком хорошо знакомы. Земля Кемет была близко, и хотя маленький человек не слишком походил на египтянина, но ведь любому ясно, что колдун может превратиться во что пожелает. Во всяком случае, этот огромный пес был точно воплощенным демоном.

Разве бывают собаки с такими холодными серо-зелеными глазами, собаки величиной с жеребенка и с презрительной, чисто человеческой ухмылкой?

И поэтому, когда Дзигоро шагнул к выходу, никто не осмелился его остановить. Пес последовал за ним, пятясь задом и тихо рыча.

Оказавшись за дверью, китаец быстро огляделся, нашел окно, ведущее во двор и, проскользнув в него, бесшумно прыгнул вниз. Йонард, не раздумывая, нырнул следом. Это было действительно неглупо. Не то чтобы стоило бояться встречи с двумя побитыми стражниками, которые наверняка уже пришли в себя, просто для великого колдуна самым естественным поступком было бы бесследно раствориться в воздухе.

Но, видимо, это был несчастный день. Через высокий забор они перемахнули легко и быстро, однако стражники Хорасана отошли от испуга еще быстрее. Их заметили. Возможно, капитан пришел в себя и его гнев показался им страшнее, чем магия неведомого чародея. Или выиграла гордость. Сначала пес услышал, как по лестнице загрохотали сапоги, а потом, оглянувшись на бегу, увидел, как от полновесного пинка отлетел ставень, и закачался на одной петле. Особо нетерпеливым путем через окно показался короче, и Йонард едва не

взвыл, когда понял, что Дзигоро от всадников не уйти. Пусть так. Что бы там ни было, а друга Йонард не бросит!

Пес развернулся в сторону приближающейся опасности, злобно рыча и скалясь.

– Не надо, их слишком много. Нам с ними не справиться, – Дзигоро подошел к германцу и, положив на спину собаки руку, добавил: – хотя выход, дружище, пожалуй, есть. Если ты согласишься понести меня.

Уловив на себе вопросительный взгляд друга, Йонард согласно кивнул.

– Вот и ладно, – с облегчением произнес Дзигоро, усаживаясь на спину пса. – Вперед, мой друг.

И Йонард понес его вперед по тропинке. Странно, но он почти не ощущал веса седока.

«Ну, конечно, – подумал варвар, – жрет одну траву». Северянин с каждым новым прыжком ощущал необыкновенную легкость. Теперь он не чувствовал и своего веса. Он заглянул себе под ноги... лапы перебирали не сырую землю, а воздух...

* * *

Одиноким всадник от удивления вывалился из седла. Его кобыла беспокойно забила копытами и, позабыв про хозяина, умчалась в ночь. Спешенный человек то боязливо поглядывал на небо, то принимался страстно молиться. Такого он в своей жизни еще не видывал. По звездному южному небу гигантский белый ястреб нес свою жертву в гнездо. Большой пес в когтях птицы усиленно перебирало лапами, словно стремясь вырваться из плена. Мощный взмах крыльев – и человека обдал ветер, донесший тонкий звук поющих на ветру перьев.

* * *

В рыжие пески медленно опускалось яркое малиновое солнце. Темнело.

Дзигоро сидел, завернувшись в серый дорожный плащ, и задумчиво глядел на часто дышавшего пса.

– По-моему, это все уже было, – задумчиво проговорил он, – мы с тобой сидели в овраге, и ты...

В этот момент пес извернулся и яростно защелкал зубами в шерсти.

– Блохи? – посочувствовал Дзигоро, – чего же ты не дал себя помыть?

Пес рыкнул, потом взвыл и вдруг разразился солдатским проклятием:

– Танат забери твои потроха, стерва кусачая!

Дзигоро в изумлении уставился на огромного голого варвара-северянина, с отборной бранью растиравшего укушенное бедро.

– Ну, правильно, – кивнул китаец, – теперь я вспомнил твое имя. С возвращением в мир людей, Йонард из Германии.

– Хрофт! – выругался варвар. – Не мог предупредить, что превращать будешь? Я бы хоть штаны в трактире прихватил.

Дзигоро весело рассмеялся, откидывая голову.

– Что я такого сказал? – нехорошо сощурился варвар. – Я тебе, конечно, благодарен, и все такое...

Дзигоро смеялся, хлопая себя по коленям и мотая головой.

– погоди! – всхлипывал он, – погоди, дай опомниться! Уморишь ведь, северянин.

Йонард набычился, с неодобрением разглядывая развеселившегося мудреца.

– Ну и куда я теперь пойду в таком виде? По караванному пути пугать лошадей еверов?

Дзигоро внезапно стал серьезным. Его карие глаза сочувственно улыбнулись в темноте.

– С рассветом ты опять станешь зверем, Йонард. Собачья шкура слезла с тебя оттого, что сегодня новолуние. Но солнечный свет вернет заклятие. Если помнишь, я предупреждал тебя быть осторожным в желаниях.

– Что ты хочешь сказать? – Йонард сел, подтянув к груди длинные волосатые ноги. – С рассветом я опять стану собакой?

Дзигоро снова кивнул.

– И ты ничего не сможешь сделать? – Йонард в волнении мотнул лохматой головой. – Как же так? Ты же великий маг, Дзигоро?

– С чего ты взял, юноша? – улыбнулся китаец. – Я не маг. Не больше, чем ты.

– Но я же видел! Я видел, как ты на моих глазах превратился в ястреба!

– То, что ты видел, ничего не значит, Йонард, – Дзигоро отчего-то вздохнул, – не всегда стоит доверять глазам. Они могут обмануть. Тебе ли этого не знать, вошедшему в Черную башню через врата Заката. Я просто отвел глаза стражникам Хорасана. Магии в этом совсем нет. Они видели то, что хотели видеть. Могущество мага, страшную птицу, вспышку света... Теперь им будет, чем оправдываться перед десятниками. Одно дело, если ты отпустил нищего китайца с собакой, другое дело – если не смог сладить с великим чародеем.

– Значит, с рассветом я снова стану собакой, – угрюмо повторил Йонард.

– Боюсь, что так.

Варвар сдавленно зарычал и тут же осекся.

– Хрофт! Но почему пес. Лучше бы волк. Волк благородное животное. У меня на родине все бояться вервольфа.

– А чем тебе пес не волк. У них одна сущность и одна кровь.

– Ну все же... и потом, я был уверен, что убил колдуна.

– Мага не так-то просто убить, – снова вздохнул Дзигоро, – так же, как и оборотня. Для обычного оружия он неуязвим. Да и против необычного тоже. У каждого мага есть свое слабое место и, как правило, они это тщательно скрывают.

– Я убью египтянина, – сумрачно сообщил Йонард как о давно решенном. – Не отговаривай меня, мудрец. Мой бог не запрещает проливать кровь.

К его изумлению Дзигоро не спорил.

– Дело твое, Йонард, – тихо проговорил он, – только вряд ли это тебе поможет. Ты стал зверем не потому, что египтянин пробормотал над тобой пару глупых заклинаний. Они ничего не значат, поверь мне.

– То есть как? – удивился Йонард.

– Надо мной он махал шкурами и бормотал свои посредственные стишки трижды, если не ошибаюсь, но, как видишь, ничего не добился. Мне удалось уйти оттуда. Не спрашивай, как. Я начну объяснять тебе простые вещи, а ты снова увидишь в этом магию. На самом деле воля может разбить любые оковы, даже укрепленные черным колдовством. И никакого волшебства в этом нет. Ты был наполовину зверем, когда египтянин схватил тебя, залитого кровью, обезумевшего от ярости, не рассуждающего, желавшего только двух вещей – свободы и убить хозяина башни.

– Откуда ты это знаешь? – потрясенно спросил Йонард.

– Я видел это в твоих глазах в тот день, когда ты чуть не убил меня.

Йонард ткнулся лицом в камни.

– Так что же, по-твоему, пусть живет и продолжает плодить своих непотребных тварей? – сдавленно спросил он. – А как же Керам? А Малика, которую я убил, не зная, что она моя сестра по несчастью?

– Малика? – неожиданно заинтересовался Дзигоро. – Пантера? Она жива.

– Жива? – Йонард резко выпрямился. – Как жива? Я, вообще, в ту ночь кого-нибудь убил, или мне все приснилось? А может, и Черной башни не было, и то, что я был собакой... – Йонард замолчал, видя, что Дзигоро качает головой. – Откуда ты знаешь, что она жива?

– Я видел ее, – мягко ответил китаец. – Я видел их всех. Малику, Кераму и Кошифа, который меня сторожил... да не усторожил. Египтянин разозлился на него и решил превратить в крысу. Но так как эта гадина весьма ядовита, у него получилась помесь крысы с тарантулом. Оборотня так просто не убьешь, Йонард. И это, кстати, объясняет и то, что ты сам до сих пор жив. Любая нормальная собака от таких ран издохла бы на месте, а на тебе

они затягивались на глазах.

– Так ты теперь скажешь, что я этого типа благодарить должен за собачью шкуру? – проворчал Йонард.

– Ну, в некотором смысле – да. По крайней мере, он дал тебе возможность заглянуть в свою душу. Мудрец дорого бы дал за такой урок.

– К Танату такую мудрость, – обозлился Йонард, – бегай на четвереньках, нюхай землю. Блохи опять же. Нет, Дзигоро, я все-таки убью египтянина! И на этот раз убью как следует!

– Делай как знаешь, – пожал плечами китаец. – Только имей в виду: поединок меж вами неизбежен, и одни боги знают, чем он может кончиться. Возможно, ты снова станешь человеком. Если будешь готов.

– Готов? – переспросил Йонард.

– В каждом из нас с рождения сидит зверь. Он заставляет нас испытывать жадность, страх, бессмысленную ярость. Быть готовым – значит быть уверенным, что сумеешь удержать своего зверя на привязи. Ты уверен в этом?

– А если я не сумею удержать зверя? – спросил Йонард.

– Останешься навсегда собакой, – просто ответил Дзигоро. – Думаешь, ты один такой? Э! Кто знает, сколько из тех гиен, которые рыщут вокруг, когда-то были могучими и хитрыми царедворцами при дворе императора Ирана.

Китаец негромко рассмеялся. И Йонард присоединился к нему, хотя было ему совсем не весело.

Знакомый рисунок созвездий заметно сместился к западу. Ночь уходила. Луна скрылась, но солнце еще не взошло. В наступившем кратком сумраке глаза уже могли различить очертания барханов на восходе и украшавшие их колючие кустарники.

Йонард встал, с наслаждением выпрямился, потянулся.

– Пойду... пройду, – туманно объяснил он, – похожу на двух ногах... пока могу.

Дзигоро кивнул, не глядя на варвара. Едва могучий германец скрылся, рядом послышался знакомый шорох. Дзигоро неторопливо обернулся и увидел того, кого, собственно, и ожидал увидеть – огромного питона с головой маленькой смешной обезьянки. Он поглядел под ноги и увидел крысеныша на паучьих лапах. За спиной раздался очень мягкий удар о землю.

– Здравствуй, Малика, – улыбнулся Дзигоро, – здравствуйте, создания.

Как и в прошлый раз, ответ на невысказанный вопрос возник в его голове.

– Нас послали за тобой, человек. Тебя ждут.

– А как же луна? – удивился Дзигоро.

Он не спросил, где его ждут. Послать за ним эту троицу мог только египтянин. Когда Йонард-пес притащил на его порог окровавленную тушу и Будда отвернулся от его жилища, эта встреча стала неизбежной. Пожалуй, он знал это.

– Сегодня врата откроются до рассвета, – только губами ответил Кошиф. – Хозяин сделает это специально для тебя.

– Я тронут, – улыбнулся Дзигоро.

– Ты пойдешь с нами? – недоверчиво спросила Малика.

– Да, я пойду, – кивнул Дзигоро. – Я готов к встрече.

– Ты готов пролить кровь одного из нас?

– Нет.

– Значит... ты собираешься пролить кровь хозяина?

– Нет.

– Я не понимаю тебя, – Дзигоро почти воочию увидел, как Малика-женщина пожимает плечами.

– Это не страшно, – ответил он. – Главное, чтобы понял Йонард.

Глава восьмая

Темневший вдали силуэт горной гряды задрожал и расплылся неуклюжей кляксой, похожей на осьминога. Через минуту его скрыла стена белесого тумана, немного подкрашенного золотисто-алыми лучами солнца. Врата Заката, которые на этот раз стоило назвать «врата Рассвета», снова, уже второй раз закрылись за ним, и Дзигоро в сопровождении своего странного эскорта шагнул в тень зловещей башни.

Его окружила тишина. Ни голосов, ни шороха ветра в траве, ни шагов по мощеному двору, ни лязга оружия. Замок чародея словно вымер, только узкие окна, похожие на бойницы, продолжали все так же светиться колдовским зеленым светом. Неожиданно Дзигоро понял, что он один. Сопровождавшие его твари куда-то исчезли. Он оглянулся, но быстрый взгляд его не уловил даже мелькнувшей тени. Китаец пожал плечами и потянул на себя массивную дверь.

Внутри его тоже никто не встретил. Никто не пытался остановить его, или, наоборот, подтолкнуть вперед. Замок был пуст. Впрочем, Дзигоро не собирался поворачивать вспять. Врата Заката закрылись за ним, и идти ему было попросту некуда. Разве что вперед.

В обители мага не было ничего, что могло бы поразить воображение Дзигоро. Подземный огонь был пригашен, треножник над очагом пуст, а Дзигоро ожидал увидеть на нем непременно чашу с магическим зельем. Такой же пустой была и ниша в дальнем углу помещения, перегородженная толстыми железными прутьями с острыми крючьями по всей длине. Совершенно бесполезными и ненужными казались цепи, врезанные в камень стен. Вот стол около одной из них, почти совершенно пустой, не считая нескольких прозрачных флаконов с какими-то жидкостями, действительно показался Дзигоро подозрительным.

– Ты все-таки пришел? Не слишком же ты торопился...

Дзигоро обернулся на этот до дрожи знакомый, омерзительный голос, и заметил маленького лысого человечка в цветном халате до пят.

– Да, я не торопился, – кивнул китаец. – Никто не может убежать от судьбы, но и за ней бежать глупо и недостойно...

Египтянин презрительно расхохотался:

– Ну-ну. Твоя мудрость подобна слишком глубокому колодцу. Из него можно любоваться звездами, но трудно доставать воду.

– Зачем ты хотел видеть меня? – перебил Дзигоро.

– Станный вопрос, – египтянин рассмеялся снова. – Чтобы убить. Помнишь предсказание: ты станешь источником моей гибели. Умный человек должен оградить себя от удара.

Китаец повел плечами. Лицо его осталось бесстрастным.

– От судьбы не уйдешь, Тумхат, и если мне суждено стать причиной твоей смерти, значит, так оно и будет. Ты ничего не изменишь в рисунке своей судьбы, он начертан задолго до нашего рождения, и стереть его может лишь та рука, которая его начертила. Но, если хочешь, попробуй.

– Ты так уверен в своем искусстве? – подозрительно сощурился египтянин. – Или в своем счастье? Или в покровительстве своего бога?

Китаец сдержанно покачал головой.

– Я уверен лишь в одном: свершится то, что предначертано богами и ничто иное – это единственная защита, которая у меня есть, и это единственная защита, которая мне нужна. Если хочешь меня убить – убей. Но предупреждаю, это будет нелегко.

– Ты не боишься? – египтянин с недоверием оглядел Дзигоро.

– Кто боится богов, тот больше никого не боится, – последовал ответ.

Внезапно худощавая фигурка китайца как-то неуловимо изменилась. Он не стал выше ростом или шире в плечах, не сделал ни одного угрожающего движения. Но его тело словно облекли невидимые доспехи. Египтянин смотрел на него с недоумением, граничащим с ужасом. Дзигоро был беззащитен, глаза мага говорили ему об этом, но острое чутье чародея предупреждало – любая попытка применить силу наткнется на силу еще большую, и

неизвестно, кому будет хуже. Неожиданно египтянин понял, что Дзигоро видит его замешательство, и это второй раз неприятно царапнуло его гордость. Он чувствовал, что сдерживает себя из последних сил. Внезапно пол комнаты заволокло туманом. Туман этот, пахнувший серой и болотными испарениями быстро густел, набирал силу и плотность, с каждым мгновением подбираясь все ближе и ближе к неподвижному Дзигоро. Он был похож на хищное чудовище, которое проснулось, чувствует голод, видит добычу и аккуратно, чтобы не спугнуть, подбирается к ней на мягком брюхе.

Дзигоро не шевельнулся. Остановившимся взглядом он смотрел в одну точку на стене, не замечая или не желая замечать, как туман подбирается все ближе и ближе, облизывая его голые ступни и, поднимаясь выше, касается развернутых ладоней. Дзигоро не смотрел вниз. Не смотрел он и на Тумхата. Взгляд его светлых серых глаз был обращен вовнутрь. Китаец был непостижимо, пугающе спокоен. Тьма поднялась почти до самого потолка, сгустилась и обволокла его плотным коконом, сквозь который уже нельзя было разглядеть одинокой неподвижной фигуры. Египтянин шевельнул пальцами, и в коконе полыхнуло светом. Дом содрогнулся, склянки на столике отозвались жалобным звоном. Маг жадно вглядывался в тусклый кокон. Но вот туман понемногу рассеялся, теряя черноту и плотность, и возникла фигура Дзигоро. Он был все также каменно неподвижен, спокоен и бесстрастен. И, провалиться ему на этом месте, совершенно невредим. Хотя должен был стать кучкой пепла, сгореть в пламени Кольца Силы!

– Это была всего лишь проба моего могущества, – сдавленно проговорил Тумхат, – сейчас ты узнаешь настоящее искусство.

– Я буду благодарен за урок, – ответил Дзигоро.

Тьма снова сгустилась, но на этот раз она была более агрессивной. Она двигалась, выстреливая жадные языки серого дыма, похожие на щупальца гигантского спрута или тела жирных змей. Египтянин скрестил руки на груди и устремил такой же неподвижный взгляд в центр им же устроенной бури. Узкий язычок белой молнии вырвался из тумана и ударил в китаец... Но нет! Не в него! Молния словно налетела на какую-то невидимую преграду и с треском раскололась во взмахе ресниц от цели. Далекий-далекий гром прозвучал как запоздалое сожаление. Туман, угрожающе близкий, замкнулся вокруг Дзигоро в кольцо, это кольцо приподнялось с пола, поползло вверх и замерло на уровне груди. В треске разряда в нем взорвалась еще одна молния, еще... а потом они посыпались дождем, сотрясая замок Тумхата до основания.

В узком проеме окна было видно, как, словно привлеченные бурей, к башне поползли самые настоящие тучи – седые, тяжелые, полные агрессивной злобы. Ветер рвал их в клочья, стараясь разметать по черному бесстрастному небу с редкими огнями звезд, но тучи неумолимо сгущались, заволакивая небо, и в их недрах зрела страшная, доселе невиданная гроза. И она разразилась. Небо потемнело с ошеломляющей быстротой. Зрима, осязаемо-плотная тьма неотвратно и также стремительно, как коршун на куропатку, упала с заоблачных высот на землю, в одно мгновение скрыв от человеческого взора все видимое пространство, заполненное до того желтыми песчаными барханами, а теперь – черными клубящимися волнами грозowych туч. Эти волны, пенящиеся по краям белыми гребнями, катили над пустынной землей вал за валом. И так же, как и морским волнам, не было им ни конца, ни края, движение их казалось вечным. Не было уже неба, не было и тверди земной. Тьма. Одна тьма. Везде и всюду. Неразделимая. Слитая воедино чудовищным натиском враждебной всему живому воли.

Убивающее всякую надежду безмолвие воцарилось в мире. Ни шороха, ни звука, ни даже малейшего шелеста сухих чешуек песка. Ветер тоже словно умер, как будто до этого он сам принадлежал миру живых. Все замерло, погруженное во тьму. И вдруг где-то там, там, где должна быть середина того пути, что ведет с неба на землю, появилось нечто... Нечто не поддающееся описанию, как нельзя описать скользящую в воздухе тень крыльев ласточки или танец светлячка под пологом спящего леса. Края туч стали полупрозрачными и замерцали тихим, неярким сиянием, медленно перетекающим с вершин по бокам и оттуда к

самому низу. От этого сияния время от времени, а затем все быстрее и быстрее начали отрываться искорки, точно капли тумана собирались в одну широкую светящуюся ленту. Она растянулась от восхода до заката, заново поделив мир на два непримиримых лагеря.

Это мертвенно-бледное сияние все текло и текло из облачных недр. Земля безмолвствовала. И только, точно отблеск небесной туманной реки, по гребням песчаных волн пустыни засияли россыпи светло-голубых брызг, четко очерчивая контуры каждого бархана. Брызги, нет, скорее всего, это были капли земной влаги, выступающие на поверхность из глубин самого песчаного моря. Капли сливались друг с другом, поднимались над землей, и вскоре ярко-синее пламя сворачивалось в вихревые кольца, прорезая своими всполохами сгустившуюся тьму. Зрелище было одновременно и устрашающим, и завораживающе-жутким. Сочащаяся мерным сиянием тяжелая громада грозowych облаков, перетекающая в уже начинающую вспухать от переполняющих ее сил реку света, и под ними море синего огня, в свою очередь поднимающегося все выше и выше. И вот, вскоре между рекой и морем осталась лишь узкая полоска тьмы, не шире человеческой ладони, а сквозь них виднелись очертания ближних отрогов гор, но слабые и дрожащие, точно в жарком мареве солнечного дня.

Противостояние не могло длиться вечно. Мир пребывает в равновесии, потому что он в постоянном движении. Весь мир, казалось, теперь пришел в движение, рванулись друг к другу два света и два пламени, белый и синий. На один только стук сердца они стали одним целым, преодолев узкий черный разрыв между ними, и, соединясь, тут же были стянуты могучей и неодолимой, неземной властью в тугой сверкающий кокон, изливающий вокруг себя нестерпимое сияние. Что могло случиться дальше, уже никто не взялся бы предсказать, такая безмерная сила была сосредоточена в том коконе. Страшила даже сама мысль о возможности выхода этой энергии наружу.

Точно два толстых, плетеных из джута, багровых каната, как две руки, сверху и снизу протянулись к сиянию во мраке. Границы миров разошлись, подобно краям зияющей раны. И... все исчезло, словно весь сгусток энергии вырезали из плоти вселенной, оставив взамен черную дыру. Лишь только на мгновение после слепящей вспышки наступила абсолютно непроглядная темень.

Застигнутые бурей в пустыне караваны сбились с проторенных дорог, рассеялись по пескам в страхе и суеверном ужасе перед разбушевавшейся стихией. Животные – мулы, верблюды – не слушались ни людских окриков, ни ударов плетью. Разбрасывая в стороны поклажу, бежали рабы, безуспешно пытаясь найти убежище среди пустынных барханов. Когда же в округе вновь воцарился мрак, то у несчастных людей забрезжила в сознании слабая надежда на спасение, на то, что, может быть, им все-таки, удастся избежать столь ужасающе-неотвратимой гибели в войне миров и начавшемся вселенском хаосе.

Но только они перевели дух, поднимая головы от земли, стряхивая с себя мертвый песок, как прямо над ними, на расстоянии всего каких-то нескольких лиг, в самой сердцевине облачных громад блеснула, как зеркальная поверхность хорошо отточенного клинка, белая змея молнии. Она рассекла всю толщу колышущейся плоти туч сверху донизу, от самой недоступной ничьему взору вершины до почти ползущего по земле брюха. Тут же последовавший за этим удар грома был так силен и страшен, что едва не разорвал на части черепа оглушенных людей. Их многоголосый крик отчаянья и ужаса потонул в глухом протяжном гуле, который, уже не стихая, сопровождал все усиливающийся и усиливающийся ливень молний. Сначала одиночные, затем разряды огненных стрел стали свиваться между грозowymi облаками в клубки светящихся змей, соединяясь в гигантские извивающиеся плети, будто кто-то невидимый неистово нахлестывал стихию и без того бушевавшую над миром, злобя ее еще больше, доводя до иступленного безумия. В какой-то момент рухнули, наконец, сдерживавшие этот разрушительный натиск силы равновесия энергий.

К земле устремился огромный извивающийся шнур-змея, первый проводник, прокладывающий путь другим пламенеющим и жалящим тварям. Началась война. Битва

земли и неба. Они изрыгали друг в друга тьмы и тьмы огненных стрел. Песок плавился, воздух сгустился и кипел, выжигая жадно хватавшие его легкие людей и животных. Уродливые рубцы запекшейся земной плоти покрыли барханы, черный маслянисто-липкий пепел сожженных заживо реял над полем битвы. По обе стороны света бок обок медленно всходили два гигантских светила, две звезды, белая и синяя. И по мере того как поднимались они над горизонтом, плавились и стекали к подножиям вершины каменных гор, скованные до того времени ледяными оковами.

В центре этого вселенского столпотворения стоял Дзигоро, бесстрастный, как вечное небо над его головой. Он был по-прежнему невредим.

– Я очень ценю твой урок, – произнес он. – Но не мог бы ты убраться бурю с равнины, не стоило вмешивать в наши дела ни в чем не повинных купцов и караванщиков. Если ты очень устал, пытайся меня убить, то так и быть, я сам займусь этим.

– Ты?

– Или?

– Ты же всегда презирал магию.

– Я и сейчас считаю, что нельзя приказывать тому, кто подчиняется лишь воле всемогущих богов. Но если ты не против, я попрошу бурю успокоиться.

Озадаченное и злобное выражение лица египтянина сменилось презрительным. Дзигоро, не обращая на него ровным счетом никакого внимания, свел ладони вместе и прошептал несколько слов, которых маг не смог расслышать. И, о чудо! Произошло то, в чем египтянин не мог признаться даже самому себе, так быстро смирить гнев стихий не смог бы даже его повелитель. Толщи грозowych облаков таяли прямо на глазах, превращаясь в легкую серебристую дымку, которую тут же унес вдаль свежий ветер с верховий гор.

– Впечатляет, – кивнул египтянин и едко добавил: – но не слишком. Кто ты без своего бога? Никто. Меньше, чем никто. Презренный червяк под моей сандалией. Ты ни-ко-гда не сможешь меня погубить. Предсказатель ошибся, китаец. Ты слишком ничтожен. Пожалуй, мне стоит отпустить тебя. Ты безопасен.

Губы Дзигоро дрогнули в едва заметной усмешке.

– «Никогда» – это слово, которое не пристало произносить смертным. Они не знают его подлинного смысла. «Никогда» – это слово богов.

– И тех, кто равен богам, – вскричал египтянин.

– Героев? – бровь Дзигоро слегка приподнялась, нарушая симметрию, отчего лицо его стало молодым и веселым. – Возможно. Их немного. И ты не из их числа.

– Ты думаешь, твой пес из их числа? – прошипел маг, наливаясь ехидной злостью. – И это слово пристало ему? Но как же быть, ведь он лишен дара речи.

Китаец медленно покачал головой.

– Зря ты так поступил с Йонардом. Время обретения утраченного еще не наступило, но оно настанет. Тумхат, оно неотвратимо, я чувствую его приближение, и ты его чувствуешь, и вся твоя злоба от страха. Ты боишься, Тумхат, боишься и правильно делаешь. Этот человек не умеет прощать такие обиды.

– Я не боюсь собак, – огрызнулся египтянин.

– Напрасно, – Дзигоро расслабился, повел плечами, разгоняя остатки морока, и сделал шаг.

Тумхат невольно попятился.

– Я не трону тебя, – мягко проговорил китаец. – В моем сердце нет ни злобы, ни желания мстить тебе. Ты такое же орудие судьбы, как и я. Но Йонард иное. Он решает сам. И своим прямотушием он рвет сплетенные вокруг него сети коварства. Ты уверен, что правильно понял предсказание? А что если не я, а варвар из Германии послужит орудием твоей гибели?

Египтянин выпрямился. Высказанная Дзигоро мысль поразила его в самое сердце.

– Ты напрасно сказал мне об этом, – проговорил он, наконец. – Теперь я точно найду и добыю этого шелудивого щенка.

– Во всяком случае, попытаешься, это точно, – кивнул Дзигоро. – Что ж, удачи не желаю. Я читал знаки, которые судьба начертала над головой варвара. От твоей руки он не умрет. Ему суждено стать родоначальником династии великих правителей. Так что не советую тебе с ним ссориться.

С этими словами китаец вышел и аккуратно прикрыл за собою дверь, оставив мага кататься от бессильной злобы среди разбитых склянок с вонючей жидкостью по прожженному его же молниями ковру.

Он шел по узким коридорам, освещенным ненавистным ему еще со времен заточения холодным зеленым светом, и чувствовал, как поверженная было тьма вновь набирает силу, густеет по углам, собирается под лестницами в недобром ожидании. Ему не дано было рассеять эту тьму навсегда. Он мог только выстоять в схватке с ней, если будет на то воля Будды, который, теперь Дзигоро знал это точно, все-таки не оставил его, несмотря на пролитую на его пороге кровь. Его бог все еще был с ним. И что из того, что в свое время, быть может, за следующим поворотом, он потребует и возьмет плату за нарушение его заповедей. Это не страшно. Одна жизнь и одна смерть ничего не изменят на весах вселенной. Но по его следам пройдет другой. Воин. Герой – погибель магов, и если от шагов Дзигоро Черный замок лишь содрогнулся, то от поступи могучего варвара он рухнет на голову своего хозяина. Так будет!

Дзигоро ничего не расслышал. Шаги египтянина в мягких туфлях были легки, как походка большой кошки. Он крался по смежным коридорам, пока Дзигоро пересекал замок по главной лестнице. Рука мага сжимала страшное оружие. Легкий, как могло бы показаться со стороны, а на самом деле налитый смертоносной свинцовой тяжестью короткий меч или скорее длинный кинжал с необычно извитой формой клинка. Клинок этот не отбрасывал блики отраженного света, а принимая их на свою полированную поверхность, поглощал целиком и безвозвратно. Магическое оружие, дасар старинной работы, в умелых руках это воплощение Смерти. Вдобавок сам египтянин наложил на него знаменитое заклятье четырех стихий, которое едва уместилось на оружии, так много оно уже несло на себе.

Тумхат и не собирался отпускать маленького китайца. И когда в пятне зеленого света показалась его худая фигура, а затем узкая спина, египтянин не колебался. Он прыгнул вперед, занося руку с мечом, и со свистом вспоротого воздуха обрушил чародейскую сталь на голову Дзигоро. Вернее хотел обрушить. Китаец едва заметно отклонился, повернулся на самых кончиках пальцев ног и стремительно вскинул руку, ладонь его не была сжата в кулак, лишь чуть-чуть согнута. Тумхат не задержал удара, предчувствуя, как эта тонкая рука прямо сейчас упадет на пол жалким дергающимся обрубком. Но произошло иное. Его оружие, его великолепное орудие убийства, выкованное лучшими мастерами страны Заката и столь верно служившее хозяину до сих пор... наткнулось на вытянутую руку, как на стену, и с жалобным звоном рассыпалось бесчисленным множеством мельчайших осколков, точно промерзшее стекло от пролитого на него кипятка.

– Дух отражающего удар был крепче, чем дух наносящего удар, – отрешенно констатировал Дзигоро. – Ты что-то забыл мне сказать, Тумхат?

Тот, к кому был обращен вопрос, не отвечал, а в растерянности рассматривал обломок кинжала.

– Не расстраивайся, – посочувствовал ему Дзигоро. – В конце концов, это всего лишь железный меч.

– И мое лучшее заклятие, – прошептал Тумхат.

– Всякое заклятие – ничто против Веры, – живо возразил Дзигоро и мягко улыбнулся. – Ты выбрал не ту стезю. Впрочем, это не твоя вина. Вряд ли у тебя был выбор. Служители Сетха не могут быть свободными. Это их плата за могущество.

Дзигоро говорил легко и непринужденно, но каждый нерв в нем трепетал. Он чувствовал, как в египтянине закипает ненависть, черная ненависть, как беззвездное небо, как отражение мрака в бездонном колодце, как дары Сетха. Он видел воочию, как растет злоба в этом разъеденном страхом и завистью сердце, как коварный мозг сплетает сеть

заклятия, с которым нельзя спорить. Брошенное вперед с силой и страстью Тумхата, оно вырвется наружу, превратясь в отравленный кинжал, золотую шаровую молнию или ядовитую гадюку. Дзигоро мог отклониться, но это не уничтожило бы силы заклатья. Оно вырывалось бы в мир, сея разрушения и усиливаясь с каждым мгновением горя, страха, боли, с каждым посланным ему вслед проклятием, пока не настигло бы свою цель, погубив на этом пути многие и многие невинные жертвы. За своей спиной Дзигоро почувствовал легкое дуновение. Он узнал его. Не мог не узнать. Всю жизнь он готовился к тому, чтобы ощутить за своей спиной этот легкий вздох. В этот миг он понял, какую плату потребует от него Великий Будда. Понял. И согласился.

– Что с тобой, проповедник? – с усмешкой спросил египтянин, почувствовав перемену в настроении собеседника. – Ты увидел собственную смерть?

– Да, – неожиданно согласился с ним Дзигоро. – Она здесь.

– Поздновато. Однако ты снова ошибаешься, она не там, куда ты смотришь. Она перед тобой.

Он еще не успел договорить, как свистящая сизая молния метнулась вперед. Дзигоро инстинктивно дернулся, пытаясь отклониться, усилием воли обуздал свой естественный порыв. Тело, послушное разуму, смирилось и на этот раз. Китаец вздрогнул. Боль пронзила его с головы до ног подобно копью. Жестокий удар встряхнул худое тело, заставил качнуться, но и тут Дзигоро устоял. Устоял, принимая в себя весь огромный заряд черной злобы и ненависти, сменяя его, гася в самом себе, встав на пути живым заслоном. Он платил. И никакая плата не была слишком велика или несправедлива, если ее требовали боги. И хотя боги иногда требуют невозможного, но они никогда не требуют больше абсолютно необходимого для сохранения хрупкого равновесия Вселенной.

Плоская рукоять кинжала торчала в груди Дзигоро на два пальца выше сердца. Рана была смертельной, потому что холод заклатья уже проник в кровь. Дзигоро чувствовал, как этот холод расползается мертвящими щупальцами забытья. И все-таки он стоял.

– Ты получил то, за чем пришел, – проговорил Тумхат. – Это конец.

Синеющие губы Дзигоро шевельнулись.

– Твой, – услышал он в ответ. – Я еще даже не начал.

И тут случилось странное. Легкий серебряный звон прозвучал над их головами. Звук лился светло и чисто, и совершенно противоестественно под этими мрачными сводами. И вихрь, родившийся неизвестно как и откуда, принес ароматы роз и крепко заваренного чая.

– Учитель! – ликующе прошептал Дзигоро.

С этими словами воля наконец оставила ослабевшее тело, которое оно так долго поддерживало в жизни вопреки самой смерти, и оно рухнуло на пол... Или было бережно опущено на пол... а серебряный вихрь взметнулся под потолок и исчез, будто привиделся. Египтянин, почти обезумев, смотрел на распростертого перед ним Дзигоро, на спокойное, даже радостное лицо и плотно сомкнутые веки. Этого не могло быть. Его обманули. Кинжал заклатья исчез. Исчезла и рана. Грудь мертвого китайца была совершенно чиста, от пятен крови не осталось и следа, словно их никогда и не было.

Глава девятая

Йонард возвращался в настроении ровном, даже близком к хорошему. Он бежал на четырех лапах, но недавнее происшествие вернуло ему почти утраченную веру в то, что его превращение в бессловесную тварь носит временный и обратимый характер. Китайский Учитель Дзигоро, по словам ученика, был личностью, почитаемой у себя на родине наравне с императором, но не за должность или великое богатство, а исключительно за свою мудрость и смирение. Конечно, такой человек запросто управится с заклатьем египтянина и, поскольку смирен и скромен, наверно, не запросит, как жрецы Шри-Ланки, драгоценный камень величиной с кулак. Возможно, ему, как другу Дзигоро, вообще не стоит беспокоиться об оплате... Впрочем, этот вопрос не относился к категории тех, которые требовали

немедленного решения, и Йонард просто наслаждался быстрым бегом, утренней прохладой и неожиданно обретенным покоем.

Его хорошее настроение испарилось вместе с первыми лучами солнца, повисшего над песчаными барханами, как рыжий апельсин на веревочке. Но светило тут было совершенно не причем. Место, где он оставил своего мудрого попугайчика, пустовало. Йонард торопливо спустился вниз, надеясь, что маленький китаец просто задремал, и его близорукие собачьи глаза не заметили Дзигоро среди однообразной серой пустыни. Внизу никого не было. Краткая разведка местности выявила, что место ночной стоянки покинуто уже несколько часов назад. Причем покинуто каким-то странным образом. Йонард-человек, должно быть, ничего странного здесь не нашел бы – был человек, исчез, мало ли их исчезает в пустынях. Но Йонард-пес, благодаря своим обостренным инстинктам, отчетливо различил слабый, уже исчезающий запах магии. Запах Египта. Запах Черной башни. Сомнения отпали. Дзигоро похитили слуги Тумхата. Полнолуние! Врата Заката! Разговор, подслушанный в таверне Хорасана... Правда, отсюда до Черной башни было не менее трех дней пути, но, когда дело касалось магии, ручаться за что-либо мог только законченный глупец.

Он оставил Дзигоро и его схватили!

При этом Йонард как-то совсем упустил из виду, что маленький китаец мог отлично постоять за себя...

И что теперь?

Куда ему идти?

В Китай? Но как он разыщет в огромной стране учителя Дзигоро, и, главное, как он с ним объяснится?

В Хорасан? Кто его там ждет, кроме изрядно покусанной стражи?

В Черную башню? Но врата Заката закрылись и откроются только во время следующего полнолуния...

Никто из людей никогда не признает в нем такого же человека. Он был пленником собачьей шкуры, и мир людей навсегда закрылся для него. Теперь он был одним из тех, на кого устраивают охоты и облавы. Йонард едва не взвыл, когда с ясностью отчаяния понял простую и страшную вещь:

ИДТИ ЕМУ НЕКУДА.

Едва уловимая дрожь земли, которую он ощутил широкими подушечками лап, вернула его к действительности. Пес прислушался. Собачьи уши говорили ему, что кто-то приближается, что этот «кто-то» не один, их много, у них копыта и бегут они, спасаясь от погони... Йонард-человек сообразил, что разгадка может быть только одна. Приближается небольшое стадо антилоп, и гонят его волки...

Сначала возникло серо-рыжее облако пыли, потом в этом облаке глаза различили длинные морды, прижатые уши и круглые, безумные глаза. А потом до его слуха донесся звук, который просто невозможно было не узнать или с чем-нибудь перепутать. Это был древний боевой клич – охотничий зов волчьей стаи. Почти со страхом Йонард ощутил, что его новое тело отозвалось на этот клич. Само. Пройдет немного времени, и он совсем позабудет, что когда-то был человеком. Зверь заменит его...

Они неслись по пустыне, как бесшумная, призрачная стая демонов. Быстрые тени, словно язычки серого дыма струились то рядом с бегущим стадом, то чуть позади. Ни один не вырвался вперед.

Стадо несло прямо на него, и Йонард-человек понял, что нужно немедленно уходить в сторону, убираться с пути обезумевших животных и стаи безжалостных убийц. Но Йонард-зверь рассуждать не умел. Он принял другое решение, и его сильное тело уже приготовилось к прыжку. Совсем рядом промелькнули длинная морда и палевое тело, в нос ударил острый запах – запах страха, мелькнули копыта. Пес прыгнул, но опоздал. Быстрым прыжком в сторону антилопа ушла от его страшных клыков. Переживать свой промах не было времени. Пес вскочил, едва успев выметнуть свое тело из-под копыт, и, не думая больше ни о чем, ринулся вперед, за уходящим стадом. За добычей. Краем глаза он заметил, что сбоку

появилась стремительная серая тень – легкая и грациозная.

«Волчица», – понял пес, уловив ее запах. Она струилась по пескам серым дымом – юное и отважное создание, не ведающее никаких сомнений в своем праве быть там, где она хочет быть. Она не собиралась мешать чужаку, это он понял сразу, но почему-то не отставала ни на шаг, не упуская его из вида...

Волки бежали в облаке пыли, а ветер дул со стороны стада. Пугающим безмолвием была окутана эта погоня, только глухой стук копыт по песку и сиплое дыхание. Пес вырвался вперед, в какие-то мгновения настиг упущенную добычу – сильного и быстрого самца, прыгнул, вцепился зубами в его горло и повис на бегущем всей массой своего тела. Тот метнулся в сторону, пытаясь стряхнуть врага, но, ослабев, упал набок, заливая песок кровью из порванной жилы. Копыта еще раз дернулись и замерли. И стадо как-то сразу потерялось, сбился их стремительный бег, который, возможно, еще мог бы их спасти. Животные остановились и сбились в кучу. Пес свалил вожака.

И началась бойня! Серые молнии метались вокруг мирных рыжевато-красных животных, которые в предчувствии близкой, неминуемой гибели вдруг перестали быть мирными. Они были добычей, добычей загнанной, обреченной, но эту добычу еще следовало добить.

Антилопы сбились в плотный круг, пряча в центре беззащитных детенышей, и, куда ни кидались волки, всюду их встречали точные удары мощных задних копыт. Тонкий, жалобный визг разорвал живую, тяжело дышащую тишину и закончился предсмертным хрипом. Пес взглянул туда и увидел окровавленное тело сильного матерого волка, забитого насмерть безобидным мирным животным. Этот зверь был первым, но не последним. Не прошло и нескольких мгновений, как еще один волк покатился в пески с визгом, больше похожим на стон. Пес понял, что может погибнуть в этой схватке. Наверно, благоразумнее было отойти. Чтобы насытиться, ему вполне хватило бы убитого им вожака, но стоя еще не собиралась прекращать бойню. Остался и он.

Улучив момент, когда в плотном кольце антилоп образовалась брешь, пес метнулся туда, вклинился между животными, вынырнул из-под брюха, сжал челюсти на горле СВОЕЙ антилопы, и дернул ее назад, вон из круга, пытаясь спастись от острых копыт. Он бы никогда с ней не справился. Просто не хватило бы сил, щедро потраченных на обгон стада и на бестолковые прыжки, свойственные всякому новичку. Но неожиданно рядом с ним возникло стремительное, гибкое тело, и еще одна пара челюстей с торжествующим рычанием сомкнулась на горле ИХ ОБЩЕЙ добычи. Зеленые глаза волчицы сверкнули торжеством. Но в них было и другое чувство, древнее, первобытное, его пес тоже узнал. В это мгновение случилось то, чего так опасался Йонард. Человек исчез. Уснул. Растворился. Огромный серебряный пес окончательно победил и занял его место. Утрата мира людей, которая так печалила его еще этим утром, неожиданно перестала иметь значение. Зверь нашел свое место, свою подругу и свою стаю. Он больше не был одинок.

Впрочем, место в стае еще предстояло завоевать.

Они вместе лежали рядом с поверженной тушей антилопы и жадно рвали мясо с костей. Пес делился с ней охотно, без ревности и жадности, тем более что добыча принадлежала им поровну. Но постепенно вокруг стали собираться другие звери, которым не так повезло, которые решили, что большой и сильный чужак, появившийся неизвестно откуда, менее опасен, чем задние копыта антилоп.

Крупный серый волк, основательно израненный, но ничуть не присмиревший, приблизился к ним и повелительно рыкнул. Это был приказ сильного более слабому – уступить добычу и убираться. Пес заметил его не сразу, и понял, что передышка кончилась только тогда, когда лежащая рядом волчица злобно ощерилась. Пес оставил добычу, вскочил на лапы и смерил взглядом противника. Тот был немного мельче его, ниже, но, судя по мягким, стелющимся движениям и горящим глазам, волк был гораздо злее и опытнее в драке. Это был страшный противник. Не раздумывая ни секунды, пес прыгнул прямо на него, метя в горло, но волк увернулся и клыки пса вонзились в его плечо.

Пиршество было забыто. Волки бросили свою добычу и окружили соперников

плотным кольцом. Тот же древний инстинкт, воспринятый вместе с собачьей шкурой, подсказал, что это тоже обычай – освященный веками и глубоко чтимый. Победит сильнейший, и только он сможет вырваться из образованного круга – круга смерти, и только он займет место в стае, место рядом с волчицей.

Они кружили, припадая на лапы, не отводя горящих, внимательных глаз. Пес был крупнее волка, гораздо сильнее и выносливее его, и, пожалуй, только на это и мог надеяться в смертельной схватке с опытнейшим бойцом. Измотать его, а потом, улучив момент, прикончить одним быстрым движением – так думал пес. Впрочем, он отлично сознавал, что волку его мысли известны, и он, должно быть, посмеивается про себя, если только волки умеют смеяться. Он был уверен в себе. Но и пес не собирался сдаваться. В последней вспышке, порожденной смертельной опасностью, ожила его человеческая память и именно она подсказала собаке, что, хотя новое тело его слушалось еще неважно, битым ему не быть. Он и в той, прошлой жизни редко бывал битым.

Волчица не пыталась ему помочь. Здесь была не охота, а поединок чести, вмешиваться в его ход было нельзя. Даже ей, ни у кого и никогда не спрашивавшей позволения поступить так, как хочется.

Уши волка были насторожены, тело прижато к земле, хвост напряжен. Он выжидал, и в этом таилась опасность для пса, который впервые оказался в этом круге смерти и сейчас пытался разгадать, что задумал его соперник. Но знал, что все равно не угадает. Внезапно ему показалось, что волк хочет отскочить в сторону, он метнулся за ним, но серое тело оказалось вдруг сбоку, за спиной, и пес почувствовал, как острые клыки впились в его загривок. Он бросился на землю, пытаясь скинуть волка, но тот, коротко рыкнув, сжал челюсти еще крепче. Пес вскочил, припал на передние лапы, извернулся, пытаясь достать врага зубами...

Его новое тело было телом бойца, хоть и не знало этого. Шкура, лежавшая на загривке большими складками, легко отделилась, пес вывернул голову и крепко укусил врага за шею. Смертельная хватка разжалась. Почувствовав себя свободным, пес тотчас ринулся в атаку, как ему показалось, очень быстро... Волк не стал отступать. Он просто распластался по земле, резко вскинул голову и в то мгновение, когда пес, не рассчитав прыжка, пролетел над ним, рванул зубами беззащитное брюхо. Собака с воем припала к земле.

Волк, дважды раненый в схватке – уже не боец. Но пес был сильнее и выносливее любого волка. И именно в этот миг, борясь с одуряющим приступом боли, прижимаясь порванным брюхом к земле, он понял, что победа достанется ему! Соперник, уверенный в том, что ему осталось лишь добить поверженного врага, медленно двинулся вперед.

Отбросив волчьи уловки, пес встал, опустил голову с прижатыми ушами и, подняв могучие плечи, молча и яростно ринулся на врага. Волк опоздал на долю мгновения. Мощные челюсти впились ему в загривок. Он попытался вырваться, но пес держал его мертвой хваткой, приемом, которого не знали и не могли знать волки. Что-то хрустнуло в загривке врага... и бой кончился.

Пес поднял тяжелую голову, пытаясь сквозь пелену усталости и боли разглядеть волчицу. Но увидел другого...

Это был огромный седой зверь, налитый тяжелой мощью, той, которой наделяют лишь долгие годы и опыт бесчисленных схваток. Пес понял, что ЭТОМУ зверю здесь соперников нет, и не будет еще очень долго. Пожалуй, ему он и сам не соперник. Волк глядел на чужака внимательным зеленым взглядом, в котором псу смутно увиделось что-то знакомое. Этот взгляд, понял пес, и решит его судьбу.

Вожак молчал долго, так долго, что пес успел испытать смятение, возмущение, гордость, усталость и, наконец, безразличие.

«Чужак, ты можешь остаться», – седой волк мигнул зелеными глазами и пропал, словно приснился.

Одним прыжком волчица оказалась рядом.

Это была небольшая стая. После охоты на антилоп их осталось всего восемь, но восемь сытых волков лучше десяти голодных...

Жили они прямо здесь, рядом, копая норы чуть ли не под стенами города. Там, где земля была крепче и не грозила осыпаться и погresti новорожденных щенков. Впрочем, вожак стаи был осторожен. Они проникали в оазис только ночью – бесшумные серые тени, проклятье караванщиков. В другое время волки, изнывая от жажды, разрывали сухой песок в только им ведомых местах, добирались до влажной земли и жадно лизали ее пересохшими языками.

Но и эти предосторожности не всегда спасали волков от коварных ловушек, которые устраивали люди у воды или на караванной тропе.

Большая Охота, на которую попал пес, была явлением не частым, и, видимо, это объясняло ненасытную жадность волков во время пиршества. Когда не было антилоп или другой большой добычи, годились суслики и мыши. Когда не было ни тех, ни других, волки сидели голодными с терпением воинов, поджидая лучшие времена. Если желудки совсем подводило к спине, Седой с большой неохотой выводил волков на караванную тропу. После охоты на двуногую добычу стая уменьшалась вдвое. Одиноких путников, заблудившихся в песках, волки называли «зубастое мясо», отдавая дань уважения трудной добыче. Стая Седого не брезговала человечиною. Впрочем, иначе тут было нельзя. Стая никогда не углублялась далеко в выжженную солнцем пустыню, но и предгорья ее не манили. Там были охотничьи угодья их собратьев и иногда волки Седого вожака, Большого Пегого и Рваного Уха встречались на границе владений. Встречались вполне мирно. Большой Пегий и Рваное Ухо – так звались два больших и лютых зверя, державших окрестности в почтительном страхе. Они были сыновьями Седого, о чем не забывали сами и не давали забыть стае. Родственные узы почитались в волчьих семьях так же свято, как и в человеческих. Седой поступил благородно и мудро, дав в надел молодым сыновьям лучшие земли. А сам остался водить стаю в самых опасных и голодных местах. Чтобы выжить там, где жили эти волки, мало было одной отваги, ловкости и силы. Нужна была мудрость, которой из всех вожаков обладал один Седой.

И все-таки выжить удавалось далеко не всем.

Возможно, поэтому сильного и храброго чужака так легко приняли в стаю.

Все это пес узнал от своей подруги. Она была удивительным созданием – своевольным и бесстрашным. Совсем юная, она уже прекрасно знала, что такое смерть. Знала... и не боялась.

– Волки уходят, – говорила она с безмятежным спокойствием, которое доступно лишь очень мужественным сердцам.

Как-то пес спросил:

– Куда уходят волки?

Подруга подняла голову, взглянула на него дикими изумрудными глазами:

– А тебе что за дело, чужак? Ты все равно не сможешь уйти туда, куда уходят волки. Ты же не волк.

– Да. Я – собака, – согласился пес, но получил в ответ лукаво-недоверчивый взгляд.

– Ты не собака.

– А кто? – искренне удивился пес.

– Я этого не знаю, – после недолгого раздумья ответила волчица. – И не хочу знать. Волки уходят, когда голод. Когда идет Большая Охота. Они уходят после драк между собой, и когда большую охоту начинают Двуногие... Я ничего не хочу знать, пока мне хорошо и тем более не захочу, когда мне будет плохо.

– Я никогда не оставлю тебя, – поклялся пес.

Молодая волчица взглянула на него со странной мудростью.

– Ты не можешь этого знать. Уходят не только волки. Не знаю, куда, но уходят и

собаки. Даже те, кому снятся человеческие сны.

Пес невольно вздрогнул. Она сказала правду. Нарушая покой его звериной души, по ночам к псу приходили странные сны. Он видел большие сражения и мелкие пограничные стычки. Кровавые сшибки и синюю сталь благородных мечей, жадно пьющих кровь. Он видел маленькие селения и большие города. Вертепы, где собиралось всякое отребье, и дворцы правителей. Он видел грязные улицы и прекрасные храмы, суровых воинов и юных гибких танцовщиц. Он слышал разговоры, которые были понятны ему во сне, но с рассветом тускнели и пропадали, как яркие ночные звезды с восходом солнца. Ему снился голос, который просил, требовал, убеждал найти свой потерянный меч. И после этих слов возникала таинственная и страшная Черная башня, где ждал его неведомый враг. Голос знал про него все. Пес не знал ничего. Эти сны смутно тревожили пса, нагоняя дикую волчью тоску по чему-то дороговому, но навсегда утраченному и крепко забытому, что приходило лишь в непонятных снах и больно ранило, уходя. Тогда пес выбирался из укрытия, смотрел на худеющую луну, которая заливала песчаный мир мертвым, холодным светом, и долго, протяжно выл.

Однажды, в такую минуту, когда безраздельное одиночество владело псом, пришел голос...

Он не встревожил волков, потому что прозвучал не в холодном ночном воздухе, отражаясь от песчаных холмов, а словно где-то внутри, в таких глубинах сознания, о которых пес не знал и даже не подозревал.

«Наконец ты нашел себе подходящее место...»

Голос произнес это с ехидным одобрением, но псу послышались в нем глубокая печаль и разочарование.

«Кто ты?» – спросил он. Спросил тоже мысленно. Он был уверен, что таинственный голос услышит его и поймет.

«Когда-то ты хорошо знал меня. Забыл?»

Голос действительно был знакомый. Пес мог бы поклясться, что где-то уже слышал его – печальный и насмешливый, суровый и мягкий одновременно. Но тогда он звучал, как обычный голос. А теперь он словно доходил до него из немыслимой дали, такой, что можно стереть лапы по самое брюхо, но не добежать туда, не увидеть, не вернуть...

«Лапы по самое брюхо? Молодец!» – одобрил голос.

«Да кто ты такой? – в смятении рывкнул пес. – Какую ночь жить мешаешь!»

Темнота ответила грустным смехом.

«Это не я тебе жить мешаю. Это душа твоя днем спит, а по ночам просыпается».

Вскинув к небу длинную морду, пес громко и горько взвыл-воззвал:

– У-упуа!

Завозилась в норе подруга. Волки появлялись словно из ниоткуда. Кружок зеленых горящих глаз опоясал песчаный холм. Страстный, шелковый, глубокий вопль взлетел к прохладным небесам:

– У-упуа!

Ночное пение оборвал короткий рык Седого.

– Всем спать! Завтра на охоту.

Волки исчезали – бесшумные серые тени на рыжем песке. Вожак не двинулся с места. Круглые луны глаз, не мигая, смотрели на пса.

– У-упуа!

Мысль вожака во тьме коснулась мысли собаки, и пес понял, что это не призыв. Вожак произнес имя.

– Как ты назвал меня? – встрепнулся пес.

– У-упуа, – повторил вожак, – или один из его псов-воинов, Бруданов... Давно не видели на земле ни одного из вас... Тебе снятся человеческие сны, чужак... И повелительный голос требует отыскать свой потерянный меч. Значит, ты тоже, подобно нам, когда-то был человеком.

Пес в волнении переступил лапами, но Седой не замечал его беспокойства.

– Тебе снилась Черная башня, – продолжал он, – и это значит, что я не ошибся... Обычно волки избегают охоты на людей. Двухногие – страшная добыча. Но моя стая охотится на Двухногих и не знает волчьего страха. Я сохранил за собой и своими сородичами право, которое имеет человек, но не имеет зверь – право охотиться на себе подобных. Мы – потомки тех, кто когда-то вошел в Черную башню на двух ногах, а вышел на четырех. Поколения сменились с тех пор, но мы все помним. Зло не отмщенное – зло незабытое.

...Случилось так, что из великого города на юге вышел самый богатый караван. Караван этот вез невест для одного из здешних шахов. Вел его отважный человек У-упуа, самый первый разведчик и проводник. Он носил беспощадный меч и мощный лук. Никто не отваживался вступить с ним в единоборство.

Однажды караван остановился в Черной башне. Тогда она звалась по-другому, но волкам незачем помнить ее прежнее имя. Достаточно того, что мы помним и проклинаем нынешнее... Хозяин встретил усталых путников ласково, и никто не заподозрил, что он задумал злое дело. А хозяин башни был магом. Когда У-упуа ушел, чтобы разведать путь, маг разжег жаровню, бросил на угли шкуру убитого волка, и все, кто шел с караваном: купцы, воины, невесты хана, вдохнув этот дым, опустились на четыре лапы. ОНИ СТАЛИ ВОЛКАМИ.

Маг завладел караваном и всеми сокровищами, которые там были, и выгнал волков за ворота. В пустыню. Сначала они голодали, не умея взять добычу, и многие погибли. Но потом один из волков встретил У-упуа, который возвращался в Черную башню. У-упуа хотел убить волка, но тот назвал его по имени, и стрела дрогнула на тетиве... А потом человек обернулся зверем, и волки поняли, что он был богом.

У-упуа научил нас охотиться, рыть норы и находить воду. А потом воздвиг вокруг Черной башни непроходимую стену, оставив открытыми лишь врата Заката, и ушел. Никто из волков не знает его дороги, но он сказал, что когда-нибудь вернется.

И он обязательно вернется, потому что в Черной башне остался его меч, а таких вещей не бросают на дороге... Я уже стар, – неожиданно признался вожак. – Недолго мне осталось водить волков на Большую Охоту. Но мне бы не хотелось уходить, не встретив У-упуа и не окрасив свои клыки кровью дальнего потомка того гостеприимного хозяина. И если ты, чужак, которому снится Черная башня и потерянный меч, если ты сможешь нам свершить давно взлелеянную месть... Тогда я поверю, что встретил У-упуа. И тогда, чужак... я отдам тебе стаю...

Изумрудные глаза горели во тьме. Взгляд был умным и жестоким. Лунный свет обливал седую шерсть жидким серебром. Могучий зверь встал. Встряхнулся. И исчез. Как в прошлый раз. Пес не успел заметить, в какую из четырех сторон метнулась светлая молния.

Йонард все еще сидел не двигаясь с места, озадаченный сверх меры, когда снова прозвучал знакомый голос.

«Ну вот ты и на пути к тому, чтобы стать царем. И даже богом... Правда, богом собачьим, но тут уж ничего не поделаешь – сколько сумел поднять, столько и унесешь...»

«Хрофт! Как ты мне надоел!» – рявкнул пес в дикой обиде.

Злость пробудила память.

Седой вожак был прав. Он когда-то был человеком. Но звали его не У-упуа. У него было другое имя – грозное и гордое – Йонард из Германии. И в Черной башне он действительно оставил свой меч.

«Дзигоро?!» – позвал Йонард-человек. Но ночь не откликнулась ни словом, ни вздохом.

* * *

Звездная, удивительно спокойная ночь стояла над барханами. Ущербный месяц висел низко, и по залитым серебряным светом белесым холмам брела одинокая тень. Тень удивительного четвероногого создания, большого, светло-серого, с короткой гладкой

шерстью, висящими, как тряпки, длинными ушами, широкой мордой в складках кожи, мощными, почти львиными лапами. Тень существа, невиданного доселе, по крайней мере, в этих местах точно. Предания говорили, что далеко на юге, может быть, в Индии, а может быть, еще южнее, когда-то водились такие звери, натасканные псы войны, их выпускали на слонов. Закованные в доспехи громадные боевые псы бесстрашно бросались на живые серые горы и, случалось, даже нередко побеждали, хотя чаще всего просто останавливали ряды врагов, восседающих на этих громадах.

Но это было давно. Много поколений назад исчезли с земли огромные бесстрашные и гордые псы-воины. Но выходит, правду говорили старинные свитки, ничто на земле не исчезает навсегда. Пес-воин, последний из этого некогда великого рода, понуро брел меж песчаных барханов, изредка приподнимая голову и прислушиваясь. В странных, не обычных для собаки пронзительных серо-зеленых глазах застыла тоска. Он покинул стаю. Ненадолго. Что-то гнало его сюда, какое-то мрачное предчувствие, с которым он не хотел, да и не мог бороться. Дзигоро? Он не видел его уже больше десяти дней. И вот теперь...

Он учуял его. Острых собачий нюх не подвел. А потом он увидел то, что он в глубине души ожидал и страшился увидеть – распростертым на песке телом маленького китайца – Дзигоро. Лицо его, обращенное к сияющей белой луне, как и при жизни, напоминало маску, но было лишено той странной, таинственной многозначительности, которая и притягивала, и раздражала. Это была пустая скорлупа. Жизнь ушла из своей обители. Пес еще раз внимательно обнюхал тело. Смерть настигла его друга давно... уже несколько дней тому. Но тело лежало не оскверненное падальщиками, и было странно, хотя какой зверь подойдет к убитому магией? У Йонарда просто не было других вариантов. На теле не было видно ни одной раны. Это сделал без сомнения их общий враг, коварный египтянин. И только магией. Йонард видел Дзигоро в деле, просто так он бы не дался.

Шерсть на загривке пса вздыбилась, верхняя губа вздернулась, задрожав, обнажая то ли в горестной усмешке, то ли в угрожающем оскале страшные клыки, и короткий рык, напоминающий известное северное ругательство, вырвался наружу.

Ни в человеческой, ни в собачьей шкуре Йонард-германец не умел оплакивать погибших друзей. Он умел сражаться с ними бок обок, защищая себя, своих соратников, родных ему по духу и крови... и он умел мстить. Он снова был один среди враждебного ему мира людей, хотя Йонард уже привык к этому, но теперь он сам был чужой всем вокруг и никто не мог ни понять, ни помочь собаке с душой человека. Йонард опустил на задние лапы рядом с телом Дзигоро, таким же холодным и безучастным, как камни, на которых оно лежало, и что-то словно черными клещами сдавило горло: уже не рык, а тоскливый вой одинокого зверя взлетел к звездам, столь же отрешенно взиравших на еще одно крушение несбывшихся надежд.

Следовало предать тело земле, иначе душа его не будет знать покоя. И пес сделал единственное, что мог – сильными передними лапами с мощными, точно железными когтями он рыл яму другу. Песок, выбрасываемый им из углубления стекал туда вновь с той же быстротой, острые края щебня впивались в незащищенные подушечки пальцев, вспарывая их как бритва. Темные капли крови Йонарда выстилали могилу Дзигоро.

«Хорошо кошкам, они не потеют, – подумал варвар, зализывая лапы, после того как яма наконец показалась ему достаточно глубокой и просторной для такого тела, затем он осторожно, стараясь не задеть зубами кожи, за одежду стащил все, что осталось от его бедного незадачливого Дзигоро. – Не умерло то, что не похоронено, – вертелось в голове Йонарда, пока он забрасывал могилу сухим песком.

После этого пес лег сверху и тяжело вздохнул. Будь он человеком, достал бы флягу – и пропадай все, напился бы до потери сознания. А потом пошел бы в Черную башню и отвел бы душу в хорошей драке. Но что может собака против десятков вооруженных людей? И главное – против магии египтянина. Проклятый прихвостень Сетха, он хотел превратить Йонарда в свинью – германец содрогнулся от одного воспоминания об этом, боги не допустили подобного непотребства, или же сам он оказался чересчур крепким орешком даже

для черной магии. Он остался воином. Псом войны. Йонард усмехнулся в душе – даже заживает все как на собаке... Он снова вздохнул.

– Вот интересно, что за печаль пригнула к земле такую умную голову? – голос прозвучал совсем рядом и, Хрофт – м-м! Этот голос был ему знаком. Он слышал его в своем сердце, пока не похоронил Дзигоро. Пес вскочил, развернулся в одном прыжке, готовый бежать, догонять... Никуда бежать не потребовалось. Невозмутимый китаец сидел на земле, скрестив ноги, прямо на своей собственной могиле, не испытывая, видно, никакого священного трепета или неудобства. Он выглядел так же, как тот Дзигоро, с которым Йонард расстался не по своей воле, в одном переходе от Хорасана. Даже карие глаза его смотрели также пронизательно, пряча в глубине теплую усмешку. Йонард потянулся к китайцу, намереваясь ткнуться носом ему в бок и, остановился. Чуткий нюх не донес до Йонарда ни одного из тех запахов, которые могли бы сказать ему – «это – Дзигоро». Мало того, пес не смог уловить ни одной пахучей струи, которая заставила бы его поверить, что перед ним живой человек. Нос говорил ему об отсутствии какого бы то ни было живого существа рядом. Глаза свидетельствовали обратное. Йонард в растерянности сел на хвост.

Дзигоро добродушно посмеивался и не спешил успокоить варвара.

– Слушай, приятель, скажи лучше сам, живой ты или мертвый совсем? – решил все-таки разобраться в происходящем Йонард.

– Что есть смерть, как не новое рождение? – вопросом на вопрос ответил Дзигоро с прежней улыбкой.

– Я спрашиваю тебя по-человечески, живой ты или нет, ну так ответь как человек человеку.

– Тебе это так важно? – Дзигоро иронически приподнял левую бровь.

– Да. Если друг жив, с ним пьют за встречу. Если друг мертв, за него мстят, – отозвался Йонард. – Как это может быть неважно?

Дзигоро легко рассмеялся.

– Как просто, – и, посерьезнев, добавил: – и как мудро. Ты похоронил мое тело, спасибо, конечно, но не стоило стараться, но скажи, похоронил ли ты меня в своем сердце? Ведь главное только в этом.

Голос Дзигоро был тих и печален.

– Я сделал все, что мог. И если ты мертв – отомщу за тебя колдуну, и не только за тебя, – Йонард угрожающе рыкнул. – Хотя бы это стоило мне жизни.

– И опять неверно! – Дзигоро нахмурился. – Месть разъедает душу.

Сидевший напротив Йонард, серебряный в лунном свете, сделал довольно удачную попытку пожать плечами.

– Предлагаешь оставить все как есть? И пусть дальше развлекаются как хотят и как могут!

– Вот сейчас ты на верном пути, – одобрительно кивнул китаец. – Не мстить за мертвых ты должен, а защищать живых. И если твоя цель в этом, то я тебе помогу.

– Я так и знал, что ты это скажешь. А почему ты сам с ним не справился? Ты легко можешь это сделать.

– Мог, – поправил его Дзигоро, – я мертв, не забывай. А, кроме того, я не воин. Я – врачеватель, ученый, путешественник, но мой бог запретил мне, как и всем своим служителям, обнажать меч даже для самозащиты. Я не мог убить мага, но и остаться в живых тоже не мог. Когда боги требуют платы, надо платить.

Йонард непочтительно зевнул во всю пасть.

– Тебя убивают, а ты грудь подставляй, чтобы этим змеиным отродьям удобней было тебя ужалить! Так что ли по-твоему?

– Так, – подтвердил Дзигоро, внимательно глядя в лицо Йонарда.

– А по-моему, так это очень глупо, – мотнул головой пес, смахивая свесившееся на глаз ухо. И на китайца взглянули два глубоких серо-зеленых озера, не замутненных сомнениями.

– Не скажи. Если люди, не дрогнув, идут навстречу смерти, ради того чтобы не

уподобиться своим убийцам и не множить зло на земле, значит, в этом что-то есть. Ты не слушаешь меня – и правильно делаешь. Ты – воин. Но помни, трудно, взяв в руки меч, остаться воином и не стать убийцей. В мире есть две истины – истина того, кто творит добро и истина того, кто искореняет зло. Для равновесия вселенной воин нужен не меньше, чем целитель.

– Успокоил, – сморщил нос Йонард, добродушно оскалась. – А я уже было подумал, не зарыть ли мне вообще свой меч со всеми собачьими потрохами, тем более что он сейчас где-то на дне этой проклятой Черной башни, считай похоронен тоже, и податься в жрецы какого-нибудь доброго бога, который велит побольше есть, подольше спать да еще с девками гулять.

– Ну-у-у уж нет, – рассмеялся Дзигоро, – не стоит рядиться волку в овечью шкуру.

– А как насчет собачьей? – совершенно серьезно и без малейшего намека на иронию спросил Йонард.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, – сказал наконец Дзигоро. – Ты человек и должен стать человеком. Путь твой лежит через замок египтянина. В этом нет для меня ныне сомнений.

Дзигоро молчал. Молчал и Йонард. Серп луны поднялся еще выше, укорачивая тени, которых не было. Тишина стояла такая, что казалось, слышно было, как движутся по небосводу далекие ночные облака. Неожиданно пес завозился, резко изогнулся и яростно заскреб задней лапой за ухом.

– Короче. Что надо? – сказал он немного погодя.

– Видишь ли, – сказал Дзигоро, медленно подбирая слова. – Никто не знает, чем может закончиться ваша схватка...

– Никто, кроме богов, как ты говорил, не может знать, чем закончится любой поединок, как и любая битва, – наставительно произнес Йонард-воин. – Могу я его одолеть, может он меня...

– Дело не в этом, – мягко перебил его китаец. – Даже если ты его одолеешь, знаешь ли ты, что будет тогда?

– Как это «что»? Стану человеком, – искренне удивился Йонард.

– Хорошо бы это так и было. Но кто знает, что за заклятье наложил на тебя Тумхат. Его смерть может разрушить его, а может и скрепить вечной печатью твоей длинной-длинной собачьей жизни оборотня.

– Не люблю я Хорасан, а Египет мне нравится так же сильно, как рвотный порошок, – задумчиво произнес Йонард и замолчал.

Замолчал и Дзигоро. Ночь вокруг них тоже хранила молчание. Прошло несколько томительных мгновений. Йонард еще раз глубоко вздохнул и одним рывком встал на свои огромные лапы, шумно встряхнулся от кончиков ушей до хвоста и объявил:

– Я сделаю то, что должен, и будь что будет. Я убью египтянина.

– Ты уверен? – темные глаза Дзигоро точно прожгли его насквозь.

– Зачем откладывать на потом хорошую драку, если это можно сделать сегодня? Видишь, твои уроки не прошли даром. Ты же сам говорил, что нельзя избежать предначертанного богами.

– И опять не то, – Дзигоро чуть не всплеснул руками, – Не бросаться, очертя голову, на меч египтянина должен ты, дорогой мой, и не отчаяние должно вести тебя. Так ты не сможешь победить колдуна.

– А не пойти ли тебе в Мокрую морось, приятель? – рявкнул Йонард. – Помощи от тебя как молока от быка, зато настроение человеку портить – великий мастер. Могила ему не понравилась, лежи, знай, где прикопали, я ему не нравлюсь, так поди найди еще таких дураков, которые бы с тобой, с призраком, разговаривали бы. Ну и сиди тут до скончания веков, а я пошел. Меня ждут.

И пес в несколько прыжков исчез, сокрытый от любопытных глаз серебристым пологом ночи.

Дзигоро стоял на своей могиле, провожая Йонарда долгим взглядом. Невысокая, худощавая фигура китайца светилась тем самым, невидимым до срока, внутренним светом, озарявшим его и при жизни, но никогда его сущность не вырывалась наружу таким ярким и сильным огнем. Дзигоро смеялся.

— Что ж, — сказал он самому себе по своей давней привычке, — кое о чем я все же заставил тебя задуматься. Уже хорошо. Я бы сказал — первый шаг сделан.

* * *

Тощая, поджарая лошаденка неопределенной то ли чалой, то ли пегой масти неторопливо трусила по барханам, неуклюже выбрасывая в стороны задние ноги с широкими неподкованными копытами. На спине у этого отважного покорителя барханов восседал такой же тощий человецишка в грязном халате. Видно, он не был великим наездником, и забавно подпрыгивал в седле каждый раз, когда лошадь отрывала от земли задние копыта. В результате таких действий, всадник сильно кренился в седле и постоянно съезжал набок. В конце концов ему это надоело, он натянул поводья и смешной конек, скакнув еще пару раз, замер. Всадник сполз вниз и удачно опустился на свой собственный зад. Помянув Таната, он встал, потирая отбитое место, взглянул на небо, где оранжевое солнце уже заметно сместилось к западу и, побряхтев, снял с лошади переметные сумы. Конек совсем по-человечески облегченно фыркнул и взглянул на хозяина большими карими глазами, как бы испрашивая разрешения отдохнуть. Но хозяину было не до бедной скотины. Встав тут же, рядом со своим скакуном на колени, он торопливо выбросил из котомки какие-то тряпки, свертки, узорные платки, бархатные туфли и даже маленькую женскую шапочку с павлиньим пером и другие мелочи, столь же необходимые путнику в дальней дороге, как пятая нога лошади.

— Боги, не дайте свершиться несправедливости, — бормотал он, разбрасывая по песку свою поклажу, что вернее всего была его добычей. — Ну наконец-то!

Путник вытащил из сумы и лихорадочно ощупал большой сверток, упакованный в козлиную кожу.

— Цел! — пробормотал он. — Боги хранят меня. Доберусь до Хорасана, щедро одарю храм Ахура-Мазды. Его рука со мной. Лишних денег у меня нет, но пять-шесть монет... или лучше три-четыре.

До сих пор не известно, умеют ли боги мстить, но то, что жадность им не по нраву — не вызывает никаких сомнений. Только что горизонт был чист и компанию путнику и его лошади мог составить лишь ветер, если бы захотел остановиться хоть на мгновение, но три точки, появившиеся внезапно, как из-под земли были явно не миражом, а чем-то куда более материальным. Они быстро приближались, точно гонимые этим самым ветром клубки травы, и скоро стало видно, что эти три точки — три всадника в таких же грязных халатах и тюрбанах, знававших лучшее время. Один из них, наполовину свесившись с седла, разглядывал четкий след широких неподкованных копыт.

Лошаденка путника всхрапнула, он встрепнулся, вскочил на ноги, оглядываясь вокруг, заметил всадников и, испустив душераздирающий вопль, метнулся было к пожиткам и принялся их лихорадочно запихивать назад в сумки, но тут же опомнился. Три всадника быстро и неумолимо приближались к нему. Человек не медля взобрался на спину своего скакуна и что было сил ударил пятками ему в бока. Животное обиженно заржало и рвануло с места так стремительно, что сверток, который человек зажимал под мышкой, выскользнул и упал в песок.

— Стой, скотина! — взвыл он и попытался натянуть повод, но у лошаденки было свое мнение на этот счет.

Прянув, что было сил, она птицей взлетела на очередной бархан и кубарем скатилась вниз, едва не переломав кости себе и седоку. Однако все обошлось. Увидев, что жертва убегает, трое прибавили рыси, но видно лошади их уступали неказистому на вид коньку

удиравшего, и расстояние между ними быстро увеличивалось. Вскоре стало ясно, никого они не догонят, так что можно придержать коней и осмотреться.

Груды разноцветных шелковых тряпок, впопыхах брошенных владельцем, никто из троих подобрать не озаботился. Старший из них, могучий и рослый детина с лицом цвета хорошо прожаренного куска баранины лишь презрительно мазнул по ним безразличным взглядом и хотел было проехать мимо, но один из его напарников неожиданно остановил коня и спешился. Увидев, что привлекло внимание их товарища, оба всадника без излишней спешки, однако споро, последовали его примеру.

— Глянь, что посеял этот горе-воин, — младший поднял сверток, неожиданно оказавшийся тяжелым, и достал из ножен на поясе широкий, острый нож.

Тихий согласный вздох компании раздался в песках, когда грубая и грязная шкура сползла с того, что вез путник в своей чересседельной сумке. На песок выкатилась большая глиняная бутылка.

— Старинная, — со знанием дела сказал старший.

— Сладкое, должно быть, вино, — добавил второй.

— Сам шаханшах пьет такое только на свадьбах, — задумчиво протянул третий.

Старший потянулся к пробке. Двое других смотрели на него с большим одобрением.

— И чем ее запечатали, Танат их заberi! — выругался он.

И тут... казалось, синее сияние на мгновение окутало старинную бутылку, руки того, кто ее держал, лицо, всю его несуразную фигуру в богатом, но грязном халате.

— Что с тобой? — скорее удивленно, чем испуганно спросил его приятель.

А свет тем временем разгорался, словно стремясь вобрать в себя всю компанию. И был он совсем даже не горячим. Вообще никаким...

Солнце поднялось уже достаточно высоко. Становилось почти нестерпимо жарко. А на желтом песке лежали три краснолицых и синегубых тела.

Они не возразили ни словом, ни жестом, когда спустя некоторое время к ним вновь приблизились непонятной масти конек и путник. Внимательнейшим образом оглядев бутылку, путник вновь аккуратно упаковал ее, перевязал крепкой жилой и, удовлетворенно хмыкнув, запихнул в переметную суму.

* * *

Йонард был зол... зол как собака. И дикая звериная злоба толкала его на опрометчивый шаг — вцепиться зубами в это жирное и грязное тело, сомкнуть их, сдавить что есть сил и услышать, как это подобие человека испустит последний вздох, а там — пусть рубят на куски. Но, как ни странно, не человек, а именно зверь, сидящий в Йонарде, властно приказал ему: «Не торопись. Ляг. Будь спокоен и готов. Сейчас не время, но время еще придет».

Кормили его вполне сносно — густой, наваристой похлебкой с бараньими потрохами. Хаим, тот самый жирный и отвратительно пахнущий предводитель этой оравы, сказал, что зверь не должен терять сил.

Зачем-то разбойникам нужна была его сила. Йонард попытался догадаться, зачем, но вскоре бросил бесполезное занятие. Бесплодные размышления утомляли его больше, чем бесцельные действия. Он поступил, как велел ему голос инстинкта — затаился, выжидая. Бесконечное терпение, свойственное зверю и воину, должно было сослужить ему хорошую службу, только бы не лопнула эта тетива натянутого лука, вспыльчивость и так уже подводила его множество раз.

После разговора с призраком Дзигоро, он неся, не разбирая дороги, да и какая там дорога в пустыне... Но, почуяв вдруг запах влажной, сырой земли, Йонард, не раздумывая, свернул к маленькому оазису, чтобы напиться воды. Он не был по-настоящему диким зверем, затравленным, уходящим от погони, наученным опасаться даже тени куста над озерцом, иначе он никогда бы не подошел к водопою так открыто. Земля ушла из-под ног, тугая петля захлестнулась на шее. Йонард покатился в беспамятство...

Сколько прошло времени с того момента? Как он ни старался, так и не смог вспомнить. Его привели в чувство сильный пинок в живот и целый бурдюк воды, опорожненный прямо на «полудохлую псину». Йонард, как мог, извернулся и клацнул челюстями... Кто-то из охраны вовремя отшатнулся, а кто-то разразился одобрительным хохотом.

Сначала они остановились в небольшом оазисе, который располагался на самой удобной караванной дороге к городу. Раз в два-три дня тут можно было смело устраивать стоянку. Толстый Хаим не мелочился. Он был, как утверждал он сам, по натуре «добр и справедлив» и не любил крови. Действительно. Он избегал убивать купцов, неосторожно забредавших в оазис, он встречал их как князь. Кормил, поил, дарил лучшие халаты со своего плеча. Бурдюки путников Хаим считал за честь собственными руками наполнить молоком «от самой красивой верблюдицы». Приятно удивленные таким обхождением купцы покидали гостеприимный оазис... и больше их никто никогда не видел. Ни в Хорасане, ни в других краях. Только таинственным образом возвращались к Хаиму дареные халаты, в основном зеленые, богато расшитые шелком. Об участии купцов в присутствии Хаима не говорили... да и в отсутствие его старались помалкивать. Видно, кое-кто накладывал невольный обет молчания даже на эти закоренелые души.

Впрочем, нынешний хан Хорасана был кем угодно, только не дураком. Караваны пропадали, Хорасан нес убытки, и воины конной стражи время от времени делали вылазки, пытаясь поймать Лисицу-Хаима. Но в оазисе их встречала благословенная тишина.

В этот раз разбойники освободили стоянку быстрее, чем обычно, но все же без спешки. Увязали в тюки походный лагерь, запаслись водой и, покинув оазис, цепочкой двинулись на юго-запад. В горы. Шли быстро, и Йонард в полной мере сумел оценить преимущества собачьей шкуры и четырех лап вместо двух. Однако на исходе четвертого дня его снова пленили.

Сплошной песок сменился редкой и пожухлой растительностью, прятавшейся от солнца в основном по низинам. Потом как-то сразу выросли горы, до этого лишь смутно маячившие на горизонте.

– Здесь будем стоять до следующей луны, – отдуваясь, объявил Хаим-Лисица, – пока доблестному Ардаширу не надоест сторожить свою тень.

Йонарда хорошо покормили, что его, впрочем, уже перестало удивлять, а потом надели на него железную цепь и привязали к кольцу, вбитому прямо в каменную стену небольшой, но сухой и вполне обжитой пещеры. Видимо, здесь разбойники обычно пережидали облавы. Йонард невольно подумал, что кстати помянутый Хаимом Ардашир дал бы себя высечь на площади, чтобы только узнать, где находится разбойничья стоянка. Но варвар был последним существом, кто мог бы сообщить ему об этом. И не потому, что оценил гостеприимство Хаима. Просто не любил он Хорасан, а конную стражу любил еще меньше.

Оставшись в одиночестве, Йонард сразу же попробовал освободиться, но понял, что ни к чему это не приведет. Цепь в стене пещеры была закреплена намертво, и Йонард не мог даже удавиться. Впрочем, он и не собирался. Разные мысли посещали его в эти долгие одинокие часы, и все больше о том, как стать человеком и расправиться с египтянином и с Хаимом, и, по возможности призвав справедливое возмездие, наложить руку на сокровища разбойников. Короче говоря, сначала отомстить, потом стать человеком, а потом обрести сокровища – именно в таком порядке... или наоборот. В конце концов Йонард запутался окончательно – чего ему хочется больше. Мыслей о том, что он может никогда не вырваться из собачьей шкуры и даже погибнуть по прихоти толстого предводителя разбойников, Йонард не допускал. И нельзя было ему допускать таких мыслей, иначе и взвыть можно от безысходной тоски.

На следующий вечер его впервые не накормили. Йонард потоптался на месте, погромел цепью и лег. Умение терпеть холод, голод и боль было его неразменным достоянием, однако он не собирался терпеливо спускать издевательства над собой. Поэтому планы мести буквально роились у него в голове, один другого кровожаднее. Правда, поделиться ими было не с кем, а воплотить в жизнь немедленно не представлялось возможным. Было от чего сойти с

ума.

Несмотря на это ночь в разбойничьем лагере прошла спокойно. А под утро прибыл тот самый маленький, остроухий человек на смешной лошаденке с широкими неподкованными копытами и умными глазами.

Он бросил поводья одному из разбойников и прошел к костру, где Хаим-Лисица отогревал замерзшие пятки. Они у него почему-то всегда мерзли.

– Принес? – буркнул Хаим, не утруждая себя дружеским приветствием гостя.

Мердек упал на колени, уткнулся лбом в землю, точнее почти в грязные туфли Хаима, и зачистил, захлебываясь слюной и словами.

– Что ты там бормочешь, Мердек? – недовольно прикрикнул Хаим, испытывая сильное искушение ткнуть человечка ногой прямо в его острую мордочку. – Она с тобой?

Мердек привстал и быстро закивал головой. Хаим протянул руку.

– Повелитель отважных воинов, досточтимый Хаим, сын Ремиза и отец Керама конечно знает, как обращаться этой вещью?

Хаим-Лисица передернул плечами:

– Тебя еще на свете не было, когда отец мой, которого ты, шакал, по своей мерзкой привычке поминаешь и кстати, и некстати, – предводитель повозился, устраиваясь на одеяле поудобнее и продолжил, – научил меня, как обращаться со случайно попавшими к тебе в руки чужими тайнами.

– Отец повелителя был мудр, – проговорил Мердек то ли с настоящим, то ли с притворным почтением. – И повелитель до сей поры поступал мудро, повелев хранить эту вещь вдали от своих шатров. Зачем она понадобилась ему теперь?

– А это не твое дело, собака, – зевнул Хаим, не спавший всю ночь, поэтому раздраженный сверх всякой меры. – Принес, так давай сюда.

Мердек колебался мгновение, но острый взгляд Хаима, брошенный им из-под густых бровей, заставил маленького хитреца пошевеливаться.

– Будь осторожен, повелитель, – предостерег Мердек, протягивая сверток.

– Пошел прочь, – равнодушно отвернулся Хаим-Лисица, пряча под густыми бровями настороженный взгляд. Он осторожно погладил ладонью шершавую шкуру и отдернул руку, словно обжегся. Палец коснулся большого драгоценного камня. Дырявые шатры, убогая роскошь разбойничьего лагеря и вечный страх перед городской стражей – такая жизнь была по-своему приятна и волновала кровь, но она не могла продолжаться вечно. Рано или поздно все разбойники заканчивали одинаково. Их головы становились украшением городских стен Хорасана.

Нужно вовремя уходить. Взять большую добычу – и уходить. Но для того, чтобы удовлетворить алчность старого Хаима-Лисицы, добыча должна быть не большой, и даже не очень большой, а огромной. Хаим нашел такую добычу, теперь осталось взять ее. Для этого он послал в неблизкий и небезопасный путь Мердека. Для этого ему нужен был этот сверток. Но для того, что он задумал, ему не нужны были слишком проницательные помощники, которые не могут держать язык за зубами.

«Надо проучить Мердека, – решил Хаим. – А то в парне уже вода не будет скоро держаться, не то что Обряд Посвящения. Слуга должен любить хозяина больше жизни и бояться его больше смерти, только тогда слуге можно доверять».

Утром Йонарда опять не кормили, но в этот раз он не стал греметь цепью. Он понял: его не забыли. Его морили голодом нарочно, чтобы разозлить, и, съешь Танат их потроха, им это удалось! Он лежал у стены, положив большую голову меж передних лап, и размышлял, но не о бренности всего земного, а о том, как вцепиться в горло Хаиму-Лисице.

Неожиданно звонкую тишину подземных коридоров нарушили гулкие шаги и далекие голоса, и следом за ними пришел рыжий свет факела, рассеявший темноту. Йонард насторожился. У входа в место его заточения возникли двое здоровенных разбойников, которые молчаливо и сосредоточенно волокли третьего, то ли мертвого, то ли пребывающего в обмороке от страха. Разбойники доволокли его и, опасливо косясь на Йонарда, впихнули

прибывшего внутрь, как мешок с верблюжьим дерьмом. Следом о каменный пол звякнула сабля. Человек слишком резво для недавнего покойника вскочил на ноги и попытался было юркнуть обратно, на волю, но стража преградила ему путь и равнодушно и жестоко затолкнула назад.

– Пусть он хоть объяснит, за что? – срывающимся голосом крикнул Мердек. – Уж не за то ли, что слишком верно ему служил?

Стражи не ответили. Может быть, не знали, а может, не имели желания болтать с обреченным. Мердек схватил саблю, бросив на разбойников быстрый и оценивающий взгляд, но как ни быстр был этот взгляд, стражи его заметили. Их оружие, как по команде, поползло из ножен, но не для того, чтобы помочь Мердеку в неравной схватке, а для того, чтоб сразу укротить его, если он вдруг – чего на свете не бывает – решит, что они более легкая цель. И Мердек понял, что недавние собраты по ремеслу его не выпустят.

– Давай, Мердек, убей серебряного демона, – издевательски подбодрил его один из разбойников, – а за это Хаим подарит тебе жизнь, свободу и халат со своего плеча.

Мердек похолодел. Ему ли, правой руке Хаима, не знать про халат... И если эти, ни на что не годные, здоровенные олухи смеют так с ним шутить, значит, он и вправду обречен.

Неожиданно к Мердеку вернулось присутствие духа. Он выпрямился. Одним быстрым, внимательным взглядом оценив величину пещеры и длину собачьей цепи, он взвесил на руке саблю и пристально посмотрел на своих охранников. И у двоих здоровых вооруженных разбойников отчего-то вмиг пропало желание веселиться.

– Правильно, – кивнул Мердек, заметив их настроение. – Не хватай змею за хвост, пока не отрубишь ей голову...

Знакомое, но давно забытое ощущение разлилось по жилам Мердека и согрело сердце. Он уже начал забывать, как это здорово – драться, не надеясь на победу, зная, что впереди ждет лишь смерть, достаточно лишь заглянуть ей в глаза и не отводить взгляда, пока... Пока не случится то, что будет угодно богам. Давно он не испытывал этого чувства. Пожалуй, с тех самых пор, когда Хаим подобрал его на улицах Кута, где дрались отчаянно, пощады не просили и не давали, и за лепешку могли выпустить кишки своими кривыми ножами. Он был благодарен хозяину и служил ему преданно, как пес, и в благодарность хозяин решил стравить его с другим псом, чтобы выжил сильнейший...

Да будет так!

Йонард лежал неподвижно, наблюдая за легким, скользящим шагом Мердека, и старался уловить момент, чтобы прыгнуть на врага, опережая удар. А Мердек не торопился. Его мягкие шаги Йонард слышал то справа, то спереди, но, зная длину своей цепи, выжидал. Терпения ему было не занимать. Но когда Мердек стремительно приблизился, сделав короткий невидимый замах, пес прыгнул. Когти его зацепили шелк халата, он с треском разорвался, и на груди Мердека мгновенно вспухла и засочилась кровью длинная, глубокая борозда.

Однако Мердек мастерски владел оружием. Молниеносно отпрянув куда-то в бок, так что Йонард не успел уловить его движения, он снова коротко замахнулся и обрушил удар своей сабли на широкий лоб собаки. Пес мгновенно оглох и почти ослеп. Он дернулся назад, инстинктивно угадав второй удар и пытаясь его избежать, но Мердек и тут оказался хитрее, и второй удар пришелся совсем с другой стороны, и был он еще сильнее первого, потому что враг бил с размаха. Йонард присел на задние лапы, мотнул головой, туда-сюда мотнулись длинные уши, и с дикой яростью ринулся на врага. Его челюсти клацнули у самого горла Мердека, еще немного, и... Но проклятая цепь дернула его назад, и он в отчаянии взвыл. Если бы он родился собакой! Тогда, наверное, он бы лучше управлялся со своим великолепным, сильным и быстрым телом, а его мощные когти и страшные смертельные клыки сейчас не казались бы ему таким жалким оружием против сабли, ловкости и (Йонард-человек мог это оценить) бойцовой сметки Мердека. Германец привык драться на двух ногах, глядя на противника сверху вниз, и как же отчаянно не хватало ему меча, оставшегося в Черной башне. Очередной, какой уже по счету удар настиг его – и пес покатился в глухое

беспамятство, еще успев подумать: «Сейчас добьет. Все...».

– Довольно, Мердек, уж больно ты лют. Хозяин велел побережь пса...

Стремительным тигриным движением Мердек обернулся на голос, сабля его описала полный круг, и ошалевший от всего увиденного разбойник даже не успел вскинуть оружие в свою защиту. Его голова отделилась от туловища, и фонтан крови окатил второго разбойника. Мердек не смотрел, куда упала голова. Какая разница, куда падают головы поверженных врагов. А вот другой охранник не удержался и на мгновение скосил глаза – и эта слабость стоила ему жизни. Стоя посреди кровавого побоища, Мердек восстанавливал дыхание, соображая, что делать дальше, когда его окликнул голос, которого он ожидал услышать меньше всего:

– Неплохо, очень даже неплохо. За двадцать лет ты совсем не переменялся, все также ловок и лют.

Хаим-Лисица как ни в чем не бывало стоял в проходе и с явным удовольствием рассматривал поверженные тела своих бойцов.

С ног до головы забрызганный кровью, Мердек исподлобья взглянул на Хаима – человека, кого всю жизнь любил больше жизни и боялся больше смерти.

– Не боишься, что я и тебя с ними заодно? – спросил он без всякого почтения.

– Нет, не боюсь, – отозвался Хаим-Лисица, улыбаясь «козлиной» улыбкой.

Конечно, козлы не улыбаются, но если б они это делали, то выглядели бы точь-в-точь как Хаим.

Неожиданно Мердек почувствовал, что напряжение схватки отпустило его, он дышит легко и ровно, и разгоряченная кровь разгоняет по телу ощущение силы, такое знакомое раньше и почти забытое теперь. И злости на Хаима совсем не было. Впрочем, не было и недавнего раболепия. Он посмотрел прямо в глаза хозяину – неслыханная дерзость! – и с любопытством спросил:

– Почему же?

– А ты умный, – с загадочной улыбкой объяснил Хаим. – Если ты меня здесь прикончишь, мои люди не дадут тебе уйти.

– Будто? – усомнился Мердек.

– Да, любят меня не слишком, но тебе мое место занять не дадут. И потом, на что тебе обижаться? Я дал тебе понять, кто ты есть, и чего ты стоишь. Ты должен мне быть благодарен за урок. И, похоже, ты благодарен...

– Благодарен, – кивнул Мердек и, кроме него, никто не узнал, какой смысл вложил он в это слово.

Хаим взглянул на исполозованную сабельными ударами собаку и непритворно вздохнул.

– Жалко будет, если подохнет.

– А мне так ни капли, – отозвался Мердек.

Когда шаги Хаима и Мердека стихли, факел последний раз вспыхнул и погас, но это не имело никакого значения для пса, который почти ничего не видел и не чувствовал.

Йонард не часто задумывался, что такое смерть, но иногда мысли о ней все же посещали его голову и каждый раз он отвечал на этот вопрос по-разному. Сейчас, если бы кто-нибудь спросил его, что такое смерть, он бы ответил – смерть это отчаяние...

– Не всякую битву можно выиграть, а проиграть битву не значит проиграть войну.

Негромкий голос прозвучал совсем рядом. Йонард с трудом поднял голову. Призрак Дзигоро сидел на плоском камне в углу, по своему обыкновению поджав ноги, и смотрел на него с мягкой улыбкой.

– О чем ты жалеешь? О том, что не омыл свои клыки в крови своего собрата?

– Иранские волки ему собратья. Он хотел меня убить, а я не смог достойно ответить. Что же, по-твоему, я должен радоваться?

– Радоваться тебе нечему, – согласился призрак. – Но и печалиться ни к чему. Пожалуй,

это хорошо, что ты его не убил. У меня такое предчувствие, что Мердек в этой истории еще скажет свое слово...

– Злости у меня на него настоящей не было, вот в чем дело, – буркнул варвар, – если бы сюда зашел этот жирный любитель гашиша, я бы точно оттяпал ему голову!

– Он же не знал, что ты – человек, – возразил призрак.

Йонард вздохнул так, что цепь загремела.

– Я этого и сам не знаю. Боюсь, я призрак, и стал привыкать к четырем лапам. И есть с пола. Вырвусь – раздери египтянина в клочья, и будь что будет.

– Тогда останешься собакой, – уронил Дзигоро, не глядя на серебристого пса.

– Что?! – рявкнул Йонард, словно и не лежал только что, истекая кровью, почти бездыханный.

Стремительный прыжок не сумел бы предвидеть никто, даже Дзигоро. Другое дело – призрак и не собирался отклоняться. Даже не вскинул руки для защиты. Огромный шар, весь состоящий из тугих мускулов, клыков и злобы пролетел сквозь него и приземлился, тяжело ударившись о каменный пол пещеры. Позабыв о человеческом достоинстве, Йонард взвыл.

– Хотел бы я знать, в каком месте ты зарыл свою хваленую выдержку? – полюбопытствовал Дзигоро. – Я бы, пожалуй, не поленился сходить и вернуть ее тебе. Без нее ты выглядишь очень глупо.

– Издеваешься? – хмуро спросил пес.

– Есть немного. Вставай. Не лежи на мне. Я хоть и нематериален, но разрывать пополам меня не нужно.

– Мне бы твои заботы, – Йонард возвратился в свой угол и вывалил язык, часто дыша. – Кстати, давно забываю спросить, что это ты так разболтался? Да и я тоже. Прежде, помнится, и без слов обходились. Почему не говорил, если мог?

– Не мог, – отозвался Дзигоро. – Ты кто, по-твоему?

– Человек, – без тени сомнения отозвался варвар, – заколдованный египтянином и временно помещенный в собачью шкуру.

– Короче говоря – оборотень, – заключил Дзигоро и вскинул руки в предупреждающем жесте. – Все нормально, Йонард. Ты – оборотень, я – призрак. Если проще – мы оба нечисть. Отчего бы нам не поболтать время от времени? Вот станешь человеком – тогда все... Исчезну я для тебя, и голос мой пропадет.

– Как? – рявкнул Йонард. – Как мне снова стать человеком?

– Чтобы обрести себя, надо себя отринуть, – произнес призрак медленно и весомо.

Его глаза пронзительно и ясно глядели в серо-зеленые глаза варвара.

– И что это означает? – озадаченно поинтересовался Йонард.

Дзигоро неожиданно рассмеялся:

– Откуда же мне знать? Ты и впрямь думал, что я всеведущ? Нет, друг мой четвероногий, путь от тебя к себе долог и тернист, и проводника боги не посылают. Каждый должен пройти этот путь сам, в соответствии со своими мудростью, мужеством и честью.

С минуту Йонард пытался сообразить, смеяться ему или не стоит, и вдруг злобно ощерился:

– А не пойти ли тебе... в Мокрую морось! Вместе со своими загадками.

– И впрямь пойду, засиделся, – согласился Дзигоро и... исчез. Даже не попрощался.

Варвар улегся в своем углу, гремя цепью и недовольно ворча. Мертвецы, с которыми предстояло делить ночь, не слишком беспокоил германца. Спокойствию мешали непонятные слова Дзигоро: «Чтобы обрести себя, нужно отринуть себя».

– Да зарасти оно все травой по самые уши! – рявкнул пес, вскакивая на четыре лапы. – Шляются тут всякие призраки, загадки загадывают, а ты ломай голову...

Глава десятая

Несколько шатров, раскинувшихся среди гор на узенькой площадке, окруженной

дикими неприступными скалами, покрылись на рассвете мелким бисером росы, сверкавшей в редких лучах солнца. Над лагерем поднимался пар, источающий запах временного прибежища человека. То тут, то там раздавался смачный утробный храп, прерываемый иногда сонным присвистом. Костер, разведенный вечером внутри круга из шатров, успел поглотить все дровяные запасы, и теперь неторопливо тлел, даря людям больше дыма, нежели тепла. Хрупкая девушка копошилась у кострища, пытаясь поддержать огонь. После удачной попытки язычки пламени стали облизывать большой закопченный чан с непонятным содержимым – вероятно, оставшейся после ужина похлебкой.

Солнце поднималось все выше, освещая лагерь и темный провал в скале – пещеру, где был заключен Йонард. Однако жары, обычной для этих мест, не было и в помине.

Хаим-Лисица встал почти с рассветом, выбрался из шатра наружу и мутными глазами оценил обстановку. Пытаясь заглушить дружный храп, он прокричал:

– Поднимайтесь, пьяные свиньи!

На мгновение все вокруг затихло. Из некоторых шатров повысовывались заспанные лица, сыпля недовольными, едва слышными ругательствами. Хаим с видом знатока поворошил угли, попробовал похлебку, которую варила его младшая жена Айсиль, одобрительно крикнул, и тут из одного шатра вновь донесся храп. Окунув черпак в котел, Хаим понес его к возмутителям спокойствия. Не успел он скрыться внутри шатра, как послышался душераздирающий крик и наружу вылетел здоровенный детина, закрывая руками лицо. По бороде его стекала дымящаяся похлебка. Хаим-Лисица выбрался следом и оглядел стоянку:

– Ну, кто еще не проснулся?

Видимо, никто больше не захотел испытать такой метод на себе, так как остальные активно выбирались на свежий воздух. Удовлетворенный деятельностью своих бойцов, Хаим выбрался из кольца шатров и наткнулся на живую скульптуру. Человек, вызвавший его гнев, неподвижно склонился перед ним. Он стоял на коленях, уткнувшись лбом в стылую землю, и не двигался. Возможно, он простоял так всю ночь, а может даже спал, свернувшись, как пес у порога хозяина, но, лишь заслышав шаги, он вскочил и принял прежнюю покаянную позу. Еще вчера он голосил, призывая в свидетели Ахура-Мазду Жизнеподателя, клялся самыми страшными клятвами и лизал прах под подошвами Хаима-Лисицы, но тот брезгливо отдернул ноги, которые почему-то всегда мерзли.

– Ты обещал вернуть долг – пять тысяч динаров, – устало сказал он и, прервав вопли вперемежку с мольбами и лживыми клятвами, произнес: – однако ты не сдержал слова и достоин того, чтобы тебя постигла участь всех несостоятельных должников.

Увидев, что человек взмок, как мышь под метлой, глаза Хаима остекленели, а зубы стали выстукивать бешеный танцевальный ритм, Хаим-Лисица счел возможным проявить милость. На свой, разумеется, манер. Людей, знавших своего покровителя, его гнев пугал куда меньше, чем неожиданная доброта.

– Я, пожалуй, пощажу тебя, – медленно, как бы в раздумье, проговорил Хаим-Лисица.

Несмотря на это, человек не кинулся целовать его туфли, вознося хвалу богам. Видно, он и вправду знал Хаима, или просто был догадлив.

– Эту ночь ты прстоишь, касаясь своим недостойным лбом земли, которую ты осквернил лживой клятвой, – изрек Хаим, – а завтра на рассвете принесешь мне шкуру серебряного пса... Тогда я тебя помилую. И даже дам отсрочку. Еще на год.

– Шкуру этого дьявола? – смертельный испуг исказил тонкие черты человека. – Но, повелитель, все знают о страшном серебряном дьяволе, которого ты у себя держишь. Еще никому не удавалось принести тебе его шкуру, однако не счесть тех, кто пал от его могучих клыков. Кое-кто говорил, – провинившийся понизил голос, оглянулся и закончил: – что отважному Хаиму удалось посадить на цепь одного из слуг Таната. А может, и его самого.

– Посадить на цепь Таната? – Хаим захохотал и брезгливо откинул голову должника мягким носком туфли. – Что ж, возможно, они не так уж и наврали. Завтра ты, лживая собака, недостойная называться мужчиной, увидишь этого демона без цепей. И принесешь

мне его шкуру. Или умрешь. А сейчас молчи, твои вопли мешают мне размышлять о судьбах мира, и вообще, я от них теряю аппетит.

С этими словами Хаим ушел в свой шатер и вышел только к полудню. Вчерашние сцены с должником вызвали у разбойной братии различные споры в предвкушении интересного и захватывающего зрелища. Но, тем не менее, никто из них не сомневался, что бедняге суждено умереть...

Лучники заняли свои места – забрались повыше на скалы вокруг всей поляны. Другие воины остались внизу, но разодеты они были как на битву. Бряцающая оружием и доспехами, они образовали большой круг. И вот из пещеры вышел дюжий полуголый парень, который, демонстративно играя мышцами, вел на цепи огромного серебряного пса – то ли собаку, то ли и впрямь самого властителя преисподней. Люди Хаима, привыкшие к подобному зрелищу, и то не удержались – забормотали молитвы подателю жизни – Ахура-Мазда и Митре, ибо страшен оказался смиренный демон, и до такой степени, что дальше уже просто некуда...

Пса вывели на середину стоянки. Поводырь наклонился и, под сдавленные вздохи и перешептывания, спокойно снял с него цепь и тотчас спрятался за спинами наблюдателей. А демон не двигался – словно застыл.

Когда это случилось в первый раз, он, исполнившись безумной надежды, сбил с ног своего стражника и рванулся из лагеря Хаима, как ему казалось, быстрее ветра. Но стрелы оказались быстрее. Не успел он опомниться, как несколько стрел обожгли его тело, и его, залитого кровью, привязали на прежнее место, в пещере.

Йонард думал, что умрет, и приветствовал смерть, жалея лишь об одном – что умирает, не отомстив...

Но он поторопился. Раны заживали... как на собаке, и полностью затянулись к вечеру следующего дня. А на рассвете он положил первый камень в здание небывалого могущества и власти разбойничьего главаря Хаима-Лисицы, разорвав в клочья его несостоятельного должника. У него не было другого выхода. Кривая сабля наступала на него спереди, нож полуголого разбойника – сзади, а стрелы Хаимовых лучников дрожали на тетивах со всех сторон.

У него и сейчас не было выхода. Если этот несуразный человек попытается его убить – ему придется отвечать. Но если он не станет драться, если бросит саблю в песок – тогда пусть Хаим и его шайка делают, что хотят. Йонард был воином. Он с детства готовился к суровой доле мужчины – убивать или быть убитым. Он не был образцом благонравия, он повидал всякое, и меч его не раз обгагрался кровью людей, как он смутно подозревал, более достойных жизни, чем он сам. Но убивать безоружного, словно ты гладиатор, на потеху публике он так и не научился. И учиться этому ремеслу считал для себя позорным.

Разбойники зашевелились и расступились, пропуская Хаима. Тот неторопливо и важно проследовал к своему месту и опустил на сложенный вчетверо ковер.

Ах, как хотелось достать его в стремительном прыжке и сжать на горле железные челюсти. Но лучники были настороже, видно, понимали, какие отчаянные мысли бродят в огромной голове серебряного демона.

Вытолкнули в круг и должника. Он шагнул было назад, затравленно озираясь, не смея поднять глаза на собаку, но Хаим двинул бровью, и круг разбойников сомкнулся за ним.

Медленно, нарочито-красивым движением, Хаим отцепил от пояса кривую, всю в драгоценных камнях саблю и тонкий кинжал и бросил то и другое в пыль к ногам человека, вызвавшего его неприязнь.

– Принеси мне его шкуру, – почти ласково произнес Хаим.

И в это время в освященный традицией (надоевшей, правда, но все-таки традицией) ход поединка вмешалась третья сила. Тощая темноволосая девушка, закутанная в линялый бурнус, растолкала дюжих разбойников, выскочила на середину и, не обращая внимания на страшного зверя, упала на колени перед Хаимом. Это была его младшая, не слишком любимая жена Айсиль. Больше прислуга, чем жена. Хаим нахмурился, глядя на своевольную

женщину и пытаюсь сообразить, что ей надо, но Айсиль недолго держала его в неведении.

– Пощади моего отца, повелитель. Он не богат, но предан тебе всей душой. Он умен, повелитель, он очень умен. Он придумает что-нибудь, обязательно придумает, я его знаю!

Душераздирающий визг раздражал Хаима. Он терпеть не мог своеволия в женщине, тем более в своей. Он медленно поднял руку и щелкнул толстыми пальцами. Двое разбойников, доверенные слуги-телохранители повелителя, рванулись вперед, как собаки, спущенные со сворки, и принялись охаживать тощую фигурку плетью. Девчонка заверещала так, что зазвенело в ушах, а близкие горы откликнулись эхом, но никто из разбойников не шевельнулся. Они смотрели на неожиданное представление равнодушно и терпеливо, как сам Хаим. А девчонка Айсиль тонко кричала, цепляясь за битый камень:

– Пощади моего отца, повелитель! Разве плохую похлебку варю я тебе каждый день?

Пожалуй, и лучший друг не назвал бы Йонарда благородным героем, готовым умереть из-за какой-то тощей облезлой девчонки, тем более – чужой жены. Он и сам не понял, какая блажь ударила в его собачью голову, но он рванулся вперед и ударился о разбойника широкой грудью и львиными лапами. Тот повалился, увлекая пса за собой. Йонард двинул плечами, дернулся и вскочил... вскочил на ноги. Разбойники шарахнулись в стороны. Интерес на их лицах сменился суеверным ужасом. Лишь Хаим-Лисица сохранил остатки достоинства, да и то потому, что сидел. Йонард осознал случившееся, когда копна черных волос упала ему на глаза.

ОН СТОЯЛ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ НОГАХ, ОГЛЯДЫВАЯ ТОЛПУ РАСТЕРЯВШИХСЯ РАЗБОЙНИКОВ ХОЛОДНЫМИ СЕРО-ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ ВАРВАРА-УБИЙЦЫ, СЖИМАЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РУКЕ МЕЧ СТРАЖНИКА, КОТОРЫЙ ПРИХВАТИЛ, САМ НЕ ЗАМЕТИВ КАК.

Стоял, разумеется, в чем мать родила. Айсиль один раз глянула в его сторону и больше не стала. Пожалуй, она одна была больше смущена, чем напугана. Йонард недоумевающе взглянул на меч в своей руке, взвесил его и зловеще рассмеялся.

– Ну вот, так жить можно, – пробормотал он себе под нос, но, оглядев плотное кольцо разбойников, с искренним сожалением добавил: – только недолго.

Он первым сделал шаг навстречу приближающимся бандитам и, размахивая мечом, закружился в смертельном танце...

* * *

Айсиль была заперта и плакала. Но это беспокоило Хаима-Лисицу меньше всего. «Пусть хоть бы совсем подохла, дрянная девчонка, из-за нее почти дюжина ребят разрублена на куски, а остальные изрядно поранены. Если бы не умела так хорошо готовить, своими руками придушил бы негодную». Хаим по-настоящему испугался того чудовища, которое сам же и приволок. Чудовища, в самый неподходящий момент обернувшегося здоровенным голым варваром, искрошившим отборных бойцов Хаима и как ни в чем не бывало вернувшимся в первоначальное состояние. Стрелы его не пощадили, а кривые сабли изрубили в месиво, в котором было уже не различить, серебряным был пес или красным. Хаим остановил расправу, когда сабля одного из разбойников – одноглазого Гасара – расколола надвое собачий череп и чудовище наконец рухнуло под ноги людей. Но не прошло и часу, как кровавое месиво зашевелилось, и пришлось нести цепь. А к вечеру пес уже поднял голову, вздернул верхнюю губу, показав великолепные зубы, и зарычал. Хаим-Лисица мог бы поклясться, что в рычании пса он расслышал зловещий смех.

В это время к лагерю со стороны города приближался одинокий всадник. Заметив его, часовой спрыгнул с камня, наложил стрелу и зычно крикнул:

– Кого Танат несет?

– Ювелир Рашудия к повелителю по важному делу.

Часовой был предупрежден и пропустил всадника беспрепятственно. Одиночество и скука способствуют размышлениям. Вот молодой разбойник и призадумался. И первая

мысль была: «Смел же Рашудия. В одиночку в такую дорогу пускаться...» И вторая: «А чего ему бояться? Если он всем разбойникам в городе и самому Хаиму-Лисице отец родной».

А всадник меж тем продолжал путь и вскоре оказался в разбойничьем лагере.

Странное оживление царило здесь. Такое, что и слово-то к нему подобралось не сразу, а когда подобралось, то совсем не понравилось ювелиру. Оживление в лагере Хаима было каким-то угрюмым. Казалось, разбойники чем-то подавлены. И если б Рашудия не знал так хорошо Хаима и его отчаянную шайку, он предположил бы, что они, пожалуй, напуганы. И даже, возможно, не сделал бы ошибки.

В центре лагеря, у опрокинутого навзничь котла, толпилось с десяток кое-как перевязанных людей. Остальные слонялись поодаль, и лица у них были такие, что спаси боги!

Попадись им в этот момент какой-никакой заблудившийся караван или даже сам господин Ардашир с конной сотней, не пощадили бы даже лошадей. Над кострищем, привязанный к бревну, водруженному на массивные, кое-как вырезанные рогаки, висел огромный пес с серебристо-серой шерстью. Огонь лизал его светлые бока и длинные уши, но, похоже, казнимый зверь страдал не столько от боли, сколько от скуки. Во всяком случае, выразительная морда его была усталой и безразличной.

– А что это вы здесь делаете? – спросил Рашудия, с интересом наблюдая странную сцену.

– А это мы оборотня сжигаем, – охотно пояснил молодой разбойник и подбросил в костер сухих веток.

Взметнулись искры, обдавая серебристое тело собаки, языки пламени обняли серебристую морду и сошлись над ней, но пес не скорчился, только терпеливо вздохнул, словно хотел сказать: «Ну и надоели вы мне...»

– И давно сжигаете? – полюбопытствовал ювелир.

– С позавчера, – ответил тот же парень с тем же угрюмым оживлением.

– Не горит? – догадался Рашудия.

– Не горит, – вздохнул разбойник.

– Топором не пробовали?

– Пробовали. Не помогает... У-у, скотина! – парень сжал кулак и издали погрозил оборотню, но тот лишь сморщился и равнодушно отвернулся.

* * *

Хаим-Лисица откупорил старое вино, сам разлил его в две чарки, протянул гостю и махнул короткопалой ладонью, велев челяди убраться.

Здесьний этикет требовал, чтобы сначала хозяин расспросил гостя о том, хорошо ли он доехал и не причинил ли Хаим высокочтимому Рашудии какого-нибудь беспокойства. А гостю полагалось справиться о здоровье хозяина и благополучии его жен и детей. Но Хаиму-Лисице было глубоко наплевать на беспокойства ювелира, тем более что он их оплачивал. А Рашудия отлично знал, что жены и дети волнуют разбойника еще меньше, чем дорожные приключения гостя.

– Развлекаются твои храбрецы? – Рашудия неопределенно мотнул головой в том направлении, где уже третий день, если верить молодому разбойнику, пытались сжечь оборотня.

Хаим пожал плечами и, пригубив вина, одобрительно цокнул.

– Пусть их. Нам они не помешают.

«А оборотень?» – хотел было спросить ювелир, но передумал и попридержал язык.

– Я хочу сделать крупный заказ – тихо произнес Хаим.

– Насколько крупный? – подобрался Рашудия.

Хаим неспешно вытянул руку. На толстом пальце блеснул перстень с крупным синим камнем такого густого цвета, что в темноте он показался черным. Но Рашудия всю жизнь

работал с камнями и ни с чем бы не спутал этот редчайшей индийской огранки сапфир.

– Красивая вещь, – осторожно сказал Рашудия, – старинная. И дорогая. Нужно, чтобы я сделал копию?

– Ты проницателен – кивнул разбойник, – две копии. Мне нужно две копии, ювелир. Самые точные. Камни должны быть без единого изъяна и в точности повторять огранку. Они нужны мне к полнолунию.

– Это будет стоить... Очень недешево стоить...

– Я заплачу тебе за эту услугу, как не заплатит и шах, – Хаим снял с руки перстень и протянул ювелиру, – заплачу советом. Хорошим советом.

Рашудия внимательно смотрел на разбойника.

– Когда будешь выполнять мой заказ, сделай три копии. И в следующее полнолуние надень лишний перстень на свой палец... Или на палец того, чья жизнь тебе дороже собственной.

После долгого молчания, наполненного треском костра и негромким звуком дутара в отдалении, Рашудия поднял голову:

– Могу я сделать четыре копии, Хаим?

– Их должно быть не больше семи, – буркнул разбойник и опустил веки, показывая, что разговор закончен.

О деньгах за работу разбойник так и не упомянул. Впрочем, умный ювелир этого и не ждал. Он сидел напротив, по-восточному невозмутим, и обливался холодным потом, вспоминая старые страшные сказки, которые вдруг так неожиданно воплотились в жизнь.

* * *

Йонард уже привык к тому, что призрак Дзигоро появляется неожиданно и всегда не вовремя. Но когда китаец прошел сквозь разбойничий лагерь, миновал угрюмую толпу и, никем не замеченный, преспокойно уселся у костра, он невольно вздрогнул. Не признаваясь себе, он был рад увидеть своего мудрого спутника. Пожалуй, он не слишком изменился, став тенью, и Йонард недоумевал, почему он всю жизнь так настороженно относился к призракам. Отличные парни, и с ними вполне можно иметь дело. Впрочем, Дзигоро быстро погасил слабый росток симпатии к призракам, потому что, увидев Йонарда, по своему обыкновению первым делом съехидничал:

– Как себя чувствуешь, оборотень?

Пес оскалился.

– Как, как?... Жарко!

Дзигоро сочувственно кивнул, но этим и ограничился.

– Слушай, сделай что-нибудь, – варвар снизошел до просьбы, решив, что гордость подождет.

– Что же я могу сделать? – удивился Дзигоро. – Я же призрак. Не забывай, у меня и тела нет.

– Но голова-то у тебя осталась?

– А своя у тебя зачем? Лбом стены прошибать? Кстати, лобная кость толще, чем другие. Вполне годится для такой работы.

– А не пошел бы ты, – вяло огрызнулся Йонард, – в Мокрую морось.

Дзигоро неожиданно стал серьезным. Он подтянул под себя ноги и уставился на собаку немигающим взглядом.

– Полнолуние близится, а с ним и час решающей битвы. Ты должен отвоевать у египтянина свою человеческую сущность, это твой последний шанс, но одновременно это и мой шанс. Однажды, когда я был еще жив и, да простит мне Будда, беззаботен, мой Учитель, лучший и мудрейший и людей, рассказал мне о Черной башне и пророчестве, которого так боится египтянин. Оно гласило, что мне суждено выковать клинок, который принесет смерть двоим. И один из них – маг, хозяин Черной башни.

– А второй? – спросил Йонард, помимо воли увлеченный рассказом.
– А второй перед тобой. Египтянин не знал этого. Иначе никогда не поднял бы на меня руки.

– А... ты?

Йонард извернулся, пытаясь из своего неудобного положения разглядеть китайца.

– Есть две мудрости, – повторил Дзигоро уже сказанное однажды. – Мудрость того, кто наносит раны и мудрость того, кто врачует раны. Или мудрость того, кто обнажает меч и мудрость того, кто протягивает открытую ладонь...

– Ты можешь говорить проще? – с несвойственной ему мягкостью попросил варвар.

Дзигоро пожал плечами.

– Конечно. Но моя вера учит двум вещам. И первая из них звучит так: смерть это освобождение духа. А вторая – знание не должно влиять на решение. Если ты вышел на бой со злом, мерилom твоей мудрости может быть только долг, – и призрак встал.

– Ты куда? – опешил Йонард и рванулся, позабыв о крепости цепей.

Разбойники тут же вскочили и засуетились. В костер полетели сухие ветки, и пламя взметнулось, на несколько мгновений скрыв серебряного демона.

– Я не уйду, – тихо и, как показалось, печально, ответил призрак. – До полнолуния. До дня решающего боя мы будем вместе. Я не могу тебя оставить, хоть ты и отсылаешь меня упорно в Мокрую морось. Дорогой мой пес, ведь ты и есть тот самый клинок, который я должен выковать. Мы оба скованы судьбой, но ты сбросишь свои цепи, а цепь моих обязательств не в силах порвать даже смерть.

Грохнула цепь, и пес в очередной раз покатился вниз, не устояв на двух лапах. Глухое рычание вырвалось из могучей груди и заколотилось о стены подземелья.

Он никогда не сдавался. Но это была уже не первая попытка и даже не десятая. Разбойникам, наконец, надоело их бесполезное занятие и они, приковав пса-оборотня в пещере, разошлись по своим делам, оставив Йонарда одного. Точнее, их вдвоем с Дзигоро, о существовании которого они и не подозревали, иначе им пришлось отмахиваться еще и от призрака.

– Твоя ошибка в том, что ты пытаешься волевым усилием превратиться в человека, – если призраки умеют вздыхать, то Дзигоро вздохнул. – Ты должен вообще забыть, что ты собака. Встать и пойти, как ты это делал всегда.

Йонард хмыкнул.

– Разве у тебя, – продолжал призрак, – когда-нибудь были трудности с хождением на двух ногах?

– Вообще-то, случались, – признался Йонард.

– Ляг, – Дзигоро подошел и сел рядом, – усни...

Узкая ладонь невесомо легла на массивный лоб собаки.

– Ты человек, ты воин, ты должен победить своих врагов. Ты Йонард из Германии, Йонард, который никогда не сдается...

Подчиняясь его монотонному голосу, пес опустил на пол тяжелую голову, вздохнул и закрыл глаза. И пока Дзигоро говорил, незаметно для себя вытянулся в длину, плечи развернулись, исчез хвост и большие плоские уши. Собака таяла, исчезала, уступая место могучему варвару с гривой нечесаных волос и жутковатой звериной усмешкой.

– Проснись, – тихо произнес Дзигоро, убирая ладонь. – Проснись и встань, человек. Ты – свободен.

Тонкий сдавленный крик взлетел под своды пещеры и замер. Тошная большеглазая девчонка в линялой юбке глядела на варвара из полутьмы с суеверным ужасом и изо всех сил зажимала рот ладонью.

– Айсиль?

Йонард сел, расстегнул ошейник и отбросил цепь, не слишком раздумывая о том, что он делает. Но стоило ему подняться, как девчонка в страхе метнулась назад и остановилась

шагах в десяти, мелко дрожа.

– Что ты хочешь сделать со мной, оборотень? Я тебе не враг, – от испуга девчонка икнула.

Заметно было, что она готовится дать стрекача при первом же движении оборотня.

– Что ты здесь делаешь? – спросил в свою очередь Йонард, по возможности мягче.

– Я пришла сказать тебе спасибо, оборотень, – тихо проговорила Айсиль, – и еще... Я кое-что принесла тебе, но... это не человеческая еда. Это кость. Мозговая.

– Давай, – обрадовался Йонард, – я голоден, как...

– Осторожно!

Призрак Дзигоро вырос, словно из-под земли, испуганный и гневный.

– Что ты делаешь? Хочешь опять?

– А что, и кости нельзя? – поразился варвар.

Китаец невольно улыбнулся, смягчаясь.

– Можно. Ради богов, если голоден – ешь. Но, видишь ли... Ты – человек до тех пор, пока сдерживаешь в себе зверя, волей своей не давая ему одержать верх. Знаешь, как заколдовал тебя египтянин? Он просто вывернул тебя наизнанку. Ты был человеком снаружи и зверем внутри. Потом ты был зверем снаружи, а человеком внутри. Сейчас я тебе помог, но если ты забудешься – все вернется. Остерегайся зверя в себе, Йонард. Он только и ждет твоей слабости.

– Ладно, я все понял, – поморщился варвар. – Дадите вы мне, наконец, поесть, а? Хорошо призракам – не нужно заботиться, чем набить брюхо, но я-то, слава богам, пока не призрак...

Дзигоро, не дослушав ворчания Йонарда, растаял в воздухе, по своему обыкновению бесследно. Айсиль, вся дрожа, приблизилась.

– Кто это был? – спросила она почему-то шепотом.

– Где твой гостинец? Я голоден как... воин после страшной битвы. Садись рядом, не съем. Я человечинкой не питаюсь.

Варвар ощерился и вонзил свои крепкие зубы в жесткое мясо с видимым удовольствием. Айсиль молчала и вообще старалась держаться как можно незаметнее, но удавалось ей это с большим трудом. Вид огромного голого северного варвара, к тому же без цепи, смущал и пугал ее. Однако она не двигалась с места.

– Кто это был? – снова спросила она, когда Йонард утолил первый голод.

– Это ты про Дзигоро? – переспросил варвар. – Так это один мой хороший приятель. Призрак. Ты его не бойся, он добрый.

– А я и не боюсь, – возразила Айсиль и тихо рассмеялась, – он напустился на тебя, как отец на непослушного ребенка.

– Он такой, – подтвердил Йонард, – иногда придушить его хочется за его дурацкие нравоучения. Только поди его придуши. Он же призрак. Надо было бы раньше это сделать, но раньше он не был таким вредным.

– Я сразу поняла, что ты – человек, – сказала вдруг Айсиль, – еще когда мой повелитель, Хаим, привел тебя в оазис. Я могу видеть скрытое. И мать моя могла. И бабушка. Только ты никому не говори, ладно? Иначе меня убьют.

– Ладно, – кивнул варвар, думая о своем, о мужском.

– Ты сейчас уйдешь, оборотень? – тихо спросила Айсиль.

– Зови меня Йонард.

– Ты уйдешь, Йонард?

Германец кивнул, все еще занятый ее подарком. Внезапно он вспомнил, что за вкусный обед женщину-хозяйку полагается хвалить, и с набитым ртом буркнул:

– Спасибо, очень вкусно...

– Правда? – обрадовалась девчонка. – Я хорошо готовлю, меня все хвалят. Это, пожалуй, единственное, что я умею.

– Ты можешь раздобыть какую-нибудь одежду и немного еды в дорогу? – перебил

Йонард, которому наскучили ее излияния.

Айсиль вскочила, словно этого и ждала, и метнулась к выходу, но на пороге замерла – тоненькая, как былинка, испуганная и невероятно отважная.

– Ты возьмешь меня с собой, оборотень?.. Йонард?

* * *

Хаим-Лисица не зря имел такое прозвище. Мало того, что он был хитер и ловок, так он еще и спал как лесной зверь – чутко, настороженно, вполглаза и вполуха. Услышав осторожные шаги и легкий шорох, он мгновенно проснулся, но продолжал лежать неподвижно, лишь приоткрыв глаза.

Осторожный шорох сменился легкими, скользящими шагами. Острый слух Хаима различил их только потому, что разбойник напряженно прислушивался.

Внезапно перед глазами выросла широкая спина, и Хаим-Лисица потянулся к кинжалу, который, засыпая, клал рядом.

– Эй, Йонард, а он не спит, – раздался вдруг тоненький голосок его младшей жены.

Варвар стремительно обернулся. Притворяться дальше было бесполезно, и Хаим открыл глаза. Над ним возвышался человек-оборотень, страшный демон, порождение Таната, которого Хаим притащил в лагерь, видимо, в помутнении рассудка. Холодные глаза внимательно разглядывали разбойника.

– Не спит, говоришь? – неразборчиво пробурчал он. – Тем лучше.

Только сейчас Хаим заметил, что челюсть оборотня двигается, а в лапе зажат кусок белого хлеба, запеченного с фруктами.

– Жить хочешь? – спросил варвар, прожевав.

Хаим, не думая, кивнул. Кто же не хочет?

– Тогда молчи. Айсиль, ты сможешь его связать?

Не говоря ни слова, девушка достала из складок юбки маленький нож, вытянула из-под тюков моток веревки и отмерила на локте нужную длину.

Заметив, что девчонка отлично справляется, Йонард забегал глазами по обиталищу Хаима-Лисицы в поисках оружия. Кривые сабли были слишком легки для могучей руки варвара, а его испытанный меч остался лежать в Черной башне. Там же, где и штаны, кстати.

Внезапно он наклонился, подцепил и выудил из груды подушек небольшой, тщательно перевязанный сверток.

Хаим сдавленно булькнул.

Йонард неторопливо обернулся и подивился разнообразию талантов Айсиль. Она явно скромничала, когда говорила, что умеет только готовить. Разбойник был связан, как гусь на продажу.

– Ты что-то хотел сказать? – спросил германец.

– Оставь его, – просипел Хаим.

– Почему? – Йонард взвесил сверток на руке, попробовал дернуть зубами тонкий узелок.

Хаим забился, рискуя перебудить весь лагерь. Кричать он не мог, в горло его упирался острый кинжал, который держала тонкая, но неожиданно твердая рука. Айсиль была полна решимости прикончить своего господина и повелителя, если этого пожелает зеленоглазый варвар.

Йонард потянул за кончик жилы, которой был перевязан сверток. Хаим покраснел, казалось, его сейчас хватит удар.

– Послушай, не открывай ты его, – неожиданно произнесла Айсиль и в ответ на вопросительный взгляд Йонарда добавила: – я видела твоего друга. Я и здесь что-то вижу. Что-то недоброе и страшное.

Йонард отставил сверток, но не потому, что разбойник, явно напуганный сверх меры, мог не посчитаться с угрозой тонкого стального лезвия, заорать и перебудить весь лагерь.

Варвар наконец нашел себе меч по руке и сверх того сунул за пояс кинжал с рукоятью, богато отделанной рубинами.

– Лезвие – барахло, – определил он, – но камни настоящие. Можно неплохо продать и купить хорошее оружие. Заткни ему рот, Айсиль.

Девчонка выполнила и это, причем так, что придраться было не к чему. Йонард больше не дивился ее необычным познаниям, просто перестал беспокоиться, что Айсиль станет обузой. Такие на руках не виснут.

Уже у самого входа он оглянулся.

– Мы ничего не забыли? – пробормотал он. – Вроде, нет...

И к ужасу Хаима-Лисицы, который просто забился в беззвучном крике, глупый варвар подхватил Дыхание Смерти и небрежно сунул в мешок.

Потом он приподнял кошму, выглянул, выпустил Айсиль и растворился в ночи, оставив своего недавнего хозяина задыхаться от страха и беспомощной злобы.

Серебристые лучи ночного светила отражались от гор, освещенных зарождающейся луной. Невидимым потоком они разливались по миру, смягчая непроглядную тьму. Лишь время от времени по небу пробегала одинокая тучка, и окружающий мир вновь погружался во мрак, в котором, как бездымные факелы, тлели снежные вершины гор.

Уведенные лошади, маленькие, приземистые, но очень выносливые звери, бежали ровной рысью уже два часа, когда Айсиль, которая ехала чуть впереди, вскинула руку.

Йонард натянул поводья.

– В чем дело? – недовольно буркнул он. – Нам нужно торопиться. Мы совершаем побег, ты, случаем, не забыла?

– Я что-то чувствую, – произнесла она едва слышно. – Здесь твой друг, призрак. И еще кто-то.

В это мгновение прямо из обступившей всадников тьмы возник светящийся силуэт Дзигоро, а вслед за ним появилась странная компания: огромный питон с печальной головкой обезьяны, грациозная черная пантера и жирная крыса на паучьих лапах. Они словно вынырнули из небытия и обступили Йонарда и Айсиль. Девчонка дернулась было назад, но остановилась на месте. А кони отчего-то вовсе не боялись.

– Рад видеть, – хмыкнул Йонард, по очереди разглядывая знакомую компанию. – А что вы здесь делаете, ребята? Я думал, вы все за воротами.

– Мы будем нужны тебе.

– Я получил счастливый знак, – промолвил призрак. – Учитель в Хорасане, недавно прибыл с караваном, и я, конечно, найду его дом.

Глава одиннадцатая

Улицами здесь именовались грязные закоулки, такие узкие, что едва разойдешься со встречным прохожим, не задев его плечом. Они петляли между такими же грязными и серыми от пыли домами, точно старались сбить пешеходов с пути. Когда-то дома здесь были белыми, вечерами приветливые огоньки зывали в гости припозднившихся путников. А теперь только жаркий суховей гонял вдоль заборов обрывки старых, уже потерявших цвет тряпок и войлока.

Они сами стали похожи на мягкие, большие куски ветоши, в которые с каждым порывом ветра набивалась новая пыль, гонимая все тем же безжалостным дыханием раскаленной земли вместе с колючими, похожими на мотки верблюжьей шерсти пучками травы. Вездесущая пыль скрипела, визжала, шуршала в этом пространстве, называемом городом, забивалась под одежду, как ни укутывайся по самые глаза, рассаживая кожу в кровь, и пребольно, хрустела на зубах, билась в заскорузлые доски закрытых ставен, из-за которых если и блеснет огонь, то разве украдкой.

Плоские крыши домиков, превращающихся в барханы во время песчаных бурь, в

остальное время мрачно нависали над маленькими, точно язвительно прищуренными окошками, подобно нахмуренным лбам чем-то вечно озабоченных людей. Высокие, в рост человека ограды, выложенные из серых известковых камней, с сохранившимися кое-где следами облезшей побелки не позволяли заглянуть вглубь дворов, разве только сидя верхом на лошади. Хотя вряд ли это доставило бы любопытному какое-нибудь удовольствие. Из-за оград несло чем-то кислым, причем из-за всех сразу. Так что не было никакой возможности определить, что же является причиной появления столь непотребного зловония. С редкой ограды свешивалась ветка какого-нибудь дерева, почти без листьев, такая же запыленная, колеблемая порывами ветра, щедро осыпавшего серой мукой и деревья, и камни.

Иногда мутная вода арыков приносила страшную болезнь, уносившую целые семьи. Тогда приходилось уходить за сотни лиг от города, чтобы найти чистую, незараженную воду, и вода в городе дорожала в сотни раз, и те, кого пощадила болезнь, умирали от жажды. Случалось, что город захлестывали полчища зачумленных крыс, и тогда он превращался в огромную могилу, где над сотнями непогребенных трупов носились тучи мух, которых здесь называли «синими бутылочками». И долго еще жизнь города не могла войти в нормальную колею.

Днем солнце нещадно палило, посылая огненные стрелы во все концы света.

Где-то они дарили жизнь и ласкали землю, но здесь встречали только песок и камень, и снова камень, и снова песок, раскаленный, как само светило. Зато ночью, когда пышущий жаром шар скрывался за краем земли и наступала вожденная прохлада, люди выходили из дневных укрытий на ночной промысел. Кто на честный, а кто – на свой страх и риск. А остроты риску добавляла непроглядная чернота здешних ночей, без огонька, без малейшего просвета в заставленных окнах и плотно закрытых дверях.

Кованый слюдяной фонарь над дверями трактира не чадил, но, покачиваясь от порывов ветра, отбрасывал на гладкую поверхность стены черные, зловещие тени. И что было самым тревожным, так это то, что черные тени двигались совсем не в такт пляшущим язычкам огня. Они подчинялись какому-то своему, одним им ведомому ритму, и двигались в четко определенном направлении, поодиночке, а то и группами, соблюдая определенный ритуал остановок и загадочных движений, после которых одни тени исчезали, а другие снова появлялись. От этого танца теней веяло какой-то угрозой, неуловимой, но неумолимой.

В маленьком, незаметном домике, который располагался недалеко от трактира, но был настолько плотно закутан во тьму, что казался домиком-невидимкой, в самом центре комнатки с двумя камышовыми ширмами, затянутыми белым шелком, на циновке сидел, поджав ноги, человек. Сказать, что он был стар – значило ничего не сказать. Он был древен даже не как камни стен, а как земля вокруг этих камней, как вечное небо над головой. Седой, когда-то сильный и ловкий, а теперь высохший точно каштан, он сидел без движения, глядя прямо перед собой бесцветными глазами. Но в них, в этих глазах, не было старческого слабоумия – они светились жизнью, мудростью, мягким добрым светом и глубокой уравновешенностью. Кожа его, когда-то смуглая, теперь была белее снега. Прямо перед ним на полу стоял маленький светильник, блуждающий огонек которого будто плавал на темной поверхности масла. Белые ширмы, такие же древние, как и их хозяин, в полутьме казались огромными окнами в потусторонний мир. Сходство это подчеркивалось удивительными по тонкости и живости изображениями черного с пятью золотыми когтями на лапах, тонкоусого дракона на одной и красно-черной змеи, кусающей себя за собственный хвост, на другой. В комнате витал едва уловимый аромат роз и крепко заваренного чая.

Казалось, старик ждет.

И он дождался. Прямо перед ним, на линии его лучистого, говорящего взгляда, вдруг обозначился силуэт мужчины в просторном одеянии, не стесняющем движений. Он был невысокого роста, худ, но гибок, как ветка молодого дерева, и лицом весьма похож на старого Дзень Сю, только на несколько столетий моложе. Фигура уплотнилась, стала зримее, четче. Мужчина словно сошел с невидимой лестницы на раскрашенную циновку, поклонился старику и сел напротив. Тот все еще молчал.

– Здравствуй, Учитель, – произнес молодой, – рад видеть тебя.

Дзень Сю кивнул, не отвечая.

Казалось, он не обращает никакого внимания на вошедшего и даже не видит его, но Дзигоро знал, как зорок этот бесстрастный взгляд Учителя, как обманчива его отрешенность. Он, без сомнения, увидел и понял все, что только можно было увидеть и понять.

– Я тоже рад видеть тебя, – произнес старик глубоким и неожиданно сильным голосом. – Как далеко ты продвинулся в своих поисках после нашей последней встречи?

– Я умер, Учитель, – слегка удивленно ответил Дзигоро.

– Это я заметил, – невозмутимо кивнул старик, – ну а еще что-нибудь ты сделал?

Дзигоро рассмеялся с явным удовольствием:

– Ты ничуть не изменился, Учитель.

– Ты тоже, – ответил Дзень Сю. – По-прежнему не отвечаешь на вопросы, а ведь я спрашиваю не о пустяках.

Дзигоро посерьезнел.

– Я видел его, Учитель.

– Делви?

– Нет, Учитель. Я видел Тумхата. Мне горько говорить об этом, но все же ты ошибся. В нем ничего не осталось от Делви, и я не хочу называть его тем именем, которое дал ему в тот день, когда он принял от меня Посвящение. Да он и сам не вспомнит это имя. Он Тумхат. Маг. Поклонник Сетха. Он погряз в своей грязной магии, как муха в паутине, и теперь сам Будда не разберет, собака крутит хвостом или хвост собакой, он управляет своими заклятьями или магия уже давно подчинила его себе. Когда ты говорил, что путь магии – путь в никуда, в тупик, то я не верил. Если это так, думал я, отчего же столько мудрых считают за честь ступить на этот путь? Теперь я понял, Учитель. Есть Знание, и есть Мудрость. Истинно мудрый никогда не захочет быть магом.

– Ты дорого заплатил за этот урок, – произнес Дзень Сю, – но мудрость стоит дороже, чем знание. И если ты прав, и Делви безвозвратно потерян для этого мира, тогда у нас остается только меч. Ты выковал его?

– Клинок, о котором говорило пророчество, ждет за дверью, – в голосе Дзигоро проскользнули торжественные нотки. – Я нашел его почти готовым. Его отковала жизнь, а она лучший кузнец, чем я. Он может войти, Учитель? С ним женщина, она видит незримое глазу...

– Пусть войдут, – величественно и просто произнес старик.

Когда маленький, но необыкновенно острый нож в руке старика аккуратно срезал оплетку, бутылка предстала перед глазами Йонарда и девчонки Айсиль во всем своем древнем великолепии. Она оказалась сделана не из глины, а из белого алебастра, подобно сосудам, в которых хранились драгоценные масла. Теперь Йонард понял, почему сверток показался ему тяжелым. Варвару стало даже неловко, что такую изумительную вещь он так небрежно пихнул на дно своей котомки. Дзень Сю словно прочел его мысли.

– Случиться ничего не могло, северянин. Дыхание Смерти пережило века лишь потому, что запечатано величайшим заклятьем – подлинным именем бога, древнего, темного бога...

Йонард мрачно кивнул. Он понял, о чем идет речь.

– Открыть ее, – продолжал Дзень Сю, – могло только это, подлинное имя, которое, насколько мне известно, передавалось из поколения в поколение в той семье, где хранилась погибель этого мира.

Старик легким жестом протянул левую руку, и в нее вдруг легла большая книга в дорогом кованом переплете.

– В старину, – продолжал он, открыв том чуть ближе к началу, – с помощью Дыхания Смерти целые города превращались в обиталища призраков. Предок прежнего хозяина бутылки с ее помощью собрал огромные сокровища и прекратил жизнь славной Акры почти на двести лет...

Принимая сосуд на хранение, члены семьи и их ближайшие поверенные давали клятву беречь его больше, чем мужчина должен беречь свою жизнь. Они должны были беречь его так, как мужчина бережет свое мужское достоинство... – Лицо старика оставалось так же бесстрастно, но в голосе, несмотря на серьезность ситуации, проскользнул добродушный смехок. – Из этой клятвы и родился обряд Посвящения в Хранители Сосуда. Их отмечали татуировкой с магическими знаками...

Взглянув на Айсиль, старик усмехнулся и интересный рассказ не закончил.

– Вся беда в том, – продолжал он, снова став предельно серьезным, – что от времени ветшает все, даже заклинания. Сейчас Дыхание Смерти очень опасно. У бутылки появилась дурная привычка открываться, когда кто-нибудь по злобе или по недомыслию скажет что-нибудь недостойное, либо просто упомянет темного бога тем именем, которое он взял для людей.

– Ее необходимо... – начал было Дзигоро.

– Как? – коротко спросил старик.

– Учитель, мудрейший из мудрых, неужели даже ты не знаешь, как это сделать?

Дзень Сю медленно покачал головой.

– Разве может человек быть настолько мудрым, чтобы спорить с богами? – спросил он, обводя всю компанию внимательным взглядом.

На мгновение взгляд этот задержался на Йонарде, но почти тотчас скользнул дальше.

– В бутылке вино, друзья мои, – продолжал старик. – Обычное старое вино, но рука Темного бога касалась его и наделила силой и голодом. Когда бутылка открыта – она должна кого-нибудь убить. И с каждым разом ей требуется все больше и больше, чтоб насытиться. А загнать зло обратно может лишь человек, владеющий Запирающим талисманом. У меня есть такой.

Варвар подскочил, но старик властно вскинул руку, и Йонард опустил на место, кляня склонность великих мудрецов к пустопорожней болтовне. Впрочем, помня о ненадежной пробке, клял он ее мысленно, проявив несвойственную ему сдержанность в выражениях.

– Запирающий Талисман – не редкость, – продолжал старик, – это всего лишь особым образом огранный камень, чаще всего – алмаз, иногда – сапфир. Его используют для разных целей. Для прекращения ураганов, например, или наводнений. Я дам вам такой камень но, боюсь, не слишком он вам поможет. Талисман не запечатает Дыхание Смерти на века, сила у него не та. Талисман придумал человек – мудрый, наделенный силой, но человек. Для того чтобы спорить с богами, нужно самому быть богом. Или равным богу.

– Богу? – пробормотал германец, задумчиво поглаживая рукоять кинжала. – Хотел бы я знать, что значит «быть равным богу».

– Этот человек должен быть мудр, как звездочет, и чист, как младенец, – ответил без промедления Дзень Сю, – он должен все иметь, но от всего оказаться. Идти дорогой богов, и платить жизнью за каждый шаг, но не жалеть об этом и не считать, что платит слишком дорого... Ты когда-нибудь встречал человека, который ничем не дорожит?

Йонард в своей беспокойной жизни встречал много самого разного народу, и добросовестно порылся в памяти, но через некоторое время покачал головой.

– Вот именно, – кивнул Дзень Сю, – такого человека на свете нет. Возможно, когда-нибудь он появится – живое воплощение бога, герой или великий мудрец, и найдет способ уничтожить Дыхание Смерти. Пока же мне очень жаль, друзья мои, но я вижу только один выход.

Воин, призрак и женщина не отрываясь глядели на строго китайца.

– Я наложу еще одно Запечатывающее Слово. Мне потребуется много сил, и, возможно, их не хватит, но я сделаю все, что могу. Быть может, мне удастся отсрочить беду. Ни что другое мне не под силу. Человек не должен спорить с богами...

– Хорошо, мудрец, твори свои заклатья, как говорят, если нет лошади, то и осел лошадь, а там – посмотрим, – поднялся со своего места Йонард.

За ним поднялась Айсиль и наконец Дзигоро, поклонившись на прощание учителю.

Уже выходя, Йонард поискал глазами таинственную книгу, но не нашел... Впрочем, он уже устал удивляться, лишь с незнакомой еще ясностью подумал: не то ли и мудрость, что эта книга. Захочешь получить хоть малую толику, так идти за ней – не дойти, и дойдешь – не найти, а и найдешь – не поднять. Так и уйдешь ни с чем, глупец глупцом, как и был. А подаст тебе ее кто-нибудь другой. Кто-нибудь, у кого она всегда по левую руку и не тяжела...

Тем временем на улицах стемнело, и город, и так-то не слишком гостеприимный и добрый, сделался попросту зловещим. Айсиль испуганно жалась к Йонарду. Ночных разбойников и воров она боялась больше, чем запечатанного в таинственной бутылке Дыхания Смерти. Откуда ей было знать, что тот, в ком она видела единственную защиту, водил довольно близкое знакомство с ночными собратьями по ремеслу, которые для оплаты своих долгов доставали кошельки из чужих карманов. И даже сам когда-то был одним из них.

– С тяжелым сердцем оставил я учителя, – проговорил призрак Дзигоро, оглядываясь на слабоосвещенное окно. – Он мудр, но уже очень стар. Ему может не хватить сил. То, что спрятано в бутылке... Я ощутил его силу и злобу и знаю, это больше, чем может выдержать любой из нас. Я тревожусь...

Йонард о чем-то напряженно размышлял. Айсиль терпеливо ждала, предоставив решение мужчинам.

– Надо поесть чего-нибудь, – решил наконец Йонард. – Зайдем в трактир, подкрепимся, а потом всерьез подумаем, что делать дальше.

– Глядишь, мысли веселее побегут, – поддержала варвара Айсиль.

Дзигоро с сомнением поглядел на германца и верткую девчонку.

– Вино превращает человека в скотину, только настоящий мужчина не становится животным даже после... Можешь ведь и обратно в собаку превратиться.

Йонард торопливо кивнул. В мыслях он уже видел жареные бараньи почки с кусочками золотистого сала, плавающие в опаловом озерце растопленного жира, которые отлично и недорого готовили в трактире «Золотой баран» как раз неподалеку. Последнее обстоятельство устраивало Йонарда как нельзя лучше, по городу бродить он не хотел, так как не без оснований думал, что городская стража надолго запомнила здорового варвара, и вряд ли память эта проникнута уважением и почитанием к проявленной в бою с ними отваге и силе чужеземца. Да и с Хаимом-Лисицей он так же мало хотел встречаться, как и с Ардаширом.

К трактиру он и направился, стараясь держаться в тени. Дорогу он помнил отлично, Айсиль не отставала. Призрак по своему обыкновению растворился, не оставив следа и не сообщив о своих дальнейших намерениях. Улица опустела. И тут, в полнейшей тишине и безмолвии, из темных провалов узкого переулка, из неглубокой ниши одного из домов, просто из густой темноты, одна за другой возникли три фигуры. Они действовали совершенно бесшумно и на удивление слаженно, и целью их вылазки был, похоже, дом старого китайца. Учителя Дзень Сю.

Ох, не зря было беспокоило призраку Дзигоро...

Германец с удовольствием уписывал жаркое, отдыхая душой и телом за настоящей «человеческой едой». Сейчас ему почти с ужасом вспоминалась старая жилистая лошадь, парочка мышей, проглоченных прямо со шкурой, и овощная бурда Дзигоро. Айсиль, хоть и была голодна и не избалована, но насытилась быстро и, с хорошо скрываемым отвращением, отодвинула от себя местные деликатесы. Девушка недоумевала, как из такого хорошего, почти не старого еще мяса можно умудриться состряпать такую несъедобную дрянь. Спутник ее был, видимо, другого мнения, и Айсиль это ничуть не удивило. Она уже поняла, что желудок у варвара железный, а зубы еще крепче. Кислое вино Айсиль отставила, даже не пригубив, и теперь, не зная, чем еще заняться, смотрела по сторонам. Йонард насыщался

обстоятельно, запивая скверную еду дрянным вином, и с каждым глотком настроение его становилось все более и более благодушным. Под конец он даже соизволил обратить на свою спутницу внимание.

– Послушай, Айсиль, – спросил он, лизнув жирный палец, – а с чего ты за мной увязалась? Чем тебя муж обидел?

От неожиданности Айсиль замерла, и Йонард увидел, что щеки ее горят.

– Так что там у вас случилось? – повторил он. – Не бойся. Я нем как рыба. Он что...

– Он отверг меня, – быстро проговорила Айсиль, явно стараясь поскорее отделаться от назойливых расспросов варвара. – Когда отец привел меня, повелитель только взглянул один раз и отправил на кухню...

Щеки Айсиль пылали как маки, а губы дрожали от обиды. Окинув взглядом ее тощее, совсем детское тело, Йонард подумал, что, пожалуй, как мужчина мужчину, вполне понимает Хаима, но он был парнем не злым, а девчонка ничего плохого ему не сделала, напротив. Йонарду захотелось ее утешить.

– Если ты печалишься, что мужчина отверг тебя, то этому горю помочь не трудно, – произнес он с искренним участием.

– Дурак, – обиделась Айсиль и отвернулась – разговаривать с Йонардом ей расхотелось.

Музыка звучала уже давно, но занятые один едой, другая своими невеселыми мыслями, они не замечали ее. А заметить стоило. Играл эульд, и песня его серебряных струн была песней тихого летнего ветра, безмятежного неба, быстрого хрустального ручья, сбегającego с гор и превращающегося в бурлящий поток, поющий живительной влагой цветущую долину...

Айсиль повернула голову. У дальней стены сидел человек, на которого, раз увидев, второй раз по доброй воле не взглянешь. Он был ужасающе тощ, патлат и грязен. Рвань, облегающая его тело, видимо когда-то была халатом, но цвет уже не поддавался определению. Нет сомнения, что с тех пор как патлатый надел ее впервые, прошло лет сто, никак не меньше. Следовало догадаться, что уже и тогда она была не новой, но этот человек ее больше и не снимал. Даже когда мылся, если такой обычай вообще был знаком неизвестному певцу. Закрыв глаза, запрокинув голову, он лениво и вдохновенно перебирал струны и что-то тихо напевал-рассказывал себе под нос. Против желания Айсиль прислушалась.

Ты – как цветок, мила, добра, чиста,
Я – ветер, срывающий роз лепестки.
Ты – как волна забвенья холодна,
Я – солнца иссушающая сила.
Ты – как разлука любящих сердец,
Я – первый поцелуй при новой встрече.
Ты – темный страсти жар,
Я – крик, слетевший с губ от наслажденья.
Ты – огненный поток любви,
Я – бурный водопад в теснине.
Ты – океан безбрежный,
Я – его покой и сила.
Ты – зной пустынь,
Я – свежесть струй фонтана.
Ты – дрожь задетых струн,
Я – песня сердца.
Ты – буйный танец,
Я – неторопливая беседа.
Ты – аромат цветущих роз,

Я – легкое дыханье ветерка.
Ты – серп луны над спящим миром,
Я – россыпь звезд.
Ты – неисчерпаемый источник силы,
Я пью лишь из него.
Ты – лунный свет в листе,
Я – блеск росы.
Ты – как предутренный туман,
Я – песня первой птицы.
Ты – яркий поднебесный свод,
Я – отражение его в долине.
Ты – путник жаждою томимый,
Я – тихий шепот ручейка.
Ты – капля теплого дождя,
Я – гром сердец.
Ты – вечная весна любви,
Я – верный твой певец.

Айсиль так заслушалась, что не заметила, как в трактир вошла городская стража. Один из них, видимо, старший, обвел внимательным взглядом людей, сидящих за несколькими грубо сколоченными столами. Увидел он и Айсиль, и Йонарда, который сидел, уронив голову на стол. То ли притворялся, то ли и впрямь задремал. Однако ничего страшного не случилось, поглядев на спутника девушки, стражник отвернулся и неспешно подошел к сидящему в углу певцу-бродяге. Тот прервал пение, поднял на стражника светло-серые глаза и посмотрел на него без страха и недовольства, скорее с детским любопытством.

– Ты разве не слышал указа? Попрошайничать в трактирах запрещено! – строго и внушительно произнес начальник отряда стражников.

Певец покачал головой.

– Я ни о чем не прошу, у меня все есть.

– Все есть? – стражники переглянулись и негромко рассмеялись. – Ну, если у тебя, бродяга, есть все, тогда ты богаче самого султана.

Певец улыбнулся, и словно солнце выглянуло из-за туч.

– А ты ответь мне, доблестный воин, кто может быть богаче, чем султан?

– Откуда мне знать, – стражник пожал плечами, скрипя кожаными ремнями ножен и колчана, – может, византийский базилевс или индийский раджа.

– Ты уверен, воин? – как-то загадочно улыбнулся певец.

– Что ты несешь, оборванец? – возмутился начальник стражи. – Я их золота не считал.

– И все же у загадки есть ответ, – проговорил певец куда-то в сторону, – и очень простой ответ. Ребенок нашел бы его. Твой сын, воин, ответил бы верно. С годами мы приобретаем знания, но теряем ясность мысли.

– Ну вот что, – рявкнул стражник, которому надоело это глупое препирательство с нищим бродягой. – Поднимай свои кости и убирайся на улицу.

Певец не двинулся с места. Казалось, он просто не слышал приказа. Стражник наклонился, морща нос, и проорал в самое ухо нищему:

– Убирайся!

Певец молчал. Взбешенный стражник мотнул головой, и два его спутника вытянули стрелы и наложили их на ложе арбалетов.

– Я могу приказать застрелить тебя на месте за неподчинение приказу, – страж пихнул бродягу в бок сапогом. – Или ты убираешься отсюда сам, или тебя выволокут за ноги.

– Ты так и не нашел ответа на загадку? – певец улыбнулся, вновь поднимая голову. – Ничего удивительного. Ты думал только о том, как бы та красивая девушка в углу не сочла бы тебя трусом, который не смог справиться с бродягой. Успокойся. Она не считает тебя

трусом. Она считает, что ты – редкий дурак. – Певец беззлобно рассмеялся, и закончил: – я никуда не пойду. Мне здесь нравится. Можешь убить меня, воин. Я уже закончил песню.

– Отстань от него, Суржак, – хозяин трактира подошел, переваливаясь с боку на бок, как большой толстый гусь, – он в самом деле ничего не просит, только сидит в своем углу и играет. Гости не против. А по мне – так пускай.

– Давно сидит? – счел долгом службы поинтересоваться Суржак.

Трактирщик задумался. Делал он это весьма примечательно, одой рукой почесывая плешь и загибая на другой пальцы.

– Дней десять уже будет, – неуверенно произнес он. – Пришел неизвестно откуда, да вот как раз на исходе праздника вроде слегка навеселе, здесь немедленно добавил, сколько не хватало, и почитай с того дня так и не протрезвел. Да мне то что? Он тихий, не буянит, только играет, песни иногда бормочет да еще смешные загадки задает. Музыка хорошая. Людям нравится. Пускай сидит, а?

Стражник не был злым человеком. Не был он и упрямым. Пошумев еще немного для остротки, он похлопал хозяина по плечу, а его не первой молодости, но бойкую родственницу по заду и, прихватив с собой кувшин вина, наконец, оставил и гостей и владельцев кабачка в покое. Двое стражников с арбалетами последовали за ним. Певец не шелохнулся. Йонард поднял голову, он и не думал спать. Варвар отлично видел все, что произошло в трактире, и теперь с любопытством оглядывал нищего бродягу. Германцу случалось видеть смелых людей. Он и сам был не робкого десятка, но знал, что всегда, пробуждаясь, отвага должна победить страх. В светло-серых глазах певца, в его глубоком голосе Йонард не заметил никакой борьбы. Певец, похоже, просто не знал, что такое страх и с чем его едят. Хрофт! С таким парнем стоило познакомиться поближе.

– Хозяин! – рявкнул Йонард, – неси еще вина.

Хороший совет Дзигоро по поводу злоупотребления вином разделил судьбу всех остальных хороших советов, то есть попросту был проигнорирован.

Певец был не то чтобы пьян, но все-таки не сказать, чтобы трезв. Серо-стальные глаза его лучились добром и любовью ко всему живому и неживому. Он сходу приметил вино, которое так и не пригубила Айсиль, осушил ее кружку и улыбнулся девушке. А та невесело улыбнулась ему в ответ. Йонард хотел было еще навести разговор на стражников с арбалетами, но певец беспечно махнул рукой с зажатым в ней эльдузом.

– Один раз, дело было в Хорезме. Ты, приятель, был в Хорезме? – бродяга почувствовал в Йонарде какое-то подобие интереса. – Значит, был. Ну так вот. Был я еще молод. И написал как-то песню для одного скупого господина по случаю торжества в его доме, спел ее, но никакого вознаграждения не получил. Ждал несколько дней. Ничего. Тогда я написал просительную песню и передал ее господину. Тот снова не проявил никакого интереса. Еще через несколько дней я написал песню, где зло высмеял его. Господин и виду не подал. Тогда я пришел к его дому и уселся у дверей. Вышел хозяин, увидел меня, удобно расположившегося у его порога.

«Эй, неисправимый наглец, – закричал он мне, – ты восхвалял меня, я ничего не дал тебе, просил – я не обратил внимания, высмеял меня – я не показал виду. С какой надеждой ты сейчас явился сюда и уселся у дверей?»

«С надеждой, что ты умрешь, и я с легким сердцем напишу тебе похоронную песню».

Скупой господин разгневался, а был он далеко не последним человеком в Хорезме, и велел выгнать меня из города. С тех пор и брожу я по свету. Но на него я не в обиде. Спасибо ему, сам бы долго еще собирался.

– Хотел бы вернуться? – спросил Йонард, невольно задетый рассказом.

Он тоже с детства бродил по свету, но сам себя никогда не спрашивал, хотел бы он сейчас оказаться на родине или вернуться в одну из тех прекрасных и удивительных стран, в которых успел побывать. Певец лишь пожал плечами и тотчас озадачил варвара и, как он произнес с теплотой в голосе, «прелестную спутницу».

– Как положить лошадь в сундук в три приема?

– Дохлую? – уточнил Йонард.
– Зачем дохлую? – удивился вопросу певец. – Живую.
– А зачем живую?
– А затем, зачем и дохлую, – ответил певец, – только сделать это надо в три приема.
– Ну и как? – заинтересовался германец.
– Очень просто, – в глазах певца ожил и засиял серебристый свет, – надо открыть сундук, положить лошадь, закрыть сундук. А как положить в тот же сундук верблюда в четыре приема?

Йонард задумался, не замечая, как вино из его кувшина как-то незаметно переместилось в кружку Айсиль, а из нее, сопровождаемое глубокомысленным напутствием «Если хочешь пить – пей!», в желудок певца, который был, вероятно, бездонным. Но тут девчонка рассмеялась тонким смехом, похожим на звон хрустальных капель родника.

– Я догадалась. Открыть сундук, вынуть лошадь, положить верблюда, закрыть сундук. Правильно?

– Правильно, – бурно обрадовался певец.

Видно, Айсиль была первым человеком, который отнесся так серьезно к его глупым загадкам. Йонард не собирался мешать им развлекать друг друга хоть до рассвета. Он собирался заказать еще вина и попытаться позабыть о своих бедах хоть ненадолго. Но сегодня судьба была против него. Вместо третьего кувшина за столом возник призрак Дзигоро. С ним определенно что-то случилось. Слова, которые он произнес, объяснили Йонарду все.

– Учитель мертв. Бутылка пропала.

Дзигоро становился настоящим призраком и вестником смерти.

* * *

Дзень Сю лежал на своей циновке, раскинув руки, и лицо у него было такое, словно в последний миг своей жизни он увидел самого Таната или еще что-либо подобное, большое и мерзкое. Айсиль опустилась перед ним на колени и осторожно закрыла старчески бесцветные глаза учителя. Случилось то, что должно было случиться. Так говорил и сам старый китаец. Он все-таки выполнил то, что считал своей главной целью на этом пути. Дыхание Смерти запечатано вечной печатью. Все силы, вся уходящая жизнь старика достались проклятой бутылке. По щекам Айсиль бежали слезы, но она не утирала их и не прятала, они текли из самого сердца. Чистая печаль о том, кто прожил свою жизнь так, чтобы уйти, не жалея о тех, кого оставляешь. Чуть подрагивающие губы Айсиль раскрылись, произнеся, словно в полубеспамятстве:

– Ночь, прими меня
В свой вечный союз
Света и тьмы.
Обними холодной рукой
За плечи.
Посмотри,
Как горят слезы
В черных провалах лиц
Тех, кто давно
Ждет с тобой
Встречи.
Ночь пришла,
Ты свободен,
Иди!
Это – не смерть,

То рождение души».

Йонард и Дзигоро молча стояли над ними.

– Как хочется спокойствия душе, простора, не заполненного болью, как хочется оставить на земле хоть что-нибудь с тоскою и любовью, – тихо и нараспев проговорила Айсиль, поднимаясь с колен.

Она внимательно огляделась и через некоторое время убежденно заявила, что бутылки в доме нет. А ей можно было верить, нюх у нее на колдовство был прямо-таки собачий. Бутылку унесли. Совсем недавно. Куда? Возможно, Айсиль могла бы почувствовать, но потребуется время... Времени у них не было. Йонард внезапно понял, что призрак Дзигоро смотрит на него, и на этот раз требовательно. Он отвернулся, чтобы избавиться от потустороннего сияния этих темных глаз, и наткнулся на робкий и умоляющий взгляд Айсиль. Варвар сморщился, будто вместо вина по ошибке хватил кумыса, помянул Хрофта и Таната, мгновение помедлил.

– Ну конечно, позвали верблюда на свадьбу, а он сразу догадался – либо за водой пошлют, либо по дрова, – проворчал он. – Хорошо! Только штаны подберите.

Призрак по своему обыкновению улыбнулся. Йонард злился, и в другое время оторвал бы ему голову. Хотя, как оторвать голову призраку? Возможно, и есть способ. И, скрипнув зубами, варвар поклялся, что он этот способ отыщет, вот только покончит с этой проклятой бутылкой и противным египтянином из Черной башни. Воспоминания о колдуне, башне и вратах Заката помогли ему. То, что представлялось смутно, сделалось вдруг ясным, простым и понятным. Выпустить из себя зверя оказалось гораздо легче, чем стать человеком. Йонард чувствовал, как в нем поднимается глухая ярость, но не стал ее подавлять, напротив, дал ей волю, и она поднялась выше, отозвавшись в горле коротким рычанием.

Пес, точно из живого серебра, с зелеными горящими глазами и яростно вздыбленной на загривке шерстью, освобождался от человеческой одежды. Черный подвижный нос его уже втягивал гнилой и пьяный аромат Хорасана.

– Есть, – через некоторое время сообщил Йонард Дзигоро. – Они ушли наверх, в кварталы знати. Надо поторопиться, если... если еще не поздно.

Пес рванулся вперед, как стрела с туго натянутой тетивы. Серебряный демон, голубая молния... Он летел по пустынным улицам, ясно различимый среди всех других, резкий, дразнящий и против воли злящий запах вел его, исключая возможность ошибиться. Через несколько прыжков Йонард, еще не видя своих спутников, почувствовал рядом их присутствие. Как всегда, они появились из темноты. Из ниоткуда, у правого плеча проступил грациозный силуэт гибкого черного тела – это была красавица-пантера, чей бег не уступал бегу пса в стремительности и силе. Питон с обезьяньей головой оказался у левого плеча Йонарда, в темном и душном воздухе он струился, как шелковая лента, оставляя за собой светящийся след разбрасываемых голубых искр. По этому следу с быстротой мысли двигалась огромная, толстая крыса, быстро перебирая своими паучьими лапами. Она не отставала. Никто из жителей не видел этого стремительного бега демонов, а если и видел, то не успел разглядеть, упав с размаху на колени, там же, где стоял, вознося горячие молитвы Ахура-Мазда. Но молитва не остановила компанию. И вряд ли во всем городе, да и за его пределами, нашлась бы сила, способная их остановить. Четверка демонов промелькнула и пропала, словно привиделась, не успев породить ни особых страхов, ни легенд, ни удивления. Никто также не заметил, как отстала и скрылась в одном из темных переулков девчонка Айсиль.

Их сумасшедший бег по ночному городу закончился перед богато украшенными дверями большого дворца. Белые стены его горделиво высились над деревьями небольшого сада, фонтан в глубине двора дарил драгоценную прохладу. В одном окне под самой крышей пробивался сквозь занавеси слабый отблеск огня. Призрак Дзигоро отстал всего на долю мгновения.

– Это они, – объявил он, – Хаим-Лисица и его люди. Еще с ними местный ювелир.

Очень темный человек. Внутри. Я бы ему попону от дохлого осла не доверил.

– Что делают? – кратко поинтересовался Йонард, прерывая размышления своего наставника.

– Что и всегда, – призрак начинал говорить загадками.

– Пьют, – догадался Йонард. – Сколько их?

– Людей, не помню, – Дзигоро вздохнул, – но кувшинов было больше десяти.

– Значит, пятеро точно есть, – определил Йонард и сдавленно выругался: – Хрофт! Где Танат носит этого Суржака с его молодцами? Когда надо – городской стражи днем с огнем не сыщешь! Зато появятся всегда в самый неподходящий момент.

Глава двенадцатая

– Что будем делать? – спросил у друга Керам.

– Неважно что, важно «как», – Йонард-пес в сомнении сморщил нос. – Дай подумать. Поспешность нужна только при ловле блох...

– Ты становишься философом, – похвалил Дзигоро. – Мудрость, достойная не только четвероногого... Знаешь ли, у нас говорят: «Размышляй о вечности на пороге своего дома и мимо тебя пронесут труп твоего врага».

– Ну да, – кивнул Йонард, – а пока мы тут будем высиживать цыплят из вареных яиц, Хаим откупорит бутылку...

В самом деле, что взять с четверки демонов и одного призрака? Кто бы знал, что на самом-то деле вся их сила только и заключается в том, чтобы человек САМ испугался да от страха и умер. Только вот шайка Хаима единственно, чего боится – мало поесть. А больше этого – только мало выпить. Им сам Танат сводная родня, и, Хрофт их заberi, боятся они его только по привычке, да и то только по большим праздникам...

Дзигоро внезапно исчез.

Йонард сел. Потом лег, положив тяжелую голову на лапы. Отсутствие призрака затягивалось. Одно радовало – убить его не могли, поскольку премудрый приятель Йонарда был уже мертв, а двум смертям, как известно, не бывать.

Внезапно окно под крышей, едва озаренное слабым светом почти прогоревшей светильни, стало совсем темным.

– Опоздали, – мысль обожгла не хуже факела, но спустя всего один стук сердца Йонард понял: Дзигоро. Его работа...

Варвар даже не увидел, а почувствовал, как застыли в ожидании рядом с ним Керам и Малика, а за ними тревожно перебирал паучьими лапами Кошиф.

* * *

Разбойники не были пьяны, хотя напиться им, возможно, стоило. Проклятая бутылка Таната не открывалась. Хаим-Лисица трижды нараспев прочел заклинание, где звучало подлинное, неизвестное людям имя Темного бога, но результат оказался не совсем тот, которого ожидали. Вернее, вообще никакого результата не оказалось. Хаим тупо смотрел на упрямый сосуд, отказываясь верить своим глазам.

– Может ты... того... слова перепутал? – встрял Мердек, но Хаим так зыркнул на него из-под нахмуренных бровей своим никак не лисьим, а почти волчьим, тяжелым взглядом, что тот счел за благо вообще замолчать.

Попытки открыть волшебный сосуд магией не увенчались успехом. Вконец утомившись и израсходовав весь запас молитв и проклятий, Хаим-Лисица оставил злополучную драгоценность и приказал подать вина. Хуже всего было то, что ювелир сдержал слово и огранил семь превосходных алмазов, а расплатиться с ним было нечем. Хаим крепко рассчитывал на добычу с мертвого города и не предусмотрел никаких запасных вариантов.

– Разбить, – предложил Мердек, – поглядывая на растерянного Хаима не без злорадства.

После недолгого совещания решено было пройти в место, наиболее удаленное от основных комнат и лишних глаз прислуги. В мыльню. Рабов-банщиков отослали, и, помолясь, чтоб сработал перстень-противоядие, Хаим ударил по бутылке тяжелой рукоятью кинжала. Проклятый сосуд только качнулся.

Сначала осторожно, робея перед заключенной в сосуде колдовской мощью, бутылку пробовали разбить все по очереди. Ни меч, ни сабля ее не брали. Огромный, как гора, богатырь Джудраш из всей своей немалой силушки хватил ее серебряным подносом так, что гул прошел по всему дому и закачались под потолком светильники, но проклятая бутылка даже не треснула.

– Слышал я об оружейниках из неведомой страны, лежащей далеко на западе, за семью горными хребтами, – проговорил Рашудия, похоже, не слишком расстроенный неудачей. – Они так изготавливают свои мечи: берут шесть целых частей черного железа, добавляют к ним восемь неполных частей очищенного белого золота и варят все это на умеренном огне длительное время в огнепостоянном глиняном кувшине без доступа воздуха. Такая смесь, быстро остывая и будучи закалена без отпуска, выкована и отточена, режет стекло как алмаз, сечет железо и рубит камень, не тупясь и не лопаясь. Вот был бы у тебя, Хаим, такой клинок...

– Слышал я о таком мече, – буркнул Хаим, – но такие вещи на дороге не валяются, а отнимать его у хозяина рискнет только безумный. Лучше уж самому прыгнуть в пропасть.

– На свете нет ничего невозможного, – многозначительно произнес ювелир, потирая руки. – За звонкую монету тебе хозяин сам принесет свой меч, или кто другой ему поможет. А еще слышал я, что много разных мечей хранится в уединенном и таинственном жилище мага и чародея в предгорьях, на границе с Египтом.

– Все-то ты знаешь, – с едкой усмешкой заметил Хаим, – все-то ты видел, все-то тебе известно. А ведь и носа из Хорасана не показываешь, разве, когда я приглашу...

– Зачем ходить? Зачем глядеть? Надо деньги платить и слушать, – и без того широкое лицо ювелира расплылось в добродушной улыбке.

– А ты не евер часом?

Ювелир, однако, не ответил, а лишь многозначительно улыбнулся, мол, кто не без греха.

Напоминание о деньгах не прибавило радости Хаиму. Того, что было у него с собой, хватило бы разве что оплатить выпивку. Что он и сделал, крикнув куда-то в необъятно гулкое переплетение коридоров и комнат позади себя. Возня с бутылкой как-то незаметно стихла. Разбойники сидели на теплых мраморных скамьях вокруг бассейна. Разгоряченные, кто схваткой с бутылкой, кто сражением с волшебным содержимым других, менее магических сосудов, они, скинув одежду, барахтались в воде, стараясь утопить друг друга, но сообщая это получалось плохо. Впрочем, не слишком они и старались. Масляные лампы, подвешенные к потолку, освещали всю компанию лучше некуда, а по углам густели сумерки. Кое-где поблескивали отраженным светом серебряные кальяны, кувшины для омовений и другая банная утварь.

– И чем только у тебя ее чистят? Ведь видно, что не вчера сделана, хотя сегодня куплена, – произнес Хаим, желая задобрить хитрого ювелира.

В голосе его проскользнуло восхищение – немного – как раз столько, чтобы польстить, и ровно столько, чтоб Рашудия не догадался, что ему льстят.

– Это мой собственный состав, – подобрел голосом ювелир. – Надо взять шелока, и не какого-нибудь, а именно персикового дерева, добавить теплой мочи новорожденного белого ягненка, все это проварить строго определенный срок, в этом-то и есть главный секрет, и этим отваром начистить серебро или золото. И тогда металл не тускнеет долго и светит как солнце, хоть ночь на дворе, хоть ясный день...

В кружке разомлевших разбойников тоже нашелся свой сказочник.

– ...Было так, – говорил он. – Жил в Эраке хитрый человек, звали его Хамиль. Была у него скверная привычка – придти в баню, помыться, побриться, выпить молодого вина, а потом обвинить банщика, что украли какую-нибудь вещь и не заплатить. В конце концов, он так надоел всем банщикам города, что они сговорились не пускать его больше ни в одну баню. Промучился Хамиль две недели, потом не выдержал, пришел в баню и в присутствии свидетелей дал банщику клятву, что не будет больше обвинять его в пропаже и честно заплатит за все. Только Хамиль разделся и вошел в мыльню, банщик спрятал всю его одежду, оставил только пояс с кинжалом. Помылся Хамиль, побрился, выпил молодого вина, выходит – а одежды нет. И сказать ничего нельзя – клятва дана при свидетелях. Понял тут Хамиль, что банщик подшутил над ним, но не растерялся. Застегнул он на себе пояс с кинжалом и сказал банщику:

«Имей же совесть. Ведь не так же я сюда пришел».

Банщик рассмеялся, вернул ему всю одежду и разрешил Хамилю раз в неделю мыться бесплатно...

За рассказами и разговорами никто и не заметил, как Хаим поднялся со своего места и исчез, тихо, незаметно, не сказав никому ни слова, точно лисица, махнув на прощание хвостом. Кто бы сказал «на прощание», а на самом деле – заметая следы. Как старый и уже не раз травленный зверь он чуял опасность за сотни лиг, не то что уж совсем под боком. Также он знал, что уйти от облавы может далеко не каждый и редко когда удастся прорваться всей стаей. Чаще спасаются одиночки. Каждый – сам за себя.

Если Дыхание Смерти теперь ему неподвластно, то надо скрыться на время, чтобы найти выход из этого щекотливого положения, особенно с оплатой работы ювелира. Не делиться же с ним на самом деле! Хотя бы и частью награбленных раньше богатств и теперь признаваемых Хаимом своими кровными. Вот и исчез старый лис из мыльни. Словно и не было его там. И не сидел он рядом с ювелиром.

Дверь распахнулась внезапно, и на пороге возник человек – смуглый, могучий, с копной темных, растрепанных волос и... как сказать? Ну, голый он был, по-другому не скажешь. От неожиданности разбойники утратили дар речи, лишь ювелир, как хозяин дома, более смелый или менее трезвый, икнул и спросил:

– Помыться решил?

Незнакомец обвел всю компанию ледяным взглядом, и у Рашудии мгновенно пропала охота остричь. В этом взгляде читалась непреклонная решимость и еще что-то такое, что не поддавалось описанию. В любых других глазах это выражение могло означать только одно – отчаяние обреченного. Но только не в этих. Взоры всех присутствующих остановились на человеке в дверном проеме. Его узнали. Разбойники, люди не робкого десятка, ждали, что скажет демон, что сделает и вообще, как объяснит свое появление здесь в такое время и в таком виде. Безоружный человек шагнул вперед.

– Эй, приятели, – произнес он вдруг, – а хотите, я сделаю так, что искупаюсь в вашем бассейне, и вы не возразите?

Разбойники с недоумением переглянулись.

– А хотим... – отозвался Рашудия и с чисто житейским интересом добавил: – и как ты это проделаешь?

– Побьюсь с вами об заклад.

– А откуда ты свой заклад доставать будешь? – сразу возрос интерес ювелира.

– А вот откуда, – с этими словами Йонард-варвар поднял едва поместившееся в ладони свое мужское достоинство. – Ставлю против бассейна, что мое копьё длиннее всех ваших.

От неожиданности разбойники опешили.

– Ну что ж, заклад принят, – без тени замешательства произнес Рашудия. – А если проиграешь, что будешь делать?

– Тогда, делать нечего, буду ходить немывтым. С палец толщиной – не грязь, а в два –

сама отвалиться, – отшутился человек, улыбаясь кривой, не слишком доброй улыбкой.

– Ну что ж. Что с тобой делать – мы еще посмотрим, – проговорил ювелир. – А сейчас подходи к свету. А вы там, вылезайте-ка из воды да захватите поднос.

Йонард не был безумно самонадеянным, но в своей силе он был уверен, как в себе самом. И варвар бестрепетно прошел к подносу, правда, стараясь все-таки не касаться его. Германец надеялся, что первым его вызов примет сам Хаим, но нет. Старый лис где-то скрывался, очевидно, обдумывая мерзкие планы наказания Йонарда за подобную дерзость. Но варвару сейчас было не до этого. Темный смысл шарады старого Дзень Сю Йонард разгадал, еще сидя в таверне. Целью состязания был человек с татуировкой, только он сейчас мог помочь Йонарду добраться до Хаима, а точнее – до бутылки со Смертью.

Один за одним, посрамленные и уязвленные завистью в самое сердце, разбойники отходили от подноса, но ни одной татуировки Йонард не приметил. С сожалением смотрел он на редеющие ряды желающих посостязаться. Нет. Тут ему нет соперников. И, посвященного, похоже, нет.

Внезапно в глаза германцу бросились знакомые черты – острое лицо и крупный нос, похожий на клюв хищной птицы. Мердек! Тот, кто едва не убил Йонарда, прикованного цепью. Не отрываясь, Йонард смотрел в его глаза, испытывая почти непреодолимое желание плюнуть ему в лицо. Но в глазах Мердека он прочел точно такое же желание и передумал. Зато он несколько не удивился, когда почти рядом с ним на серебряный поднос легла туго свернутая в кольцо, готовая к молниеносному броску черная змея. Вот она. Татуировка...

– Баня... сейчас будет вам баня, – объявил демон и, сбросив с лавки на пол жалобно звякнувший поднос, грозно рявкнул: – Где бутылка?!

Бешенство охватило Йонарда, подобно огню, и он снова почувствовал, как на загривке поднимается шерсть.

Первым неладное заметил ювелир. Возможно потому, что с самого начала не ждал от хаимовой аферы ничего хорошего. Там, где замешана магия – жди беды, а беда – она долго себя ждать не заставит. Ювелир поднял голову и прямо перед собой увидел картину, от которой волосы на голове зашевелились, а сердце ухнуло в пятки. Прямо из беломраморной стены лезла оскаленная крысиная морда с горящими глазами и, пропихивая неуклюжее тело, изо всех сил помогала себе тонкими паучьими лапами. Рашудия зажмурился, мотнул головой, надеясь, что видение исчезнет, но тут с другой стороны стола донесся сдавленный крик, и в круг света прыгнула грациозная черная пантера, неслышно приземлившись на свои мягкие лапы.

Тут Рашудия толкнул Мердека, заорав что-то нечленораздельное, все повскакали с мест, вращая безумными глазами, с грохотом опрокинулся стол, звон разбитых кувшинов перекрывал проклятия и крики ужаса. Еще не зная, какой кошмар может вылезти из четвертой стены, разбойники инстинктивно рванулись к двери, распахивая друг друга и беспорядочно махая кривыми саблями... и наткнулись прямо на оскаленную пасть.

Жуткое это было зрелище. Клубок беспорядочно мечущихся по комнате человеческих тел, безжалостно избиваемых созданиями магии, которые бестрепетно выносили страшные удары сабель и даже не вздрагивали от смертельных ран. Йонард не помнил себя, не знал, в какой ипостаси ему довелось участвовать в этом сражении, он помнил лишь оскаленные клыки Малики, перекошенное от ужаса лицо ювелира Рашудии, рваные раны, кровь, бледное лицо Дзигоро где-то в воздухе, над сражением, и его голос, слышимый только армией демонов.

– Сзади!

Йонард обернулся и как раз успел срубить или прикусить ювелира. А не якшайся с разбойниками, если ты честный мастер, а если связался – плати!

Он пришел в себя, когда бледный рассвет уже разгорался над городом, а темнота из непроглядно-черной стала седой. Он увидел рядом Дзигоро и, не сообразив, хотел хлопнуть его по плечу, но рука прошла сквозь, и только тут Йонард обнаружил, что кругом мертвые,

растерзанные тела и среди них – прекрасная женщина в плаще из черных шелковых волос.

– Как они ее? – хрипло спросил Йонард.

– Серебряным подносом.

– А Керам?

Но призрак лишь пожал плечами. Судьба грабителя караванов была ему неведома. В голове варвара стоял гул от недавнего побоища, он все еще не мог понять – человек он или собака, но, судя по тому, что Дзигоро смотрел на него снизу вверх, он стоял на двух ногах, только покачивался.

– Бутылка! – напомнил призрак. – Дыхание Смерти.

– Не знаю, где бутылка, – рявкнул Йонард. – Татуированный – вот он валяется. Вроде жив, только малость пришиблен. А Хаим, похоже, все-таки удрал. Недаром его прозвали Лисицей.

Варвар почти растеряннo глядел на кучу мертвецов и покалеченных, пытаеьсь сообразить, что же теперь делать, но мысли метались по кругу, как собака за собственным хвостом: Хаим и бутылка, Мердек и татуировка, Дыхание Смерти и Дзень Сю... И мертвая Малика – прекрасная, бесстрашная женщина, которую любил Керам. Внезапно в тишине послышался звук, которого Йонард не ждал – шаги. Легкие шаги на лестнице. Шли, похоже, двое. Один очень торопился и почти волок другого за собой. Йонард пошарил глазами в поисках оружия, но это были не враги. В дверях появилась запыхавшаяся Айсиль, а с ней – бродячий музыкант из трактира «Золотой баран».

Войдя, девчонка застыла на пороге, не в силах отвести взгляда от жуткой картины. Хотя, живя у разбойников, могла бы и привыкнуть. Одежда Йонарда, заботливо сбереженная, посыпалась на пол. Казалось, Айсиль утратила дар речи и смотрела на своего «спасителя» с диким ужасом. Певец был гораздо спокойнее. Он обвел побоище взглядом, кивнул Йонарду и почти сразу приметил в углу то, что не углядели ни Йонард, ни Дзигоро. Какой-то толстый несуразный человек, прикрыв свои телеса ладонью, пытался незаметно выползти наружу, прижимая к груди...

– Стой! – рявкнул Йонард, но не успел.

Глупая девчонка Айсиль повисла на руке и что-то горячо зашептала. Варвар стряхнул ее, но было поздно. Бродяга уже завладел бутылкой с Дыханием Смерти, без усилий вынул пробку... Йонарда прошиб холодный пот, но ничего страшного не случилось. Певец понюхал вино, одобрительно крикнул, в три глотка опростал бутылку и небрежно отбросил за спину. Варвар еще глядел, как диковинный сосуд со стуком катится по полу, когда певец ухватил толстяка-Кошифа за плечо.

– Ты куда? – добродушно спросил он.

Тот, глядя на бродягу несчастными глазами, жалобно пискнул:

– Халат бы мне.

Не спрашивая ни о чем больше, певец снял с плеч свою засаленную хламиду, оставшись в таких же грязных шароварах, и от всей души протянул ее незнакомцу. Но тот почему-то не спешил взять подарок. Напротив, сморщил брезгливо нос и шарахнулся, будто ему подсунули ядовитого скорпиона.

– Ну, как знаешь, – не обиделся певец. – Кстати, чем отличается халат от джунглей?

Кошиф что-то неразборчиво пробормотал, пытаеьсь вырваться, но на этот раз самым умным оказался Йонард. Он, наконец-таки понял, что произошло, и поразился сообразительности Айсиль. «Тот, кто ничем в этой жизни не дорожит, может выпить Дыхание Смерти как обычное вино». Варвар свел концы с концами, с облегчением рассмеялся и ответил певцу:

– В халате одна обезьяна, а в джунглях много.

Именно этот момент бутылку Таната выбрала, чтобы завершить свой земной путь. Сначала на гладкой поверхности появилась одна трещина, потом другая. Потом вся она покрылась мелкой сетью трещин и беззвучно рассыпалась в пыль. А город остался стоять, как и стоял. Погибели мира беззаботному пьянчужке хватило ровно на три глотка. Похоже,

он и сам не понял, что натворил, да и не вникал. Хоть Айсиль и пыталась что-то ему втолковать, смеясь и плача, глядя на него влюбленными глазами, но он отмахнулся от объяснений, еще раз кивнул Йонарду и толстяку, обнял Айсиль и вышел за дверь, слегка покачиваясь. Девчонка послала варвару извиняющийся взгляд, тот с пониманием кивнул и криво улыбнулся.

Над городом поднималось солнце, прогоняя тени, и в ярком свете его лучей все таинственное и страшное становилось простым и понятным.

– И долго ты намерен так стоять? – напомнил о себе Дзигоро. – Имей в виду, у тебя только два дня. Сегодняшний и еще один. А вечером, после восхода луны, откроются врата Заката. Ты должен успеть.

– Куда? – холодно спросил варвар. – Черную башню охраняют лучше, чем Шипы Хана – его дворец. Тут одному не справиться. Пусть даже с призраком за компанию. Тут нужно войско...

– А у тебя ЕСТЬ войско, – напомнил ему Дзигоро.

Глава тринадцатая

Стремительные южные сумерки скользили с последними лучами заходящего солнца к земле. Оранжевая звезда опускалась за горизонт, поджигая на прощание вечерние облака, которые горели погребальными кострами по уходящему дню. Иссиня-черная бездна распаивала свои чертоги в недостижимой для смертных вышине. Сначала не слышно было ничего, кроме сумеречного ветра, поющего среди песков и скал. Как вдруг где-то недалеко провыл волк. Это был не обычный волк, это был – Предвестник. Предвестник кровного долга. Ненависть, смешанная с торжеством, бесстрашием отчаяния и пронизанная едва уловимой насмешкой – вот что такое Предвестник.

Когда раздается этот вой, слабым не место вне дома. Стая шла по безжизненной местности. Волки текли широкой желто-серой рекой, почти сливаясь с цветом попадавших на пути валунов. По бокам, охраняя стаю, шли самые опытные и матерые волки. Они зорко следили за всем, что попадалось навстречу, и чутко ловили малейшие шорохи, готовые тут же ринуться в бой с любым противником, не дожидаясь приказа. Высланные далеко вперед разведчики должны были загоя предупредить о любой непредвиденной опасности. Всех этих крайне осторожных действий требовал суровый закон войны. Йонард как никто другой сознавал всю опасность начатого им предприятия. Но он не мог поступить иначе. Будь германец в человеческом облике, ему было бы гораздо проще разобраться в создавшейся ситуации, но сейчас у него просто не было другого выхода. А битва предстояла жестокая. Насмерть.

«Волки, бывшие людьми – против людей, ставших волками. А между ними – пес, на семерых рос... Ерунда какая! – мелькнуло у Йонарда в голове. – Но, Танат их всех поberi, как хочется увидеть свое настоящее отражение в кристально чистой воде Ильбарса!»

Вдалеке показались три быстро приближающиеся черные точки, которые превратились в три стремительные серые тени. И вот уже перед Йонардом остановились, устало поводя боками после долгого бега, разведчики.

«Что там?» – взглядом спросил пес.

«У стен башни пусто и тихо», – отвечал молодой гладколапый волк, переводя дыхание.

«Ворота?»

«Закрты», – последовал ответ.

«Вот и добрались», – эта мысль почему-то развеселила и обрадовала Йонарда.

Час освобождения приближался.

Стая подошла к воротам башни в тот самый заветный миг слияния золотых и серебряных нитей света, однако огромные, окованные черными железными пластинами створки даже не дрогнули, не то чтобы разверзнуться перед ними в нестерпимом неземном

сиянии и открыть дорогу к башне. Йонард в нетерпении прошелся несколько раз вдоль ворот, даже поскреб их лапой, не веря своим глазам. Нет, врата Заката были заперты, причем наглухо.

– Я убью египтянина! – это все, что мог сказать северянин сам себе в утешение.

Безмолвная лунная ночь окутала мир. Ее черные бархатные крылья, слегка траченные звездной молю, ласково обволакивали все живое. Дневная жара легко забылась в прохладном, приятно освежающем ночном воздухе.

Но прохлада не радовала волков, стоявших одной огромной стаей вокруг пса-воина. Они, так же как и Йонард, безмолвно застыли в ожидании около ворот. Но чего они ждали? Разве только чуда...

«Стоят, проклятые! – в сердцах подумал Йонард. – Разрази их гром и молния!»

Внезапно небо содрогнулось от страшного грохота, прокатившегося над окрестностями. Пучок рваных молний впился тысячью зазубренных стрел в одетые панцирем ворота. Они задрожали, подались назад и рухнули, подняв тучи пыли.

Большой черный проем зиял на их прежнем месте.

Йонард снова не поверил своим глазам. Он торжествующе взвыл. Сотни мощных глоток подхватили его боевой клич. Еще не успела осесть пыль, поднятая над грудой обломков, а Йонард ринулся в проем. Пес не оглянулся назад – зачем? Он был уверен в своей стае. И они пошли за ним. Клич стаи звучал все громче и громче в крошечной тьме. Все ярче разгорались хищно-неистовым зеленым пламенем глаза зверей. Они летели, как на пир. Пес первым оказался у входа, мелькнул в проеме и растворился в темноте строения. За ним в крепость, заполняя собой внутренний двор, хлынули волки. Стражники спросонья выскочили из своих каморок. Но далеко убежать им не дали. Волки Большого Пегого и Рваного Уха, как и волки Седого, не знали запрета охоты на человека. Крики и стоны людей, которых рвали звери, летели вслед за их душами к бесстрастному ночному небу. Но боги молчали, отгораживаясь от них непроницаемым пологом дождевых туч. И хлынул дождь, смывая свежую кровь.

Громада Черной башни, сжатая со всех сторон такими же черными базальтовыми выступами скал, внезапно появилась из темноты ночи как воплощенный ужас. У железных дверей башни отчаянная горстка людей из охраны мага из последних сил отбивалась от зверей, обезумевших от ярости. Страх практически парализовал стражников. Они как замороженные глядели с суеверной дрожью в налитые кровью глаза, оскаленные пасти и на змеящиеся между зубов языки, с которых стекала слюна. Йонард метнулся к ним. Волчица была рядом – на полкорпуса позади его плеча.

Ощетинившись длинным копытами и плотно прижавшись к стене, стражники убивали всякого, кто отваживался на прыжок. Когда подоспел Йонард, волки, сбившиеся в кучу, металась возле людей, не в силах что-либо поделать с ними. Волки проворны, хитры и бесстрашны в самой лютой схватке, но, когда надо идти напролом, им зачастую не хватает простого отчаяния. Но Йонард показал этим серым бестиям, кого не хватало в их стае. Беззаветное мужество есть только у человека.

Воздух, пропитанный запахом крови, свинцовой тяжестью давил на грудь. Вдруг его разорвал глухой рык, тут же сорвавшийся в предсмертный визг. Еще какой-то один храбрец с лету угодил на копье.

Нехотя, яростно огрызаясь при этом, волки отступили. Места как раз хватило для разгона, и Йонард всей своей тяжестью обрушился на противника. Силой своего удара он разорвал строй, сбив с ног сразу двоих. В образовавшуюся брешь в обороне людей тотчас же устремилась вся волчья стая. Захрустели переломленные копыта. Десяток хищников упал, пронзенный насквозь, но другие достигли цели. У них не было оружия, но они и не нуждались в нем. У них был вожак несокрушимой смелости.

Поваленные наземь защитники Черной башни захлебнулись в собственной крови, втоптаные в грязь. Буквально на плечах немногих из отступавших волки влетели в башню.

В этот раз она встретила гостей менее приветливо, чем их далеких предков. Пришло

время вернуть долг гостеприимства. Йонард обернулся назад – волчица держалась рядом, такая же спокойная, как и перед началом похода. Подруга вожака.

Волки остановились, заполнив своими телами почти всю переднюю галерею, которая где-то посередине разделялась на три расходящиеся в разные стороны анфилады залов и комнат. Все ждали, когда Йонард подаст знак.

И пес опять взвыл так, что своим стало радостно, а чужим страшно.

«Вперед!»

И стая потекла за ним, как горная река, разбухшая от талой воды. От общей стаи по негласному приказу отделились два отряда. Оставшийся центральный, самый многочисленный, продолжил путь вперед, остальные углубились в боковые коридоры башни. Серые тени, сверкающие зеленые искры во тьме, как отражения мертвенно-зеленого пламени белых черепов-факелов. Пес бежал и слышал доносившиеся звуки боя. Стоны раненых людей и вой волков смешались с лязгом оружия. Битва разгоралась повсюду – в самом темном и укромном уголке башни нельзя было укрыться от безжалостных, не знающих промаха кинжальных зубов.

Никогда раньше Йонард не ощущал в себе такой жажды крови.

«Вперед, вперед!» – подстегивал его внутренний голос. Его голос? Неожиданно на его пути вырос темный силуэт. Враг. Перед глазами сверкнул меч. Но человек, как казалось, слишком долго отводил руку для замаха. Прыжок – и вот оно, податливое горло врага. Клыки глубоко ушли в плоть, кровь обдала морду липкой струей.

«Труп убитого тобой противника пахнет приятнее, – подумал пес, приканчивая следующую жертву. – Как слаб человек!»

И люди дрогнули, повернули вспять, ища спасения в бегстве. Искали и не могли найти. Волки рвали людей в клочья, оставались лишь тела, забранные кольчугами, и мечи, не поддававшиеся звериным зубам. Жесткая резня закончилась быстро.

Йонард медленно обводил взглядом поле битвы. Трупы в лужах крови, исковерканное оружие... Где-то он уже видел все это. Много раз. Но его бой еще не закончен. Хозяин Черной башни. Он должен найти его!

И тогда боги решат судьбу их поединка.

Отделившись от стаи, Йонард устремился к основанию башни, туда, где находилась та самая пещера с вечным подземным огнем. За первым же поворотом к нижней галерее его окутал плотный, почти осязаемый мрак, знакомый ему еще с первого визита, погружая в океан безвременья. Йонард огляделся по сторонам, решая, что ему следует предпринять.

* * *

От стены отделился тусклый шар и завис над собакой. Из глубины его стал вырываться свет, разгорающийся с невиданной силой. Наконец, став подобным раскаленному угольку, он полетел по узкому коридору, маня за собой.

«Дзигоро», – догадался Йонард, бросаясь вслед за шаром. Дышалось свободно.

Волшебный свет подобно мечу разрубил паутину колдовских заклинаний, опутывавшую коридоры. Вот и она, та лестница, которая привела его сюда в прошлый раз. Он на мгновение замер. Но присутствие Дзигоро, пусть даже незримое, дало ему надежду. Шар взмыл вверх по ступенькам и исчез за поворотом. Йонард последовал за ним. Миновав крутую лестницу, он очутился на вершине Башни. Смотровая площадка на такой высоте, обдуваемая всеми ветрами, показалась Йонарду до боли знакомой. Пес осмотрелся, перевел дыхание, и тут...

Огромная тень, необъятная, скользкая, неотступно надвигалась на пса. Бестелесное существо обдало его могильным холодом, но нападать не спешило. Йонард стоял в полный рост, сжимая кулаки до хруста костей. Египетский маг смотрел на него ехидно.

– Вот мы и встретились, Йонард из Германии, – голос мага звучал как зауспокойная молитва.

– Я ждал этой встречи, – ответил варвар, овладев своей яростью, как это ему было не противно.

– Ты пришел, чтобы умереть? – медленно спросил египтянин, делая шаг навстречу и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Тогда ты попал туда, куда надо. В прошлый раз ты улизнул. Ну что ж... Не волнуйся, сейчас я сделаю все так, чтобы ты подольше помучился.

– Я пришел получить должок, – спокойно произнес Йонард. – В нашу последнюю встречу мне помешали разделаться с тобой, колдун.

Египтянина, похоже, не поразило, что Йонард очутился перед ним, стоя на двух ногах. Йонард удивился еще меньше. За последние дни он начал привыкать к своим превращениям.

– Где мой меч? – деловито поинтересовался варвар. – Надеюсь, ты его не потерял?

Тумхат смотрел на Йонарда с малопонятным интересом и безо всякого страха. Голову занимали совсем другие мысли.

– Ты как будто собрался стать великим королем? – спросил он вдруг.

– Почему бы нет?

Тумхат усмехнулся, и германец заметил, что тот держит в руках странное сооружение из двух палок и толстой веревки, переплетенной и завязанной в немыслимый узел.

– Существует старое предание, – проговорил колдун, – великим королем сможет стать лишь тот, кто развяжет этот узел.

Варвар деловито протянул огромную ладонь, и сооружение оказалось у него в руках. Развязать его не было ни малейшей возможности. По крайней мере, в ближайшие сто-двести лет. А сейчас он все-таки спешил.

– Так, значит, тот, кто распутает это бабье рукоделье – станет великим королем? – переспросил Йонард. – Где-то я это уже слышал.

Внезапно рука его метнулась к египтянину, выдернула из-за его пояса тонкий кинжал... Тот замер. Острие подрагивало у его тощего горла.

– В предании не сказано, как именно его нужно распутывать, – пояснил Йонард, – вот я и развяжу его... твоими руками. – С этими словами варвар сунул в руки мага то, что он назвал бабьим рукоделием. – Поторопись. И, слушай, где все-таки мой меч?

– На базаре в Хорасане.

Йонард опешил. Меч, верный спутник в рискованных приключениях, почти часть его самого... Да как он посмел?! Ярость захлестнула его, как петля капкана, не взвидя света, варвар двинулся на Тумхата, с намерением разорвать его на две части, и никак не меньше.

Маг вытянул руки, встречая выпад человека. Кулак германца ударил по ним и отпрянул, словно налетел на непробиваемую стену.

Тень расплылась. Теперь вокруг стало совсем темно, только сердце напоминало о смертельной опасности. Внезапно тень вытянулась в узкую полоску и оказалась позади Йонарда. Чьи-то руки резко схватили его за шкурку и рванули вверх, пытаясь поднять.

ОН СНОВА СТАЛ СОБАКОЙ, НИЧУТЬ НЕ ЖЕЛАЯ ЭТОГО!

Шкура натянулась, но выдержала. Изловчившись, Йонард попытался укусить незнакомца, но железная хватка врага приковала его к месту. Оставалось только действовать задними лапами с мощными, почти железными когтями. Он уперся передними и с размаху ударил. Руки не ослабили давления, а пес все бил...

Он услышал за спиной рычание, шаги, бросок... Мгновенно ощутив себя свободным, пес развернулся, слыша глухой удар о каменный пол. Йонард готов был броситься на обидчика, но увидел свою волчицу. Она силилась подняться, но лапы не держали ее. Из-под нее растекалась лужа крови. Зеленые глаза в последний раз мигнули и погасли, затянутые тусклой пеленой.

Йонард попробовал достать мага с другой стороны, и вновь стена встретила его выпад.

– Жалкий варвар, – надсмехался египтянин. – Ты пытаешься решить задачу, непосильную для тебя.

Внезапно германец почувствовал полное спокойствие. Он безучастно посмотрел на мага и поднял взгляд к небу. Мириады звезд манили, завораживали своей таинственной

красотой.

– Дзигоро, где ты? – подумал Йонард.

Одна, едва заметная звездочка отделилась от прочих и поплыла на крыльях ветра к башне. Звезда, приближаясь, увеличивалась. Она зависла над соперниками, излучая тусклый свет. Злоба, что накопилась за дни скитаний, бросила Йонарда в атаку. Тумхат молниеносно сдернул свой синий плащ и кинул его на собаку. Йонард в прыжке перехватил тряпку зубами, отбросил ее, ринулся на врага, но невидимая сила отшвырнула его назад и сдавила тугими кольцами.

– Время умирать, человечиска, – раздался за спиной зловещий хохот колдуна.

Он сжал руки, выставив их вперед, и германец увидел, как холодный свет стал вытекать из его ладоней.

С ужасом Йонард почувствовал, что очертания предметов вокруг него расплываются и медленно гаснут. Он завертелся, пытаясь ухватить зубами невидимого врага. Но только горький дым сдавил дыхание, забился в глотку, перекрыв доступ воздуха. Зверь чихал, а черный туман обволакивал тело. Сгущаясь вокруг пса, он сжал его, приподнял над площадкой и выплюнул на каменистый пол. Пес заскулил, извиваясь от боли. Беспощадный мрак окружил его, оторвал от пола и с новой яростью швырнул вниз. Он отбил себе задние лапы и в бешенстве принялся рвать неуловимого противника. В третий раз пес ушибся скуластой мордой, вытянулся на холодном полу и затих.

Переливаясь всеми цветами радуги, в руках мага трепетал огонь. Он поднял его над головой, обращаясь к человеку:

– Ты пришел убить меня? Ты сам найдешь здесь смерть. Ты глуп, человек, как и все ваше племя.

– Ты все-таки ошибся, Тумхат. Почти во всем. Но в одном ты прав – Я ЧЕЛОВЕК!

Под ногами в предсмертных судорогах корчилось его прежнее тело – тело большого серебряного пса древней породы собак-воинов. Но это было уже неважно. Йонард замер над этим умирающим зверем, словно поднялся над собственной смертью. И ни страха, ни ярости не было в нем. И страх, и ярость остались внизу, там, где умирал пес – его звериная половина.

– Уж не этой ли штукой ты решил известить меня? – указывая на горящие ладони мага, произнес Йонард.

Маг плотнее сжал руки, и языки пламени выскочили наружу, ярко освещая смотровую площадку.

– Твоему телу этого вполне хватило, – невозмутимо изрек египтянин, глядя прямо в глаза варвару. – Вот оно лежит, посмотри. Падаль, – смачно сплевывая, закончил маг.

– Это тело мне не принадлежит, – спокойно отвечал варвар.

– Ах вот как, – презренно слетело с губ мага.

Огонь вырвался из рук колдуна и устремился к человеку. В то же время звезда сорвалась с места и разрезала огонь. Послышался звук удара, пламя рассыпалось на тысячи крохотных искр, осыпая площадку. Йонард в один прыжок оказался рядом с противником. Рука его обвила шею мага и прижала кадык к хребту. Кости мага затрещали от неимоверных усилий, а германец, вкладывая всю мощь закаленного тела, давил коленом врага. Йонард, подгибая ноги, потащил мага на себя. Они упали вдвоем. Ступни северянина уперлись в грудь колдуна, и он сильным толчком послал его через голову...

Волки, столпившиеся у подножия Черной башни, шарахнулись в стороны, когда тело стража сокровищницы Таната гулко врезалось в мощеный двор, проломив под собой каменные плиты. Осколки черепа вперемишку с мозгами и кровавые ошметки брызнули во все стороны. Не успели останки Тумхата осесть на камнях, как над местом его падения закружился воздушный водоворот. С неотвратимой настойчивостью он стал разрастаться, вселяя ужас в свидетелей своего появления. Из каждой капельки прежнего тела мага заструился прозрачный дымок. Сначала медленно, а затем все отчетливее и настойчивее. Приподнимавшиеся над землей струйки завлекались в водоворот. Они успевали сделать круг

около невидимой оси, а затем поглощались и придавали ему новую мощь, увеличивая и без того сумасшедшее вращение. Частишки зла стягивались в середине водоворота в темное облако. Бешеный вихрь стал новым прибежищем черной силы некогда могущественного колдуна. Искривленные муками черты лица стали проявляться в бурных потоках.

Две светлые точки мигнули в темноте. Наперерез черному вихрю шагнули двое. Две невысокие, полупрозрачные фигуры, источавшие нездешний свет. Маленький китаец и старик, древний как этот мир.

– Ты ошибся доро гой, Делви, – произнес призрак Дзигоро.

– Я – Тумхат!

Стены башни вздрогнули от этого голоса, и сухое небо швырнулось пучком белых молний.

– Твой слуга, Кошиф, как-то задал мне вопрос, – проговорил Дзигоро, не пытаясь заслониться от молний. – Теперь я задам его тебе. Твоя вера стоит того, чтобы за нее умирать?

– Я бессмертен...

– Ты так думаешь, – проговорил Дзигоро, – но все мы ошибаемся... Время от времени. Он вскинул ладони.

– Нет! – старик отстранил Дзигоро и приблизился к темной фигуре почти вплотную.

– Твой земной путь закончен, – уверенно произнес он, – нового рождения не будет. Ты исчерпал терпение Будды. Магия – это дорога в тупик. Я говорил тебе об этом, но ты не хотел слушать. Теперь пожинай плоды своего невежества...

Грозная черная фигура неожиданно стала оседать и блекнуть. Сила уходила, и не было способа ее удержать... Прошло мгновение... другое...

Вихрь над проломленной плитой понемногу затихал. На его месте осталась лишь невесомая серая фигурка тощего человечка с узкой бородкой.

– Теперь ты понял, что такое – магия? – доброжелательно спросил старик. – Или дальше объяснять? Похоже, Делви, мне придется взять твое обучение в свои руки и начать все сначала...

С этими словами старик положил прозрачную руку на плечо Делви и оба растворились в ночи.

Йонард трясся как в лихорадке. Его тело мелко колотила дрожь. Ужасная боль ломала кости и сжимала череп. Он терпел, скрипя зубами, ибо тело его принимало прежний вид. Ради этого стоило потерпеть.

– Ты свободен, Йонард, – раздался голос китайца.

– Только благодаря тебе, Дзигоро, – отозвался германец.

– Отнюдь. Ты все сделал сам, я лишь немного помог. Теперь прощай. Мне приятно, что я знал тебя в жизни. Я буду помнить тебя, Йонард из Германии. А ты все забудешь.

– Но я не хочу забывать, – возразил Йонард.

– К сожалению, боги редко спрашивают о наших желаниях, и это правильно. Но хорошо уже то, что ты заглянул в свою душу, видел зверя и сумел его приручить. Таким ты останешься навсегда. Прощай!..

Йонард не успел ответить, призрак раздвинул первые проблески рассвета, шагнул внутрь, и они сомкнулись за ним.

Эпилог

Верблюд оказался зверем вполне покладистым и не упрямым. Йонард покачивался на его спине, обхватив горб ногами, пока «корабль пустыни» медленно и величественно плыл по направлению к печально знаменитому разбойничьему оазису.

Варвар спешил покинуть Хорасан по многим причинам, и не последней из них была бойня в доме ювелира. Йонард слыхом не слыхивал о том, что там произошло, но чей-то

длинный язык припел зеленоглазого варвара и туда, и еще к паре-тройке странных происшествий в прекрасном и спокойном до появления Йонарда городе. И он решил, что пора искать новые приключения, но только где-нибудь в другом месте, а для Хорасана и этого достаточно. Как в его дорожной сумке оказались два драгоценных камня величиной с кулак, женский кулак, уточнил любивший справедливость Йонард, он тоже не имел ни малейшего понятия. Тем более что нашел он эти камни вместе со своим неразлучным надежным боевым мечом в изголовье кровати в маленькой комнатенке трактира со смешным названием «Одногорбый верблюд», с точно таким же животным на вывеске, какое сейчас преодолевал бархан за барханом с Йонардом на себе. Только нарисованный верблюд был синего цвета. Йонард заночевал там, перед тем как окончательно двинуться из Хорасана восвояси. Правда, германцу казалось, что он смутно помнит, будто владелец сокровищ вроде бы мертв и наследников у него нет.

Впрочем, этот вопрос был не из тех, которые занимали Йонарда слишком долго.

То, что он издала принял за брошенную тыквенную флягу или бурдюк из-под воды, вблизи оказалось человеческой головой. Голова была седовата, плешива и бешено вращала глазами. Увидев человека на верблюде, голова принялась орать, но, поскольку она занималась этим уже несколько часов, вместо крика из пересохшего горла вырвалось только надсаженное сипение. Впрочем, старалась голова напрасно. Йонард и так бы подъехал посмотреть, что там за чудо торчит в песке, потому что был любопытен и в данное время ничем не занят.

Верблюд послушно лег у самой головы. Варвар, не слезая, рассматривал лицо, которое ему крайне не понравилось. И к тому же что-то смутно напонило.

– Кто это тебя так сильно не любит? – задумчиво проговорил он, скорее размышляя вслух, чем спрашивая постороннюю голову. Однако голова сочла своим долгом простонать.

– Помоги...

Йонард задумался.

– Стоит ли? – в сомнении проговорил он. – Рожа мне твоя не нравится. И сдается мне, в землю тебя воткнули за дело. Кстати, ты так и не сказал, кто это был.

– Пи-и-ть... – просипела голова.

Даже во времена ранней юности, когда человеку свойственна мягкость и нерешительность, Йонард из Германии не давал обета помогать всем страдальцам. Впрочем, вода еще была, а до оазиса – меньше дня пути.

Утолив жажду, голова сделалась вдруг разговорчивой.

– Кто он, кто он... Тот, кто и тебя вкопает в песок по самые уши, только попадись. Он нашего брата не жалуется. Господин Ардашир. Слышал когда-нибудь это имя?

– Ага, начальник хорасанской стражи, – кивнул Йонард без удивления. – Приходилось. Головастый тип, даром, что иранец. А за что он на тебя так обиделся?

Голова фыркнула.

– Кто ж из стражей Хорасана любит Хаима-Лисицу? Ты, небось, тоже не любишь?

Йонард насторожился.

– Да я ведь не со зла, – продолжала голова. – Ты сам пойми. Собака, собака, и вдруг – здоровенный мужик, полшайки у меня порубил... Знал бы, что так все обернется... А вторая половина вон там, неподалеку отдыхает. Ардашир налетел с отрядом конницы – и нет ребят... Должно быть, наткнулся он на нас совершенно случайно. Меня, видишь, почтил особо... А ты, значит, теперь в человеческом обличье по земле ходишь? Дело твое, но выкопал бы ты меня, а? Тебе же не трудно...

Слушая бессвязные бредни головы, Йонард окончательно решил, что от перегрева парень спятил. Однако лицо его действительно что-то напонило варвару, и чем больше он в него вглядывался, тем меньше оно ему нравилось.

– У меня есть золото, – без особой надежды соврал Хаим.

– Ну да... золото. После налета иранской конницы. Ладно, – решил варвар для себя. Откуда-то выплыла в его голове загадка.

Кто ее загадал, и почему она не давала ему покоя?
– Ответишь на вопрос – откопаю. Нет – твоя беда.
– Задавай, – оживилась голова.
– Кто богаче, чем султан?
– Два султана, – выпалила голова, вращая глазами.
Йонард мгновение подумал. Кивнул. И слез с верблюда...

* * *

Страшное чудовище вылезало из-под земли каждую ночь и заботливо обходило Черную башню. Сетх больше не назначал сторожами своим богатств смертных, предоставив эту почетную обязанность одному из своих лучших из лучших слуг. В эту ночь демон-охранник вылез из-под земли злым как никогда. Вековые камни да редкие кусточки слышали из уст его одно странное имя. Не то Йонард, не то Керам, не то еще как-то. Он так бурчал, что и не разобрать. Но проклятия сыпались отменные. Плохо скрываемые злоба и ненависть распирали демона. А люди знали, что он шутить не любит. Снискать гнев его – жуткая история, а проще – смерть.

Одинокая звезда, бледно светившая над Черной башней, вдруг ожила. Она разрасталась, выпуская из себя человека в лунном сиянии.

– Эй, ты, как там тебя! – позвал человек, спускаясь на белом мерцающем облачке. – Ты куда собрался?

Страшилище подняло свою лохматую голову, уставив на гостя жгучий взгляд.

– Тебе-то что за дело, Дзигоро? – вопросом на вопрос отвечал демон, – Раз приняли тебя, так сидел бы тихо...

– Йонарда решил отыскать? – пропуская в свою очередь его слова мимо ушей, задал вопрос Дзигоро.

При упоминании имени ненавистного ему человека у чудовища встала шерсть дыбом.

– Я убью его!!! – громко рявкнула подземная тварь.

– Стоит ли вмешиваться в земные заботы? – опять спросил Дзигоро.

– Я сам знаю свои дела! – огрызнулся зверь, и глаза его налились кровью.

– У них свой мир, у нас с тобой – другой. Оставим им их дела, а сами займемся своими.

– Ты что – предлагаешь себя вместо человека? Ха-ха-ха, – раздалась громовые раскаты хохота демона.

– Рано смеешься. Еще неизвестно, кому выпадет удача, – как всегда спокойно произнес Дзигоро.

– Берегись! – выкрикнуло чудовище, кидаясь в атаку...

Конец первой книги.

Словарь

Афр – город в Иране.

Ашкелон – древний город на территории современного Израиля. Расположен на побережье Средиземного моря.

Ахура-Мазда или **Ормузд** – имя высшего божества древних иранцев.

Акра – (Акко) город в Западной Галилее (Израиль), расположенный на берегу Средиземного моря.

Баал – Балу, переводится как «господин», «владыка» – древнее семитское божество, почитавшееся в Финикии, Палестине и Сирии как бог плодородия, войны, неба и т.д.. Верховный бог в Финикии. Его жена – богиня Иштар.

Вех-Ардашира – **Селевкия** древний город на реке Тигр, основанный в 312 до н. э. Селевком I Никатором в качестве столицы державы Селевкидов.

Византия /Византий – **Восточная Римская империя**, по городу Византий, на месте которого римский император Константин I Великий в начале IV века заложил Константинополь. Сами византийцы называли себя римлянами – по-гречески «ромеями», а свою державу – «Ромейской».

Гебо – древнегреческая богиня.

Еверы – Евер сын Салы и внук Арфаксада, правнук Сима, родоначальника семитов. По одной из версий в честь него евреи получили свое название.

Иштар – богиня плодородия и плотской любви.

Кашмер – город в Иране.

Кут – древний город на территории Ирака, носит современное название Эль-Кут.

Кемет – Та-Кемет (черный) – одно из названий древнего Египта.

Митра – древнеиндийское божество, восходящее к индоиранскому (арийскому) периоду. Митре поклонялись на восточных территориях Римской Империи.

Сетх или **Сет** — в мифологии древних египтян бог пустыни, олицетворение зла, убийца Осириса. Изображался в виде человека с головой осла.

Сераль – дворец.

Санджапуре – город на севере Индии.

Туран – территория, расположенная на севере и северо-востоке Ирана.

Танат – **Та́натос**, Та́нат, буквально — «смерть» – в греческой мифологии олицетворение смерти, брат-близнец бога сна Гипноса. Живет на краю света. Танатос обладает железным сердцем и ненавистен богам. Он – единственный из богов, не любящий даров.

Хрофт – верховный бог древних германцев, известен также под именем Один.

Хорасан – город и одноименная провинция в Восточном Иране.

Шаханшах или **Шахинша́х** – переводе «царь всех царей» – древний персидский (мидийского происхождения, заимствованный Ахеменидами), позже иранский монархический титул.

Эрак – город в Центральном Иране, известный также как Солтанабад.

Юпитер – в древнеримской мифологии бог неба, дневного света, грозы, царь богов, верховное божество римлян. Супруг богини Юноны. Соответствует греческому Зевсу. Бог Юпитер почитался на возвышенностях, вершинах гор в виде камня.